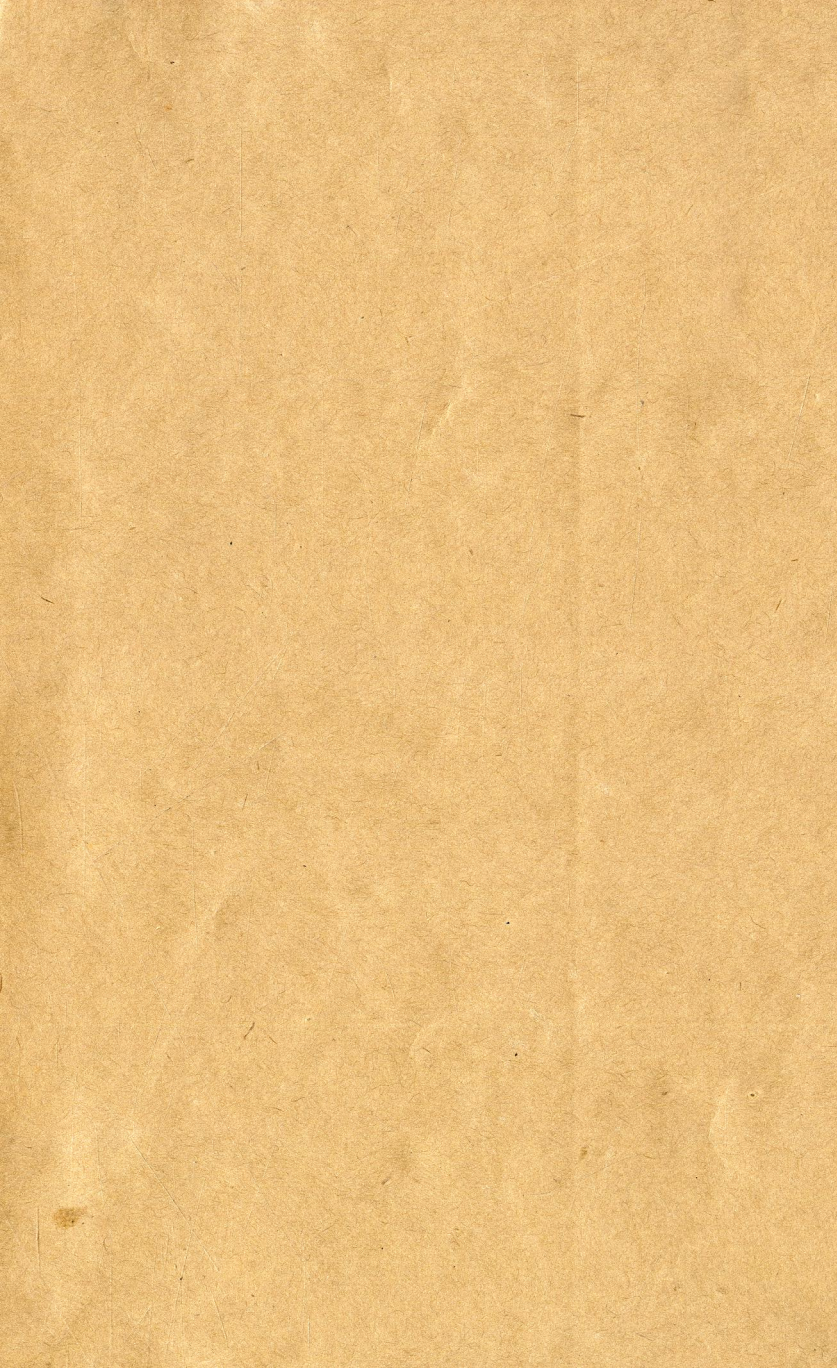

1574

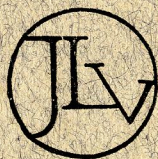

162

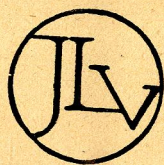
Карлъ Каутскій

Терроризмъ и Коммунизмъ

Переводъ съ нѣмецкаго

Berlin
J. Ladyschnikow Verlag G.m.b.H.

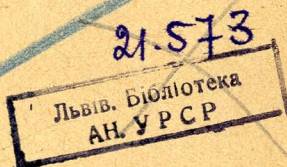
Ч. інв. 1044 / 1984 р.
В 46.

66
10

Карлъ Каутскій Терроризмъ и Коммунизмъ

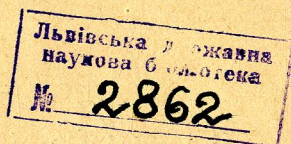
Переводъ съ нѣмецкаго

Св.ст. Г.А. Прибалт.
1949г.

Берлинъ
Издание Т-ва И. П. Ладъжникова

Льв. 1947/34
B46.

Предисловіе.

Начатая почти годъ тому назадъ, предлагаемая работа была прервана революціей 9 ноября. На мѣсто теоретическихъ и историческихъ изысканій революція поставила предо мной инья заданія. И только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я получилъ возможность возобновить мою работу и, хотя и съ повторными перерывами, закончить ее.

Такія условія не благопріятствовали цѣльности изложенія. Она страдала еще благодаря тому, что въ процессѣ обработки пришлось до нѣкоторой степени отклониться отъ темы.

Мою исходную точку зрѣнія составляла основная проблема современнаго социализма: отношеніе социаль-демократіи къ большевистскимъ методамъ. И, такъ какъ большевизмъ, какъ на предшественницу и прообразъ свой, ссылается на парижскую Коммуну 1871 г., получившую санкцію Маркса, а съ другой стороны современному поколѣнію исторія Коммуны мало извѣстна, то я и провожу параллель между нею и совѣтской республикой.

Для уясненія особенностей Коммуны мнѣ пришлось коснуться парижской Коммуны, а съ ней — и французской революціи съ ея терроромъ. Такъ какъ возникла новая параллель къ совѣтской республикѣ, то къ изслѣдованію Коммуны оказалось необходимымъ присоединить анализъ террора, происхожденія и послѣдствій его.

Такимъ образомъ проходящія черезъ эту работу двѣ мысли порой отклоняются одна отъ другой. Мнѣ самому это казалось неудобнымъ, и я подумывалъ о томъ, не лучше-ли было бы раздѣлить весь трудъ на двѣ части: очеркъ Коммуны и изслѣдованіе террора. Но оба эти вопроса находятся въ такой тѣсной связи съ исходнымъ пунктомъ моихъ изслѣдованій — совѣтской республикой, — что мнѣ не представлялось возможнымъ освѣщать ихъ раздѣльно.

Надѣюсь, что, не взирая на трудности, вытекающія изъ двойственнаго характера темы, мнѣ все же удалось сохранить цѣльность построения.

Какъ бы академичны ни казались читателю нѣкоторыя изъ моихъ положеній, но всѣ они подсказаны животрепещущей дѣй-

ствительностью, какъ это иначе и быть не можетъ въ такую бурно взволнованную эпоху. Это, конечно, не значить, что я подгонялъ истину подъ требованія момента, но что я всюду, какъ и въ моихъ экскурсіяхъ въ отдаленнѣйшее прошлое, останавливался на такихъ чертахъ, которыя могутъ пролить свѣтъ на свирѣпствующій вокругъ насъ хаосъ.

Невеселыя мысли и перспективы встаютъ при взглядѣ на этотъ хаосъ — русскій и нѣмецкій: тонущій въ экономическомъ развалѣ и гнусномъ братоубійствѣ міръ; здѣсь и тамъ социалисты въ составѣ правительства, расправляющіеся съ другими социалистами съ одинаковой жестокостью, которую поль-столѣтія назадъ пролетаріатъ заклеилъ презрительнымъ негодованіемъ за версальскія убійства коммунистовъ.

Но все-же перспективы проясняются при мысли объ Интернаціоналѣ. Поднимаются рабочіе Западной Европы, и имъ предстоитъ болѣе достойными способами осуществить болѣе прочныя цѣли, чѣмъ это до сихъ поръ выпадало намъ на долю на Востокѣ.

Но для этого необходимо, чтобы рабочіе научились распознавать различные методы борьбы и созиданія по ихъ результатамъ.

Не слѣпое восхваленіе теперешнихъ методовъ революціи, но ихъ строгая критика необходима, настоятельно необходима именно теперь, когда революція и социалистическія партіи переживаютъ тяжкій кризисъ, и идетъ борьба за торжество различныхъ методовъ. Успѣхъ революціи не въ малой степени будетъ зависѣть оттого, удастся-ли истиннымъ методамъ найти дорогу въ среду пролетаріата.

Изслѣдованіе нашихъ методовъ является нашимъ высшимъ долгомъ.

Помочь этому изслѣдованію и тѣмъ способствовать революціи — такова задача настоящей работы.

Шарлоттенбургъ, іюнь 1919 г.

1. Революція и терроръ.

До войны — даже въ широкихъ кругахъ соціалъ-демократіи — былъ распространенъ взглядъ, что эра революцій миновала не только для западной Европы, но и для Германіи и Австріи. Несогласные съ подобнымъ взглядомъ считались революціонными романтиками.

Но вотъ наступила революція, принявшая такія дикія формы, которыя не рисовались даже воображенію самыхъ фантастически настроенныхъ революціонныхъ романтиковъ.

Отмѣна смертной казни была для каждого соціалиста само собою разумѣющимся требованіемъ.

Современная революція сопровождается, однако, самымъ кровавымъ терроромъ, проводимымъ въ жизнь соціалистическими правительствами. Большевики первыми стали примѣнять терроръ, за что подверглись самому рѣзкому осужденію со стороны всѣхъ соціалистовъ, стоявшихъ на антибольшевистской платформѣ, — въ томъ числѣ также со стороны германской соціалъдемократической партіи большинства. Но какъ только послѣдняя почувала угрозу своему господствующему положенію, она немедленно прибѣгла къ тѣмъ же методамъ террора и насилія, за которые такъ недавно клеймила большевиковъ. Носке смѣло пошелъ по стопамъ Троцкого, съ той только разницей, что онъ свою собственную диктатуру не считаетъ диктатурой пролетаріата. Но оба они оправдываютъ свой кровавый режимъ правомъ революціи.

Мнѣніе, будто терроръ тѣсно связанъ съ революціей, и сторонники революціи неизбѣжно должны мириться

съ такимъ положеніемъ, пользуется, въ дѣйствительности, весьма широкимъ распространеніемъ. Въ качествѣ аргумента неизмѣнно приводится французская революція. Ее принято считать революціей *par excellence*.

Изслѣдованіе сущности террора, его условій и успѣха его, цѣлесообразнѣе всего начать съ характеристики кроваваго режима санкюлотовъ. Съ нея мы и начнемъ. Мы отдалимся при этомъ въ значительной степени отъ текущей дѣйствительности, но зато научимся лучшему ея пониманію. Поразительно, сколько сходныхъ моментовъ между французской революціей и революціями настоящаго времени, — въ особенности русской.

Тѣмъ не менѣе, наши революціи по существу рѣзко отличаются отъ революціи XVIII столѣтія. Достаточно сравнить нашъ пролетаріатъ, нашу промышленность и наши пути сообщенія съ ихъ предшественниками въ ту пору.

2. Парижъ.

Нынѣшняя германская революція не имѣетъ центра, французская же революція всецѣло направлялась изъ Парижа. Необходимо предварительно ознакомиться съ той громадной политической и экономической ролью, которую игралъ въ то время Парижъ по отношенію къ Франціи, чтобы понять сущность французской революціи и связанный съ ней режимъ террора. Ни въ XVIII, ни отчасти даже въ XIX вѣкѣ, ни одинъ городъ не пользовался такой властью, какъ Парижъ. Это находится въ связи съ тѣмъ значеніемъ, которое выпадаетъ на долю резиденціи, т.-е. центра управленія, въ современномъ бюрократически-централизованномъ государствѣ, до наступленія экономической децентрализаціи, которая является слѣдствіемъ болѣе высоко развитаго промышленнаго капитализма и развитія путей сообщенія.

Въ феодальномъ государствѣ сфера вліянія центра, т. е. монарха, незначительна, его функціи ограничены, и соотвѣтственно съ этимъ весь правительственный аппаратъ — весьма слабъ. Его легко перенести изъ одного города или замка въ другой, и монархъ тѣмъ чаще вынужденъ перекочевывать съ одного мѣста на другое, чѣмъ слабѣе развиты средства сообщенія, чѣмъ менѣе отдѣльная область способна на болѣе или менѣе продолжительный срокъ содержать на собственныя средства королевскій дворъ, и чѣмъ чаще король вынужденъ лично являться въ разныя области своихъ владѣній, чтобы такимъ путемъ держать народъ въ подчиненіи и поддерживать въ немъ

духъ преданности. Итакъ, въ тѣ времена король занимался своимъ ремесломъ, кочуя съ одного мѣста на другое. На подобіе кочевника король ищетъ себѣ одно жирное пастбище за другимъ и, наголо обчистивъ, покидаетъ его и переходитъ къ другому.

Но съ теченіемъ времени правительственный аппаратъ расширяется, главнымъ образомъ вслѣдствіе увеличенія товарнаго производства, ведущаго къ развитію денежнаго хозяйства, къ замѣнѣ, неудобной для транспорта, натуральной повинности денежными налогами. Съ ростомъ налоговъ усиливается власть монарха, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется также правительственный аппаратъ путемъ созданія бюрократіи и постоянной арміи. Подобный аппаратъ не можетъ быть перенесенъ съ мѣста на мѣсто, и онъ постепенно теряетъ свой кочевой характеръ. И въ прежнія времена отдѣльные крупные города, расположенные въ центрѣ государства и служившіе узловыми пунктами торговли, считались наиболѣе богатыми и являлись излюбленнымъ мѣстожительствомъ короля. Теперь же одинъ изъ этихъ городовъ избирался въ качествѣ постоянной резиденціи. Въ этомъ городѣ сосредоточивалось все, что имѣло отношеніе къ правительственному аппарату, сюда стекались налоги со всего государства, и только часть изъ нихъ возвращалась снова государству. Здѣсь свивали себѣ также прочныя гнѣзда поставщики королевскаго двора, а также денежная знать, которая въ качествѣ арендаторовъ налоговъ и банкировъ завязывала всевозможныя денежныя дѣла съ правительствомъ.

Одновременно возростала власть монарха надъ дворянствомъ, самостоятельность котораго была сломлена. Монархъ не хотѣлъ допустить того, чтобы крупное дворянство продолжало жить вдали отъ него въ своихъ замкахъ. Онъ требовалъ дворянъ ко двору, гдѣ они находились подъ его личнымъ надзоромъ и несли никому ненужную придворную службу.

У дворянства были отняты права по управленію коммунальной жизнью и переданы чиновникамъ, назначеннымъ монархомъ и получавшимъ отъ него жалованье. Дворяне все болѣе превращались въ тунеядцевъ, которые занимались исключительно тѣмъ, что жили при дворѣ и проживали тамъ доходы отъ своихъ помѣстій. То, что они раньше проѣдали вмѣстѣ со своими домохозяевами въ своихъ дворцахъ и замкахъ, шло теперь въ столицу и способствовало росту ея богатства. Дворяне строили въ столицѣ собственные дворцы и наслаждались праздной жизнью, будучи лишены всякихъ серьезныхъ общественныхъ обязанностей.

Капиталистическія выскочки старались не отставать отъ нихъ въ смыслѣ удобствъ и роскоши.

Такимъ образомъ резиденціи стали, въ противоположность „провинціи“, не только центромъ скопленія всѣхъ богатствъ страны, но и центромъ веселья и роскоши, пользующимся притягательной силой не только для провинціаловъ, но и для богатыхъ иностранцевъ, а также и для тѣхъ, кто имѣлъ склонность и способность эксплуатировать въ качествѣ жреца веселья всѣхъ жаждущихъ веселой и праздной жизни.

Но и болѣе серьезные элементы также стремились въ столицу. Въ своихъ замкахъ дворяне занимались исключительно охотой, пьянствомъ, разгуломъ и пр., столица же создавала болѣе утонченные нравы и развлечения. У дворянства постепенно просыпался интересъ къ искусству, и вошло въ обычай покровительство наукамъ. Въ столицу стали стекаться художники и ученые въ надеждѣ создать себѣ тамъ соответствующее положеніе. Чѣмъ прочнѣе обосновывалась буржуазія въ столицѣ, тѣмъ легче художники и писатели находили тамъ сбытъ своимъ произведеніямъ.

Естественно, что въ столицу стекались также многочисленные ремесленники и торговцы, чтобы удовлетворить потребности всѣхъ этихъ господъ. Только въ столицѣ

можно было создать себѣ положеніе и карьеру, и всякій, обладавшій умомъ, предприимчивостью и энергіей, устремлялся туда.

Но далеко не всякій достигалъ желаемой цѣли. Число потерпѣвшихъ крушеніе было весьма значительно. Эта армія люмпенъ-пролетаріевъ, представляющая собой характерное явленіе рассматриваемаго періода, искала въ столицѣ возможности существованія, такъ какъ тамъ ей удобнѣе всего было укрываться и ждать счастливой случайности, которая помогла бы ей стать на ноги. Въ погонѣ за счастьемъ она нерѣдко „вносила поправки“ въ свою судьбу на подобіе извѣстнаго Рико де-Марлиньера.*)

Отличительными признаками столицы являлись, наряду съ процвѣтаніемъ науки и искусствъ, разнузданность, глубокая нищета и усиленіе преступности.

Соціальной своеобразности соотвѣтствовала также своеобразность духа, господствовавшего среди населенія. Но не во всѣхъ столицахъ царилъ одинаковый духъ. И здѣсь качество брало верхъ надъ количествомъ.

Въ столицѣ маленькой или экономически отставшей страны вышеуказанные характерные признаки не могли получить широкаго развитія. Въ такомъ городѣ особенно проявлялась зависимость населенія отъ двора, — не только экономическая и политическая, но и духовная. Господствовавшій среди придворныхъ духъ, болѣе грубый, наивный и невѣжественный, отражался въ сильной степени на городской буржуазіи, а черезъ нее и на сельскомъ населеніи, получавшемъ „свѣтъ“ изъ столицы.

Отсюда ярко выраженный монархическій, лакейскій духъ Германіи, ея мелкихъ государствъ, — тотъ духъ, то умонастроеніе, которое, въ періодъ расцвѣта буржуазной демократіи, приводило въ отчаяніе ея поборниковъ и

*) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ Лессинга „Минна фонъ-Барнгельмъ“.

заставило Берне съ возмущеніемъ воскликнуть: „другіе народы — рабы, нѣмцы же — лакеи“. Эту мысль Гейне въ иронической формѣ выразилъ словами:

Deutschland, die fromme Kinderstube,
Ist keine römische Mördergrube.

Въ крупныхъ столицахъ духовное развитіе шло инымъ путемъ. Чѣмъ крупнѣе былъ городъ, тѣмъ слабѣе было вліяніе придворныхъ круговъ, сравнительно съ вліяніемъ другихъ элементовъ, искавшихъ тамъ счастья. Чѣмъ многочисленнѣе армія разочаровавшихся и недовольныхъ, тѣмъ больше ея значеніе и сила. Это придавало мужество не только ей, но и той оппозиціи, которая, не будучи лично недовольной, не закрывала, однако, глазъ на недостатки въ государствѣ и обществѣ. Такая оппозиція существовала вездѣ. Въ маленькой столицѣ она скрывалась, въ большой — она осмѣливалась выступать открыто.

Среди крупныхъ резиденцій европейскаго континента въ XVII и XVIII столѣтіяхъ самой большой считался Парижъ, столица главнѣйшаго въ то время государства. Онъ насчитывалъ къ концу XVIII столѣтія около 600.000 жителей. Веймаръ же, тогдашняя резиденція и духовный центръ Германіи, имѣлъ населеніе всего въ 10.000 чело-вѣкъ.

Населеніе Парижа, еще издавна отличалось своимъ повстанческимъ духомъ. Еще въ 1648 году произошло движеніе Фронды, возникшее благодаря конфликту между правительствомъ и парижскимъ парламентомъ, высшимъ судебнымъ трибуналомъ. Были воздвигнуты баррикады, и король былъ вынужденъ въ 1649 г. бѣжать изъ Парижа — въ тотъ самый годъ, когда англійскій король Карлъ I былъ казненъ. Эта борьба длилась до 1652 года, и монархія была въ концѣ концовъ вынуждена уступить — правда, абсолютизму удалось въ скоромъ времени снова укрѣпить свою власть.

Въ періодъ борьбы населеніе столицы объединилось съ высшимъ дворянствомъ, но этотъ союзъ былъ слишкомъ

неравнымъ. Высшее дворянство не могло уже отстоять свою позицію передъ властью короля. Парижъ по отношенію къ Людовику не обладалъ тогда силой сопротивленія, какъ Лондонъ по отношенію къ Карлу.

Борьба Фронды совпала съ юношескими годами Людовика XIV. Возстаніе парижанъ и собственное бѣгство изъ Парижа произвели на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Чтобы не пережить вторично подобнаго униженія, онъ перенесъ свою резиденцію изъ Парижа. Правда, правительственный аппаратъ ему пришлось оставить тамъ, но, въ качествѣ резиденціи двора, онъ избралъ мѣсто, достаточно близкое отъ Парижа, чтобы имѣть возможность постоянно и быстро сноситься съ нимъ, но въ то же время достаточно отдаленное, чтобы не находиться подъ постоянной угрозой уличныхъ возстаній. Въ 1672 году Людовикъ приступилъ къ постройкѣ новой резиденціи, которая обошлась ему, вѣрнѣе, его народу, въ милліардъ франковъ. Эта резиденція была Версаль, въ 18 километрахъ отъ Парижа. Ему суждено было доказать въ послѣдующее столѣтіе, что онъ, дѣйствительно, былъ созданъ въ защиту отъ бунтарскаго Парижа.

Какъ рѣшительно ни выступалъ Парижъ противъ централистической власти въ государствѣ, его отношенія къ ней не отличалось ровностью. Съ одной стороны Парижъ стремился къ самостоятельности и независимости, но, съ другой стороны, его сила и богатство всецѣло были основаны на силѣ и могуществѣ государственной власти. Онъ требовалъ автономіи для коммуны и въ то же время былъ обязанъ своимъ расцвѣтомъ государственной централизаціи, усиленію которой онъ способствовалъ уже однимъ фактомъ своего существованія.

То, что въ теченіе XVIII вѣка связывало различныя и въ различное время завоеванныя провинціи Франціи въ единое національное цѣлое, было въ первую очередь преобладающее значеніе Парижа надъ всѣми остальными частями Франціи. Что могло быть общаго между эльзас-

цемъ и бретонцемъ, между фламандцемъ изъ Дюнкирхена и гасконцемъ? Но всѣ они были связаны съ Парижемъ, ихъ родные и болѣе даровитые среди нихъ находились тамъ и сливались тамъ въ единую націю. Противорѣчіе, по которому Парижъ являлся одновременно сильнѣйшей опорой централизованной государственной власти и ея виднѣйшей оппозиціи, особенно ярко отражалось на отношеніи Парижа къ провинціи. Въ Парижѣ быстрѣе и глубже вскрывались недостатки и злоупотребленія, отъ которыхъ страдала вся страна. Парижъ скорѣе другихъ находилъ въ себѣ мужество открыто указывать и клеймить эти недостатки. Онъ становился такимъ образомъ передовымъ борцомъ за всю страдавшую Францію. Населеніе провинцій, отсталое въ духовномъ отношеніи, безсильное и безвольное, смотрѣло на Парижъ, какъ на своего защитника, спасителя, за которымъ оно часто шло съ глубокимъ энтузіазмомъ. Но не всегда. Ибо этотъ самый Парижъ выросъ и возмужалъ не только благодаря труду своего населенія, но и благодаря эксплуатаціи провинцій, благодаря тому, что львиная доля создаваемыхъ провинціей цѣнностей стекалась въ Парижъ; она способствовала тамъ аккумуляціи капитала, обогащенію эксплуататоровъ или просто прожигалась въ безшабашномъ разгулѣ.

И, наряду съ довѣріемъ къ прогрессивному Парижу, просыпалась ненависть къ эксплуатирующему Парижу, создавалось противорѣчіе между столицей и провинціей. И, въ зависимости отъ исторической ситуаціи, брала верхъ та или другая сторона.

Экономическое противорѣчіе еще обострялось, благодаря противорѣчію взглядовъ различныхъ соціальныхъ круговъ. Въ провинціи и въ деревняхъ наблюдалась экономическая закоснѣлость, господство традицій и пережитковъ старины, словомъ, консерватизмъ духа и нравовъ. Даже тотъ, кто не признавалъ ихъ, долженъ былъ притворяться, ибо въ провинціальныхъ городахъ и въ деревнѣ каждый находился подъ строгимъ контролемъ всей общины.

Этотъ контроль совершенно отсутствовалъ въ крупномъ городѣ. Тамъ открыто можно было высмѣивать нравы и традиціи старины, что продѣлывалось не только жизнерадостнымъ дворянствомъ и крупной буржуазіей, ни въ чемъ не желавшей уступать дворянству, но и низшими слоями народа, которые въ своей нищетѣ и постоянной непрочности существованія не останавливались ни передъ „священнымъ институтомъ“ частной собственности, ни передъ святостью семейнаго очага. Между тѣми и другими стояли широкіе слои искателей счастья и интеллигентовъ, испытывавшихъ часто ту же нужду, ту же неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, какъ и люмпенъ-пролетаріатъ, но имѣвшихъ доступъ къ веселой и безпечной жизни столичнаго дворянства и денежной знати.

Неудивительно поэтому, что наивные провинціалы и крестьяне отъ всей души возмущались безнравственностью и распущенностью грѣшнаго Парижа, и что веселые парижане со своей стороны высмѣивали узоръ и филистерство провинціаловъ.

Это противорѣчіе проявлялось не только въ области морали, но и въ дѣлахъ религіи. Для крестьянства, жившаго въ глуши, священникъ былъ единственнымъ интеллигентомъ, заботившимся о немъ, поддерживавшимъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, просвѣщавшимъ его въ предѣлахъ его горизонта, не превышавшаго колокольни его родного села. О томъ, что развитіе науки давно опередило его познанія, крестьянинъ, конечно, не имѣлъ никакого представленія. Онъ тяготѣлъ къ церкви и религіи, но уваженіе проявлялъ только къ ихъ духовнымъ сокровищамъ. И безъ всякаго раздумья могъ присвоить себѣ церковныя земли.

Для парижанъ же церковныя имущества не играли большой роли. Они придавали большее значеніе господствующему положенію церкви и воззрѣніямъ религіи.

Если въ средніе вѣка церковь была средоточіемъ

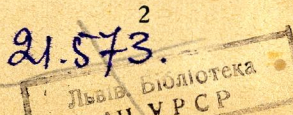
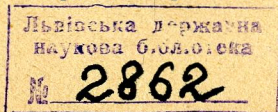
знаній, то, начиная съ эпохи возрожденія, свѣтская наука далеко опередила церковную.

Горожане перестали видѣть въ церкви распространительницу науки и начали смотрѣть на нее, какъ на тормазъ къ распространенію знаній. Это противорѣчіе еще усилилось, благодаря попыткамъ духовенства одолѣть конкуренцію свѣтской интеллигенціи при помощи правительственныхъ насильственныхъ мѣръ. Свѣтская интеллигенція отвѣтила на эту попытку уничтожающимъ сарказмомъ и глубокимъ научнымъ анализомъ. Во всеоружіи таланта и знаній интеллигенція тѣмъ охотнѣе вступала въ единоборство съ церковью, что при извѣстной осторожности ей удавалось заручиться поддержкой или, по меньшей мѣрѣ, нейтралитетомъ широкихъ круговъ аристократіи и бюрократіи.

Послѣдняя не только высмѣивала религію, но католическая церковь становилась ей подчасъ просто неудобной, такъ какъ она нерѣдко отказывалась считаться съ господствующимъ правительственнымъ аппаратомъ. Борьба противъ церкви была поэтому менѣе опасной, чѣмъ борьба противъ абсолютизма, и она началась ранѣе послѣдней.

Но и здѣсь мы наталкиваемся на нѣкоторое противорѣчіе. Господствующіе классы оказывали сопротивленіе церкви, поскольку послѣдняя выступала въ качествѣ самостоятельной организаціи, но въ то же время церковь была для нихъ необходимымъ средствомъ, при помощи котораго они могли господствовать надъ низшими классами. Это противорѣчіе наблюдалось также въ широкихъ кругахъ оппозиціонно настроенной интеллигенціи. Знаменитая формула Вольтера: „Ecrasez l'infame...“ „Уничтожьте нечестивую (церковь)“ не мѣшала ему утверждать, что религію необходимо сохранить для народа.

Подобное противорѣчіе наблюдалось также среди низшихъ слоевъ парижскаго населенія и его вождей. Правда, они всѣ боролись противъ церкви, они знаютъ о ней ничего

не хотѣли, но соотвѣтственно соціальному положенію пролетаріата, идущему всегда по пути радикальныхъ рѣшеній и осуществленія конечныхъ выводовъ, — одни проповѣдывали широкій атеизмъ и матеріализмъ, другіе же вели энергичную пропаганду противъ этихъ воззрѣній, считая ихъ достояніемъ аристократическихъ и капиталистическихъ эксплуататоровъ — революціоннаго времени, между прочимъ. Антагонизмъ между вѣрующими соціалистами и соціалистами-атеистами наблюдался во Франціи вплоть до XIX столѣтія. Даже Луи Бланъ выступаетъ въ своей „Исторіи Французской Революціи“ въ защиту Руссо и Робеспьера, которые, въ отличіе отъ атеиста Дидро и анархиста Клотца, были глубоко вѣрующими:

Они понимали, что атеизмъ освящаетъ хаосъ среди человѣчества, предполагая анархію на небѣ. (Стр. 124.)

Луи Бланъ, однако, упустилъ изъ виду, что для атеиста небо такъ же не существуетъ, какъ и Богъ.

Подобно непосредственнымъ классовымъ, всѣ эти противорѣчія и различія, благодаря такому гигантскому потрясенію, какъ великая революція, должны были привести къ весьма острымъ конфликтамъ.

3. Великая Революція.

Людовикъ XIV, изъ страха передъ парижанами избравшій Версаль своей резиденціей, сумѣлъ окончательно подавить послѣднія поползновенія дворянства къ самостоятельности и, благодаря успѣшнымъ войнамъ противъ всѣхъ сосѣднихъ государствъ, превратилъ Францію въ наиболѣе крупное и могущественное государство Европы. Но онъ добился этого только путемъ цѣлаго ряда войнъ, истощившихъ Францію и приведшихъ ее на край пропасти.

Его послѣдняя война, война за испанское наслѣдство, длившаяся отъ 1701 — 1714 года и закончившаяся безуспѣшно для Франціи, привела бы къ революціи, еслибы въ то время во Франціи существовалъ сильный революціонный классъ. Ожесточеніе противъ короля достигло крайнихъ предѣловъ. Это особенно обнаружилось предъ его смертью въ 1715 г.

Его похороны были очень скромны „въ интересахъ экономіи времени и средствъ“; населеніе Парижа, освободившееся отъ невыносимаго гнета, провожало гробъ „великаго короля“ не только руганью и проклятіями, но даже бросало въ него грязь и камни. Вездѣ въ провинціи крики радости сливались съ проклятіями по адресу умершаго короля; вездѣ служились благодарственные молебны, и всѣ открыто проявляли чувство радости по поводу избавленія отъ деспота. Съ вступленіемъ на престолъ наслѣдника связывались надежды на миръ, на свободу передвиженія и на пониженіе налоговъ. (M. Philippon, *Das Zeitalter Ludwigs XIV*, S. 518.) „Наслѣдники короля-солнца“ принесли однако французскому народу еще много горькихъ разочарованій, пока наконецъ народъ не рѣшилъ взять свою судьбу въ собственныя руки.

Какъ только страна до нѣкоторой степени оправилась, она была вовлечена въ новыя войны, Отъ 1733 — 35 г. она вела войну съ Австріей ради Польши и Лотарингіи, отъ 1740 — 48 г. она въ союзѣ съ Пруссіей принимала участіе въ войнѣ противъ Маріи-Терезіи и Англіи, отъ 1756—63 г. въ Семилѣтней войнѣ въ союзѣ съ Маріей-Терезіей противъ Пруссіи и Англіи. Отъ 1773 — 1783 г. она поддерживала освободительную войну противъ Англіи.

Подобныя войны не только разоряють страну, но благодаря тому, что онѣ ведутся самымъ жалкимъ образомъ, даже не покрываютъ побѣдителя военной славой.

Абсолютизмъ подавилъ при помощи все усиливающейся буржуазіи феодальное дворянство, но не съ цѣлью устраненія его, а исключительно ради неограниченнаго господства надъ нимъ. Монархъ чувствовалъ себя главой дворянства, оно было необходимо ему. Онъ назначалъ въ качествѣ руководителей государственной политики и арміи преданныхъ ему дворянъ, находившихся на придворной службѣ, хотя одновременно онъ лишалъ этихъ же дворянъ полной самостоятельности, поощрялъ ихъ къ праздному и веселому времяпровожденію, и такимъ образомъ способствовалъ ихъ моральному и духовному упадку, а также и экономическому банкротству.

Чѣмъ болѣе обнаруживалось моральное, интеллектуальное и экономическое банкротство дворянства, тѣмъ чрезмѣрнѣе становились его требованія къ крестьянамъ, тѣмъ болѣе усиливалась эксплуатація и гнетъ ихъ, и тѣмъ быстрѣе приходило въ упадокъ сельское хозяйство, бывшее экономической основой государства. Но одновременно возрастали также требованія государства къ несчастнымъ крестьянамъ, какъ главнымъ плательщикамъ налоговъ, ибо дворяне отнюдь не удовлетворялись тѣмъ, что своей дипломатіей и методами веденія войны вели государство къ гибели, но расхищеніемъ народнаго достоянія они старались вознаградить себя также за свои разоренныя владѣнія. Они находили при этомъ поддержку со стороны

монархіи и церкви, которая обладала самой крупной земельной собственностью въ странѣ.

Иначе обстояло дѣло въ Парижѣ.

Парижъ былъ силенъ, благодаря своей крупной все развивающейся буржуазіи и своей многочисленной интеллигенціи, ясно сознававшей всѣ недостатки государственнаго и общественнаго механизма и бичевавшей и клеймившей ихъ болѣе безпощадно и рѣзко, чѣмъ это могла дѣлать интеллигенція другихъ европейскихъ столицъ. Мелкая буржуазія Парижа была глубоко проникнута чувствомъ самосознанія, а парижскій пролетаріатъ выдѣлялся среди остального европейскаго пролетаріата своей многочисленностью, сплоченностью и своимъ отчаяннымъ положеніемъ.

Первое же столкновеніе этихъ противорѣчій должно было неизбежно привести къ жесточайшему конфликту.

И онъ, дѣйствительно, возникъ, когда королевство попало въ тупикъ, когда его долги возросли до такихъ размѣровъ, что ему грозило полное финансовое банкротство, и ни одинъ банкиръ не соглашался давать ему болѣе въ кредитъ.

Собраніе сословныхъ представителей — отъ дворянства, духовенства и буржуазіи — не созывавшееся съ 1614 г. — должно было придти на помощь государству, подать свой голосъ за новые налоги и займы, поднять кредитоспособность обанкротившагося абсолютизма и поддержать его существованіе. Выборы отъ отдѣльныхъ сословій должны были происходить въ 1789 г. и депутатамъ назначено было собраться въ резиденціи короля, въ Версалѣ.

За исключеніемъ придворныхъ круговъ, всѣ слои населенія были проникнуты ненавистью къ господствовавшей системѣ. Послѣ своего созыва, 5 мая 1789 г., представители сословій немедленно приступили къ реформѣ самой системы, вмѣсто того, чтобы вотировать новые налоги и займы. Правда, духовенство и дворянство преслѣдовали другія цѣли, чѣмъ буржуазія. Побѣда осталась, однако,

на сторонѣ буржуазіи. Генеральные штаты провозгласили себя Національнымъ Собраніемъ, давшимъ Франціи новую конституцію.

Въ началѣ сила Національнаго Собранія заключалась только въ моральномъ вліяніи: она основывалась на сознаніи, что подавляющее большинство народа стоитъ за нимъ. Но это не служило еще достаточной защитой противъ репрессій со стороны короля. Въ распоряженіи послѣдняго находилась армія, и онъ былъ готовъ въ любой моментъ воспользоваться ею.

Но въ памяти были еще свѣжи уроки Фронды и физическая сила Парижа. Только при условіи побѣды надъ Парижемъ можно было надѣяться, что удастся разогнать или распустить Національное Собрание. Вокругъ Парижа были стянуты многочисленныя войска, и рѣшивъ, что наступилъ благопріятный моментъ, король объявилъ объ отставкѣ навязаннаго ему Національнымъ Собраніемъ министра Неккера.

Если-бы Парижъ принялъ эту отставку безъ протеста, или же армія выступила противъ него, то революція была бы подавлена въ самомъ зародышѣ. Но Парижъ взбунтовался, армія не оправдала возложенныхъ на нее королевъ надеждъ, и народъ, ворвавшись въ Домъ Инвалидовъ, захватилъ тамъ 30 000 винтовокъ. 14 іюля была взята Бастилія.

Король и придворные окончательно пали духомъ.

Одновременно по всей странѣ разлилось широкой волной крестьянское возстаніе. И до того происходили крестьянскіе бунты то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, но они быстро подавлялись. Теперь же движеніе приняло всеобщій характеръ, и никакая сила не могла противостоять ему. Парижъ спасъ судьбу революціи и превратилъ ее во всеобщую.

Постепенно, однако, буря стала утихать. Король и его феодальная свита снова воспрянули духомъ. Король сталъ отказываться признавать рѣшенія Національнаго

Собрания и снова сталъ стягивать войска къ Парижу. Тогда парижане пришли къ убѣжденію, что ихъ безопасность можетъ быть обезпечена только тогда, когда и король, и Національное Собраніе будутъ засѣдать въ Парижѣ подъ ихъ контролемъ и вліяніемъ. 5 октября 1789 г. громадная толпа народа отправилась въ Версаль и заставила короля переѣхать въ Парижъ.

Народъ надѣялся, что теперь ему удастся спокойно посвятить себя проведенію конституціи въ жизнь и практической работѣ, съ которой онъ связывалъ представленіе о будущемъ благосостояніи. 14 іюля 1790 г. Людовикъ XIV далъ присягу на вѣрность новой конституціи. Онъ сдѣлалъ это съ большимъ внутреннимъ сопротивленіемъ. Онъ чувствовалъ себя въ Тюльери узникомъ, и всѣ правительственные акты возмущали его до глубины души.

Еще не прошло года со времени его присяги конституціи, какъ онъ тайкомъ бѣжалъ изъ Парижа. Но, не будучи еще въ безопасности, онъ имѣлъ неосторожность обратиться къ народу съ манифестомъ, въ которомъ онъ объявилъ всѣ свои декреты, начиная съ октября 1789 г., вынужденными у него насильно и потому недѣйствительными. Во время бѣгства онъ былъ, однако, узнавъ, арестованъ и привезенъ въ Парижъ.

Уже тогда большая часть озлобленной массы требовала смѣщенія короля. Но народъ въ цѣломъ былъ еще настолько проникнутъ монархическими традиціями, что въ то время подобный шагъ не могъ еще рассчитывать на успѣхъ. Тогда бы это могло еще спасти короля, ибо масса требовала только его смѣщенія.

Его положеніе ухудшилось, когда Франція вступила въ войну съ союзными монархами Европы (въ 1792 г.) Это не было войной по прежнимъ образцамъ, войной за кусокъ земли. Это была война феодальнаго дворянства и абсолютистской Европы противъ освободившагося отъ ига народа, — съ цѣлью снова заковать его въ цѣпи — словомъ, это была настоящая гражданская война, сопровождав-

шаяся обычно свойственными этимъ войнамъ жестокостями. Враги Франціи грозили революціонному народу полнымъ уничтоженіемъ, а союзникомъ этихъ враговъ народа былъ не кто иной, какъ собственный король.

Въ этой обстановкѣ монархическая мысль все болѣе теряла свою силу, однако Національное Собраніе все же не рѣшалось на окончательную ея ликвидацію. По настойчивому требованію парижанъ, Людовикъ XIV былъ отправленъ въ тюрьму, и было созвано новое Національное Собраніе, такъ называемый Конвентъ, который долженъ былъ дать Франціи новую республиканскую конституцію. (10 авг. 1792 г.) На первомъ же засѣданіи Конвентъ единогласно принялъ рѣшеніе объ отмѣнѣ монархіи. (21 сент. 1792 г.).

Парижское населеніе однако не вѣрило въ прочность и устойчивость республики, пока король оставался въ живыхъ. Оно требовало привлеченія короля къ суду за государственную измѣну. Большинство Конвента проявляло нерѣшительность въ этомъ вопросѣ. Возмущеніе парижанъ достигло крайнихъ предѣловъ, когда до нихъ дошло извѣстіе о томъ, что въ Тюльери найденъ потайной ящикъ, въ которомъ Людовикъ XIV хранилъ цѣлый рядъ документовъ. Эти документы свидѣтельствовали о томъ, что король подкупилъ цѣлый рядъ парламентаріевъ, среди нихъ Мирабо, что онъ поддерживалъ сношенія съ врагами государства, и что часть его гвардіи, боровшейся противъ Франціи въ австрійскихъ рядахъ, продолжала получать отъ него содержаніе также во время войны.

Тѣмъ не менѣе въ Конвентѣ нашлась одна фракція, которая пыталась спасти Людовика. Она хотѣла апеллировать къ французскому народу: судьба Людовика должна была рѣшиться всеобщимъ народнымъ голосованіемъ.

Эта попытка использовать провинцію противъ Парижа натолкнулась на серьезное сопротивленіе парижанъ. Страхъ передъ Парижемъ взялъ, наконецъ, перевѣсъ въ

Конвентѣ. Народное голосованіе было отвергнуто 423 голосами противъ 273. Это рѣшило судьбу Людовика XVI, и 21 января 1793 г. онъ вступилъ на эшафотъ.

Та партія въ Конвентѣ, которая вступилась за короля, была партией такъ называемыхъ жирондистовъ, получившихъ такое названіе благодаря тому, что первые депутаты, образовавшіе ядро этой партіи, были родомъ изъ департамента Жиронды (въ Южной Франціи). Жирондисты питали непреодолимую ненависть къ Парижу и задались цѣлью лишить Парижъ его первенствующей роли. Они стремились превратить Францію въ федеративное государство.

Спустя четыре дня послѣ открытія Конвента, жирондистъ Лазурсъ при одобреніи другихъ жирондистовъ повторилъ слова: „Я не хочу, чтобы Парижъ управлялся интриганами, и чтобы онъ сталъ для Франціи тѣмъ, чѣмъ былъ Римъ для Римской Имперіи. Вліяніе Парижа должно быть уменьшено на $\frac{1}{83}$ часть, т. е. на ту долю вліянія, которымъ пользуется всякій другой департаментъ.“ (Cunow. Die Parteien in der grossen französischen Revolution. S. 349).

Разногласія между жирондистами и Парижемъ принимали постепенно самыя дикія формы. Во время возстанія отъ 31 мая до 2 іюня 1793 г. парижане добились у Конвента исключенія и ареста 34 жирондистовъ. Отвѣтомъ на это явилось убійство Марата жирондисткой Шарлоттой Кордэ (13 іюля) и попытка жирондистовъ поднять возстаніе — въ разгарѣ войны — въ Нормандіи и Южной Франціи. Парижане со своей стороны не остались въ долгу и отвѣтили на это казнью находившихся въ Парижѣ жирондистовъ (31 октября).

4. Первая парижская коммуна.

а) Парижскій пролетаріатъ и его средства борьбы.

До сихъ поръ рѣчь все время шла о „парижанахъ“. Само собой разумѣется, что подъ этимъ словомъ не слѣдуетъ понимать все населеніе Парижа, которое распадалось на враждебные другъ другу классы. Подъ парижанами мы подразумѣвали преобладающую часть населенія Парижа — мелкую буржуазію и пролетаріатъ.

Но пролетаріатъ того времени представлялъ собой нѣчто иное, чѣмъ промышленный пролетаріатъ нашихъ дней. Правда, въ Парижѣ уже существовало тогда нѣсколько крупныхъ предпріятій, но главный контингентъ рабочихъ составляли все-же чернорабочіе, носильщики или подмастерьи, которые стремились стать самостоятельными ремесленниками, затѣмъ цѣлый рядъ мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ, вся жизнь которыхъ протекала въ тяжелой борьбѣ съ нищетой.

Эта нищета и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ приравнивали ихъ соціальное положеніе къ пролетарскому, но по своему классовому положенію, т. е. по источникамъ дохода, они представляли собой мелкую буржуазію, идеаломъ которой была уютная мѣщанская жизнь. Нѣтъ ничего ошибочнѣе, чѣмъ смѣшеніе соціального положенія съ классовымъ, какъ это дѣлалъ Лассаль и какъ это дѣлаютъ теперь тѣ изъ русскихъ товарищей, которые полагаютъ, что у бѣднаго крестьянина другіе классовые интересы, чѣмъ у состоятельнаго, и что, съ другой стороны, у него тѣ же классовые интересы, что у городского пролетаріата.

Это такъ же неправильно, какъ представленіе о томъ, что у мелкихъ капиталистовъ иные классовые интересы, чѣмъ у крупныхъ, и что между ними и финансовымъ капиталомъ существуетъ такая же противоположность интересовъ, какъ между пролетаріатомъ и капиталомъ. Мелкіе капиталисты стремятся стать крупными, а малоземельные крестьяне — получить кусокъ земли — въ этомъ вся ихъ цѣль, а не въ стремленіи къ созданію соціалистическаго общества.

И тѣ, и другіе хотятъ увеличить свои доходы за счетъ рабочихъ; одни — путемъ низкой заработной платы и длиннаго рабочаго дня, другіе — высокими цѣнами на продукты питанія.

Такимъ образомъ, въ періодъ революціи бѣднѣйшіе слои парижскаго населенія являлись по своему классовому положенію мелкой буржуазіей, несмотря на пролетарскія условія существованія. Послѣдніе не ставили однако передъ ней цѣлей, которыя отличались бы чѣмъ-либо отъ цѣлей, преслѣдуемыхъ болѣе зажиточнымъ слоемъ мелкой буржуазіи, но съ другой стороны эти условія навязывали имъ такіе методы борьбы, которые были не по душѣ болѣе состоятельной части мелкой буржуазіи.

Но изнемогающій отъ голода ждать не можетъ, отчаяніе мѣшаетъ ему быть особенно разборчивымъ въ выборѣ средствъ, онъ не дорожитъ своей жизнью, ему нечего терять, кромѣ цѣпей; въ моментъ ломки всѣхъ прежнихъ устоевъ, когда ему представляется, что онъ въ состояніи завоевать весь міръ, онъ готовъ идти на все.

Такимъ образомъ пролетаріатъ, составлявшій большинство парижскаго населенія, сталъ движущей силой революціи. Его отчаяніе, не знавшее пощады, сдѣлало его властелиномъ Парижа, а Парижъ — властелиномъ Франціи — и привело Францію къ торжеству надъ всей Европой.

Наиболѣе могущественнымъ средствомъ его борьбы были вооруженныя возстанія. Они не вспыхивали вне-

запно, безъ всякой предварительной подготовки. Но все же они происходили не по заказу вождей, а въ силу стихійнаго движенія массъ, что придавало имъ порой особенно широкій размахъ. Возстаніе, провоцируемое вождями, происходящее не подъ давленіемъ массъ, заранѣе обречено на неудачу, вслѣдствіе отсутствія въ немъ движущей силы. Пока волны революціи поднимались все выше, массы увлекали за собой и были вождями увлеченныхъ. До тѣхъ поръ движеніе шло впередъ. Когда же наступилъ переломъ, и вожди были поставлены въ необходимость возбуждать массы и призывать ихъ къ борьбѣ, тогда революція шла уже на убыль.

Но если возстаніе только тогда можетъ рассчитывать на успѣхъ, когда оно возникаетъ стихійно, а не по приказу вождей, то это не значитъ, что оно имѣетъ больше шансовъ на побѣду, если оно не организовано. Парижскія вооруженныя возстанія Великой революціи были порождены массовыми организаціями.

Даже въ самомъ первомъ возстаніи, закончившемся взятіемъ Бастиліи, проявлялись зачатки организаціи. Современемъ онѣ стали принимать все болѣе прочный и длительный характеръ.

Въ періодъ революціи каждая община требовала для себя наибольшей самостоятельности. Національное Собраніе закономъ 22 декабря 1789 г. закрѣпило положеніе, создавшееся повсемѣстно вслѣдствіе наступившаго внезапно безсилія государственной власти. Общины получили широкое самоуправленіе, всю полноту власти надъ мѣстной полиціей и милиціей — національной гвардіей, образовавшейся въ городахъ.

Но буржуазія стремилась къ тому, чтобы лишить низшіе классы возможности пользоваться такой властью. Національное Собраніе сдѣлало тонкую разницу между активными и пассивными гражданами. Активными считались тѣ, кто платили прямой налогъ въ размѣрѣ не менѣе трехдневнаго заработка. Только они получали из-

бирательное право въ коммунальное представительство и въ Національное Собрание и только они одни имѣли право вступать въ національную гвардію. Эти учрежденія превратились поэтому въ представительство имущихъ классовъ.

Но въ Парижѣ организовались „пассивные граждане“ вмѣстѣ со своими сторонниками изъ рядовъ активныхъ гражданъ и въ свою очередь вооружились.

Несмотря на почти всеобщее избирательное право, выборы для третьяго сословія были въ большинствѣ случаевъ косвенными.

Парижъ былъ раздѣленъ на 60 округовъ для избранія выборщиковъ. Эти округа должны были быть ликвидированы послѣ выборовъ. Но они продолжали существовать и организовались по собственной инициативѣ въ постоянные органы городского самоуправления... Въ моментъ всеобщаго возстанія въ Парижѣ, наканунѣ взятія Бастиліи, они стали вооружать народъ и выступать въ качествѣ самостоятельныхъ органовъ власти. А послѣ взятія Бастиліи они превратились въ признанные органы городского самоуправления... Чтобы находиться другъ съ другомъ въ контактѣ, они устроили центральное бюро, куда сходились делегаты для обмѣна мнѣній и сообщеній.

Такимъ образомъ возникла снизу, благодаря объединенію окружныхъ организацій, образовавшихся революціоннымъ путемъ по инициативѣ народа, первая попытка къ созданію коммуны... Въ то время, какъ Національное Собрание постепенно лишаетъ короля всѣхъ прерогативъ его власти, — округи, а впослѣдствіи также секціи, расширяютъ область своихъ правъ; они устанавливають связь между Парижемъ и провинціей и готовятъ почву для революціонной коммуны 10 августа. (Krapotkin. „Die französische Revolution“ I S. 174—79. Согласно своимъ анархическимъ взглядамъ, Крапоткинъ удѣляетъ особое вниманіе исторіи коммуны въ революціи. За исключеніемъ специальныхъ трудовъ съ исторіей ея полнѣе всего можно ознакомиться именно по его произведеніямъ. Но зато парламентаризмъ у него не въ почетѣ!)

Національное Собрание попыталось ликвидировать окружные организаціи. Закономъ 27 мая 1790 г. было измѣ-

ненно прежнее распределение избирательных округовъ. Въмѣсто 60 округовъ, городъ былъ раздѣленъ на 48 секцій. Только активные граждане имѣли право принимать участіе въ собраніяхъ. Но пассивные граждане не считались съ этимъ запрещеніемъ. Секціи стали въ скоромъ времени центромъ всей революціонной дѣятельности. Безъ ихъ участія не могъ быть разрѣшенъ ни одинъ коммунальный или государственный вопросъ. Они все болѣе подчиняли своему вліянію и общинныя управленія, съ которыми сносились не посредственно или при помощи делегатовъ или комитетовъ. Это привело къ тому, что общее собраніе секцій засѣдало непрерывно. Обстоятельство это въ сильной степени содѣйствовало интенсивности его дѣятельности.

10 августа 1792 г. секціи совершенно отстранили отъ власти ставшія безсильными коммунальныя представительства и образовали новую революціонную коммуну, въ которую каждая секція делегировала трехъ комиссаровъ. Съ этого времени, парижская коммуна, опиравшаяся на секціи, становится во главѣ революціи и опредѣляетъ ея ходъ.

Историки не оцѣнили въ достаточной степени роль секцій. Ихъ работа совершалась исключительно безыменной массой. Знаменитости въ революціи блистали болѣе въ якобинскихъ клубахъ. Но все, совершенное клубомъ, удалось ему, только благодаря помощи секцій. Часто клубъ проявлялъ больше нерѣшительности и медлительности, чѣмъ секціи. Только пролетаріатъ, которому нечего терять, можетъ смѣло, безъ оглядки идти навстрѣчу неизвѣстному будущему.

б) Причины террора.

Благодаря коммунѣ, парижскій пролетаріатъ достигъ господствующаго положенія въ революціонной Франціи. Но оно было такимъ же противорѣчивымъ, какъ положеніе Парижа по отношенію къ остальной странѣ, какъ положеніе пролетаріата того времени въ обществѣ. По своему классовому сознанію принадлежа къ мелкой буржуазіи, пролетаріатъ

стоялъ на точкѣ зрѣнія частной собственности на средства производства, которыя были ему нужны въ интересахъ дальнѣйшаго производства и слѣдовательно въ интересахъ существованія. И въ то же время пролетаріатъ враждебно относился къ самостоятельнымъ, къ богачамъ, онъ возмущался ихъ благополучіемъ, усматривая въ ихъ богатствѣ причину собственной нищеты. Именно эта безпощадность по отношенію къ крупнымъ феодальнымъ и капиталистическимъ владѣніямъ придавала ему ту энергію въ борьбѣ съ контръ-революціей, которая сдѣлала его, въ силу преобладающаго значенія Парижа въ странѣ, передовымъ борцомъ революціи, въ которой была заинтересована вся страна. Въ могучей борьбѣ противъ феодализма, монархическаго строя во Франціи и всей абсолютистской Европы, французскій пролетаріатъ имѣлъ за собой силу цѣлой націи, и притомъ сильнѣйшей націи въ мірѣ, благодаря чему онъ могъ оказать сопротивленіе властителямъ всей Европы. Въ этотъ періодъ въ сильнѣйшей степени возросло самосознаніе парижскаго рабочаго, и вплоть до второй парижской коммуны, до послѣднихъ десятилѣтій прошлаго столѣтія, парижскій рабочий былъ предметомъ поклоненія всего борющагося международнаго пролетаріата.

Но тотъ же классъ представлялъ собой бѣднѣйшихъ потребителей Парижа, настойчивѣе другихъ требовавшихъ дешевыхъ продуктовъ, настойчивѣе всего — во дни Великой революціи, которая въ полномъ смыслѣ слова была голоднымъ бунтомъ. Благодаря этому, все болѣе возрастало противорѣчіе интересовъ между бѣднѣйшимъ населеніемъ Парижа и крестьянами, перепродавцами, словомъ — элементами, матеріальное благополучіе которыхъ основывалось на частной собственности на средства производства, отмѣна которой была немислима при господствѣ мелкаго производства.

Не было даже попытокъ къ отмѣнѣ частной собственности, и даже не велась почти никакая агитація противъ

нея. Когда пролетаріатъ и въ этомъ столкновеніи хотѣлъ использовать свою власть надъ Парижемъ и власть Парижа надъ провинціей, онъ принужденъ былъ убѣдиться въ томъ, что ему, какъ меньшинству, на продолжительное время не удастся противостоять большинству. Ему пришлось тутъ потерпѣть крушеніе, несмотря на прежніе триумфы.

Пролетаріатъ ожидалъ отъ революціи, что она вмѣстѣ съ феодализмомъ смететъ и другія бѣдствія, какъ это общала и предполагала также буржуазія. Ему удалось завоевать политическую свободу и власть, но матеріальнаго благополучія добились только буржуазія и крестьяне. Въ крупныхъ городахъ попрежнему господствовала нищета, по временамъ даже болѣе острая, чѣмъ прежде.

Голодъ и дороговизна — характерныя явленія всего революціоннаго періода, обычно приписываемыя тому обстоятельству, что годъ за годомъ не было урожая. Но мнѣ кажется, что голодъ во время революціи слѣдуетъ объяснить не только этой случайностью: причина его обуславливалась также самой революціей.

Крестьянское хозяйство того времени въ значительной степени удовлетворяло потребности крестьянъ. Крестьянинъ почти не нуждался въ издѣліяхъ городской промышленности, за исключеніемъ предметовъ роскоши. Онъ не только производилъ самъ продукты питанія, но и сырой матеріаль текстильной промышленности, который онъ самъ же обрабатывалъ. Даже простую мебель и орудія онъ изготовлялъ самъ, недостающіе же ему предметы онъ получалъ у деревенскаго ремесленника.

Не потребность его въ фабричныхъ издѣліяхъ вынуждала его продавать городскому населенію съѣстные припасы, а необходимость платить возложенные на него государствомъ налоги. Онъ не былъ бы въ состояніи платить ихъ, еслибы онъ не продавалъ скотъ, муку, вино и т. п.

Но одновременно онъ былъ обязанъ доставлять своему господину натуральную повинность и отбывать барщину въ его помѣстьи. Сельско-хозяйственные продукты, которые скоплялись такимъ образомъ въ рукахъ феодальныхъ господъ, только отчасти шли на удовлетвореніе ихъ собственныхъ потребностей, болѣе значительная часть ихъ шла также въ продажу, для веселой жизни въ городѣ.

Налоги и феодальныя повинности доставляли съ одной стороны тѣ деньги, которыя стекались въ Парижѣ и тамъ расходовались, а съ другой стороны доставляли тѣ продукты, которые покупались на эти деньги для пропитанія парижскаго населенія.

Революція положила конецъ феодальнымъ повинностямъ, а на нѣкоторое время также — налогамъ, такъ какъ у государства была отнята возможность взимать ихъ принудительными мѣрами. Крестьяне поэтому менѣе нуждались теперь въ продажѣ своихъ продуктовъ. Они въ первую очередь воспользовались свободой для того, чтобы самимъ насытиться вдоволь и положить конецъ голодному существованію, на которое ихъ обрекли государство и феодализмъ. Продукты, остававшіеся у нихъ послѣ удовлетворенія собственныхъ потребностей, они желали сбывать только по дорогимъ цѣнамъ. Ничто ихъ не вынуждало болѣе продавать дешево. Благодаря этому возникла дороговизна и противорѣчіе между Парижемъ и провинціей, весьма по временамъ углублявшееся. Въ 1793 г. Конвентъ даже организовалъ „революціонную армію“ въ 6000 человекъ, которая должна была обходить деревни и реквизиловать съѣстные припасы для Парижа, приблизительно такъ, какъ это дѣлали недавно — такъ же неудачно — большевики въ Россіи. Это — одна изъ тѣхъ многочисленныхъ чертъ, которыя даже во внѣшнихъ проявленіяхъ создаютъ поразительное сходство между современной русской революціей и буржуазной революціей XVIII вѣка.

Указанное противорѣчіе обострилось еще благодаря войнѣ, которая привела къ „блокадѣ“ Франціи и препят-

етвовала подвозу продуктовъ изъ-за границы. Она способствовала усиленію голода въ Парижѣ, но легла также тяжелымъ бременемъ на сельское населеніе, вслѣдствіе высокихъ налоговъ, а главное — обязательной воинской повинности.

Парижане были въ высшей степени заинтересованы въ побѣдѣ. Пораженіе больше всего отразилось бы на нихъ, какъ на революціонномъ центрѣ. Національное самосознаніе было также сильнѣе всего развито въ Парижѣ. Могущество и сила Парижа были неразрывно связаны съ могуществомъ и силой всего государства. Монтаньяры — наиболѣе радикальная партія въ Конвентѣ — первыми провозгласили лозунгъ „единой, нераздѣльной республики“ и слово „патріотъ“ стало синонимомъ радикальнаго революціонера. Отношеніе же крестьянъ къ войнѣ было совершенно иное. Крестьяне пограничныхъ департаментовъ, правда, были заинтересованы въ побѣдѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ имъ въ первую очередь грозило возстановленіе феодальной повинности. Они поэтому были настроены патріотически, какъ и населеніе Парижа. Это особенно наблюдалось среди населенія Эльзаса. Иначе относились къ войнѣ крестьяне болѣе отдаленныхъ отъ границъ департаментовъ, которымъ не грозило непріятельское вторженіе. Они не понимали политическаго значенія войны, а только чувствовали ея бремя, возложенное на нихъ, по ихъ мнѣнію, убійцами короля, безбожнымъ Парижемъ. Такія мѣстности, какъ Вандея, Нормандія или Бретань при извѣстныхъ условіяхъ были готовы въ любой моментъ дать выходъ своему возмущенію Парижемъ въ открытомъ выступленіи подъ чьимъ бы то ни было руководствомъ. Роль руководителей такого движенія брала на себя контръ-революціонно настроенная аристократія. Но и революціонная буржуазія, возглавляемая жирондистами, пыталась также, какъ мы видѣли, устроить въ провинціи бунтъ противъ Парижа.

Интересы такъ назыв. финансистовъ также расходи-

лись, какъ и интересы крестьянъ, съ интересами рабочаго класса и мелкой буржуазіи. Противоположность интересовъ здѣсь была даже еще болѣе рѣзкой и проявлялась еще болѣе открыто. Это было не противорѣчіе интересовъ между рабочими и промышленнымъ капиталомъ, который не игралъ еще тогда крупной роли. Это былъ конфликтъ съ денежнымъ и торговымъ капиталомъ, съ спекулянтами, ростовщиками, перепродавцами, торговцами. Послѣдніе не являлись виновниками недостатка жизненныхъ припасовъ, но они пользовались имъ въ своихъ интересахъ и еще болѣе ухудшали положеніе. На этомъ намъ не приходится долго останавливаться. Мы уже 5 лѣтъ по собственному опыту знакомы съ такимъ положеніемъ.

На фонѣ нищеты спекуляція дѣйствовала особенно возбуждающимъ образомъ. Не менѣе наживались — съ 1792 г. — военные интенданты и земельные спекулянты.

Національное Собраніе издало декретъ объ отчужденіи церковныхъ имѣній, составлявшихъ почти треть французскаго землевладѣнія. Конфискаціи подверглись также имѣнія эмигрировавшихъ аристократовъ, бѣжавшихъ изъ Франціи, чтобы извнѣ бороться противъ революціи. Все это громадное количество земли не перешло въ собственность государства, не было распредѣлено между неимущими крестьянами, а поступило въ продажу. Это было сдѣлано отчасти въ интересахъ облегченія финансовой нужды, давшей послѣдній толчокъ къ революціи. Но эта мѣра, напротивъ, не устранила указанной нужды, а усилила ее, такъ какъ крестьяне перестали платить налоги. На продажѣ конфискованныхъ земель обогатились только тѣ, кто по сравнительно дешевымъ цѣнамъ скупали землю, нерѣдко съ цѣлью разбить ее на участки и продать ее снова уже по участкамъ, но уже по болѣе высокимъ цѣнамъ. Въ финансовомъ отношеніи государство мало выигрывало отъ этого, а земельная спекуляція принимала все болѣе широкіе размѣры.

Находясь въ стѣсненномъ положеніи, государство прибѣгло къ наиболѣе удобному средству — къ печатанію денегъ. Оно выпускало въ громадномъ количествѣ новыя революціонныя деньги, такъ назыв. ассигнаты.

Это еще болѣе усилило дороговизну и стало одновременно причиной сильнѣйшихъ колебаній валюты и цѣнъ, что, въ свою очередь, эксплуатировалось ростовщиками и спекулянтами.

Такимъ образомъ на развалинахъ старой феодальной собственности создавалась новая, капиталистическая, укрѣплявшаяся, наряду съ нищетой, въ такомъ же размѣрѣ, въ какомъ укрѣплялось господство пролетаріата. Это болѣе чѣмъ странное явленіе ясно свидѣтельствуетъ о томъ, насколько одна только политическая власть не въ состояніи устранить вліяніе экономическихъ законовъ при отсутствіи общественныхъ предпосылокъ. Но парижскіе рабочіе были голодны:

„Im hungrigen Magen Eingang finden
Nur Suppenlogik mit Knödelgründen.“

(Голодный желудокъ доступенъ только логикѣ супа и доводамъ клецокъ.)

Они не занимались изслѣдованіемъ того, что при данныхъ экономическихъ условіяхъ возможно и что неизбежно.

Въ ихъ рукахъ была власть, и у нихъ была твердая рѣшимость использовать ее для водворенія братства, равенства и всеобщаго благополучія, — того, что было обѣщано имъ буржуазными мыслителями. Такъ какъ они не были въ состояніи измѣнить процессъ производства, они пытались измѣнить распредѣленіе продуктовъ производства при помощи хорошо знакомыхъ намъ средствъ: максимальныхъ цѣнъ, обязательныхъ займовъ и тому подобныхъ мѣръ, которыя въ то время еще менѣе, чѣмъ теперь, могли парализовать нужду, въ виду отчаяннаго распыленія производства, отсутствія статистики, безсилія центральной власти по отношенію къ коммунамъ.

Противорѣчіе между политической властью пролетаріата и его экономическимъ положеніемъ становилось все болѣе рѣзкимъ. Война еще болѣе обостряла положеніе. Тогда вожди пролетаріата стали прибѣгать къ крайнему средству, кровавому средству — къ террору.

в) *Неудача террора.*

Парижскій революціонный пролетаріатъ и мелкая буржуазія господствовали при помощи Коммуны надъ всей Франціей. Но они не рѣшались взять власть непосредственно въ свои руки и провозгласить лозунгъ: „вся власть Коммунѣ“. Они прекрасно сознавали, что сохранить государство и управлять имъ можно только при помощи собранія представителей отъ всей страны, и они не рѣшались поэтому посягнуть на Національное Собраніе, на Конвентъ. Они господствовали надъ страной, не помимо Конвента, или противъ него, а черезъ него.

Ленинъ имѣлъ, вѣроятно, въ виду подобную же политику, иначе непонятно, почему онъ допустилъ выборы въ Учредительное Собраніе и созывъ его. Но Коммуна оказалась счастливѣе Ленина, ей удалось подчинить себѣ этотъ весьма важный инструментъ, который Ленинъ въ первый же день разбилъ вдребезги.

Правда, партія монтаньяровъ, которая шла рука-объ-руку съ Коммуной, была въ меньшинствѣ, но и большинство Конвента не состояло изъ людей съ твердыми убѣжденіями и волей. Многіе изъ нихъ оказались неустойчивыми, безхарактерными. Они часто подчинялись вліянію парижской массы и голосовали поэтому вмѣстѣ съ монтаньярами; въ случаѣ же сопротивленія съ ихъ стороны, достаточно было оказать на нихъ энергичное давленіе — и желательный вотумъ былъ достигнутъ. При помощи этихъ молосковъ, этого „болота“ монтаньяры имѣли большинство въ Конвентѣ.

Но въ такое бурное время, требующее подчасъ быстрыхъ рѣшеній, законодательная дѣятельность Конвента

оказывалась часто недостаточной. А его законы не были въ состояніи устранить господствовавшую нужду и злоупотребленія. Всякій законъ, связанный съ насиліемъ, — какъ бы строгъ онъ ни былъ, — уже однимъ тѣмъ, что онъ предписываетъ опредѣленные правила, ставить своему дѣйствию извѣстныя границы и даетъ этимъ возможность при извѣстной ловкости обходить ихъ. Всякая политика насилія, направленная противъ явленій, глубоко коренящихся въ данныхъ условіяхъ и въ силу этого неистребимыхъ, бываетъ рано или поздно вынужденной сбросить съ себя оковы законовъ, ею же созданныхъ, и перейти къ внѣзаконному насилію, къ диктатурѣ.

Таковъ единственный смыслъ диктатуры, если подъ этимъ подразумѣвать не опредѣленное состояніе, а правительственную форму. Сущность этого послѣдняго состоянія есть произволь, насаждаемый естественно лишь очень узкимъ, формально не связаннымъ между собой кругомъ, или же однимъ лицомъ. Всякая болѣе значительная группа нуждается для совмѣстной работы въ опредѣленныхъ правилахъ, въ извѣстной системѣ, т. е. связывается уже законами.

Характернымъ видомъ диктатуры, какъ правительственной формы, является личная диктатура. Классовая диктатура въ качествѣ правительственной формы — безсмыслица. Классовое господство безъ законовъ совершенно немислимо.

Такъ какъ законы, направленные противъ подавленія контръ-революціи, спекуляціи и ростовщичества не достигали цѣли, пролетарскіе элементы прибѣгли къ диктатурѣ.

Уже 25 марта 1793 г. Конвентъ вынужденъ былъ создать „Комитетъ общественнаго спасенія и обороны“, который постепенно захватилъ въ свои руки всѣ права абсолютной власти, и число членовъ котораго было весьма незначительно. Первоначально оно было опредѣлено въ 25 человекъ, а впослѣдствіи сокращено до 9. Засѣданія его были тайными. Комитетъ ввелъ контроль надъ мини-

страми и генералами, назначалъ и смѣнялъ чиновниковъ и офицеровъ, разсылая комиссаровъ съ неограниченными полномочіями, — словомъ, могъ отдавать любыя распоряженія, — всё они немедленно выполнялись министрами. Правда, Комитетъ былъ отвѣтствененъ передъ Національнымъ Собраніемъ, но это была лишь пустая формальность, ибо Національное Собрание трепетало передъ нимъ. Чтобы хоть отчасти ограничить всемогущество Комитета, было постановлено ежемѣсячно мѣнять его составъ и не давать ему права распоряжаться государственной казной. Въ скоромъ времени „Комитетъ общественнаго спасенія“ превратился въ органъ исключительно монтаньяровъ. Но одновременно съ ростомъ его диктаторскихъ правъ, въ немъ самомъ усиливалась диктаторская власть одной единственной личности Робеспьера.

Въ качествѣ орудій диктатуры были созданы еще два учрежденія, власть которыхъ была почти неограничена: Комитетъ полиціи или такъ назыв. „Комитетъ общественной безопасности“ и „Чрезвычайный революціонный трибуналъ“, чинившій судъ и расправу надъ виновными въ контръ-революціонныхъ попыткахъ и въ преступленіяхъ противъ свободы, равенства и родины. Достаточно было подозрѣнія и доноса со стороны „патріота“, — и революціонный трибуналъ осуждалъ на смерть безъ права апелляціи.

Луи-Бланъ характеризуетъ въ своей „Исторіи Французской Революціи“ органицію террора слѣдующимъ образомъ:

Мы видимъ неутомимый клубъ, клубъ якобинцевъ, животворящій своимъ дыханіемъ Парижъ.

Парижъ, раздѣленный на многочисленныя народныя представительства, называемыя секціями, даетъ выраженіе его мысли.

Коммуна, центръ секцій, передаетъ Національному Собранію выраженіе мысли Парижа.

Національное Собрание формулируетъ эти мысли въ законы.

Комитетъ общественнаго спасенія проводитъ ихъ въ жизнь: въ государственномъ управленіи, при выборѣ чи-

новниковъ, въ арміи, въ провинціи черезъ комиссаровъ; во всѣхъ частяхъ республики черезъ революціонные комитеты.

Комитетъ общественной безопасности имѣетъ цѣлью выслѣживать оппозицію.

Революціонный трибуналъ немедленно привлекаетъ ее къ наказанію.

Таково было дѣйствіе революціоннаго механизма. (*Histoire de la Revolution Française, Bruxelles, 1856, II, стр. 519.*)

Этотъ ужасный аппаратъ функционировалъ самымъ беспощаднымъ образомъ. Казнями ростовщиковъ, спекулянтовъ и мѣшечниковъ рассчитывали справиться съ ростовщицествомъ, спекуляціей и мѣшечничествомъ.

Но экономическое положеніе менѣе чѣмъ когда-либо могло поддерживать иллюзію, что трудъ ремесленный или вообще ручной покоится на золотомъ ложѣ. И еще острѣе, чѣмъ когда либо, бѣдствовали въ особенности въ крупныхъ городахъ тѣ, кто не располагалъ крупными средствами. Страхъ передъ терроромъ не удерживалъ ихъ отъ погони за наживой, онъ толкалъ ихъ только на подпольный путь и создалъ только новый источникъ обогащенія, а именно подкупъ.

Чѣмъ строже становились наказанія для уличенныхъ, тѣмъ больше была ихъ готовность уступить часть своей добычи уличившимъ ихъ чиновникамъ, чтобы этой цѣной купить ихъ молчаніе. И въ той мѣрѣ, въ какой усиливалась нужда, росъ соблазнъ среди отдѣльныхъ органовъ революціонной власти создать себѣ такимъ путемъ новый источникъ дохода.

И, несмотря на весь разгулъ гильотины, создавались новые капиталы, и на мѣсто казненныхъ появлялись новые капиталисты. А голодъ не уменьшался.

Новые капиталисты были частью выходцами изъ среды мелкой буржуазіи и пролетаріата, словомъ изъ революціонныхъ рядовъ, гдѣ они пользовались обычно репутаціей наиболѣе ловкихъ и отважныхъ. Само собой разумѣется, — не наиболѣе стойкихъ. Лучшіе изъ революціонеровъ, наиболѣе преданные и самоотверженные, поги-

бали одинъ за другимъ въ вѣчныхъ бояхъ у границы и въ гражданской войнѣ.

Такимъ образомъ все болѣе рѣдѣли ряды революціоннаго пролетаріата — вслѣдствіе гибели его лучшихъ элементовъ съ одной стороны и перехода наиболѣе ловкихъ въ классъ эксплуататоровъ — съ другой. Онъ терялъ свою наиболѣе энергичную силу по двумъ направленіямъ сразу.

Остальные все болѣе теряли мужество, становились апатичными. Четыре года длилась революція, выгодно отозвавшаяся на интересахъ крестьянъ и финансистовъ, но не утолившая, а скорѣе усилившая голодъ пролетаріевъ, которые боролись наиболѣе самоотверженно и неутомимо, и которымъ удалось, наконецъ, захватить власть въ свои руки. Даже самый кровавый терроръ не улучшилъ ихъ положенія. Чего они могли еще ждать отъ политики? Въ ихъ ряды все сильнѣе стали прокрадываться сомнѣнія, разочарованность и усталость.

При этомъ парижская Коммуна предъявляла къ нимъ чрезвычайныя требованія. Мы видѣли, что господство секцій основывалось на постоянномъ участіи всѣхъ гражданъ въ ихъ работѣ, на непрерывныхъ засѣданіяхъ и стремленіи къ самостоятельному исполненію всѣхъ административныхъ и политическихъ функцій.

Но такъ дѣло не могло тянуться долго. Входявшіе въ секціи рабочіе и представители мелкой буржуазіи должны были заниматься также и продуктивной работой, иначе имъ нечѣмъ было бы жить. Случайной работой, которую къ тому же постоянно приходилось прерывать, невозможно было существовать. Пока въ нихъ горѣлъ революціонный огонь, пока была надежда, что своей революціонной политикой они добьются экономическаго благосостоянія, они легче мирились съ нуждой. Но когда сомнѣнія начали брать верхъ, они стали искать спасенія вмѣсто политики въ производительной работѣ.

Они все охотнѣе отказывались отъ той или другой работы въ секціяхъ и уступали ее оплачиваемому государствомъ чиновничеству, что создало основу для послѣдовавшей позже бюрократической централизаціи имперіи. И одновременно въ секціяхъ стали преобладать состоятельные люди и ихъ приверженцы, — которыхъ они оплачивали въ той или иной формѣ, — такъ какъ у нихъ было достаточно свободного времени въ то время, какъ занятые работой представители революціоннаго пролетаріата и мелкой буржуазіи стали являться все рѣже, такъ что возникала опасность, что первые окажутся скоро въ большинствѣ.

Признакомъ упадка революціонной дѣятельности секцій является рѣшеніе Конвента отъ 9 сентября 1793 г., по которому собранія секцій должны происходить только два раза въ недѣлю, и каждый, живущій своимъ трудомъ, получаетъ 2 франка за посѣщеніе засѣданія. Но усталость отъ собраній не уменьшилась благодаря этой мѣрѣ.

Измѣнились также взаимоотношенія между вождями и массой. Въ періодъ подъема революціи масса толкала впередъ колебавшихся вождей, вселяла въ нихъ энергію и увѣренность въ побѣдѣ. Таково естественное отношеніе между массой и вождями въ томъ случаѣ, когда народное движеніе успѣшно пролагаетъ себѣ путь. Въ революціонной обстановкѣ вожди всегда болѣе осторожны, чѣмъ масса, потому что они лучше учитываютъ положеніе и связанныя съ нимъ возможности и яснѣе видятъ всѣ затрудненія.

Но теперь вожди оказались въ такомъ положеніи, что въ интересахъ сохраненія своего вліянія они нуждались въ напряженной дѣятельности массъ, среди которыхъ усталость и отчаяніе все болѣе брали верхъ. Теперь наступила очередь для вождей увлекать за собой и воспламенять массы. Такой моментъ свидѣтельствуетъ о томъ, что народное движеніе лишено внутренней силы, или еще не окрѣпшей въ достаточной мѣрѣ, или уже пережившей себя.

Чтобы воспламенить массы, господствующій режимъ долженъ былъ съ виду казаться сильнымъ, увлекать, опьянять массы, чтобы скрыть отъ нихъ отсутствіе социальныхъ и экономическихъ побѣдъ. И такой эффектъ долженъ былъ производить кровавый терроръ.

Это служило новымъ поводомъ къ продолженію и усиленію террора.

По этому же пути вела все растущая растерянность власти, терявшей почву подъ ногами. Вмѣстѣ съ отчаяніемъ росло и ожесточеніе, не только противъ классовыхъ враговъ, но и противъ своихъ — за всякое отклоненіе отъ господствующей линіи. Носители власти все яснѣе чувствовали, что всякая ошибка, всякій неразумный шагъ могутъ повлечь за собой гибельныя послѣдствія.

Глупости дѣлаются всегда, въ особенности въ революціонное время, ибо страсти горятъ, а совершенно новая обстановка молниеносно нагромождаетъ совершенно небывалыя затрудненія.

Когда революція идетъ по линіи подъема, она безостановочно продолжаетъ свой путь, несмотря на всѣ глупости. Когда же она идетъ на убыль, то малѣйшая ошибка можетъ оказаться роковой.

Чѣмъ болѣе носители революціи сознавали опасность своего положенія, тѣмъ ожесточеннѣе становилась борьба между различными тактическими направленіями, тѣмъ необходимѣе казалось каждому изъ нихъ насильственно подавить другое теченіе въ интересахъ спасенія революціи.

Среди членовъ партіи монтаньяровъ съ самого начала существовали противорѣчія между вѣрующими (хотя и не сторонниками церкви) и атеистами, между строгими пуританами и людьми веселаго нрава, цѣнившими удовольствія, между безпощадными и болѣе мягкими. Это не мѣшало ихъ дружной, совмѣстной работѣ. Когда же всѣ эти направленія вступили въ столь ожесточенную борьбу, что обратились даже къ террору одно противъ другого,

то фактъ этотъ указывалъ лишь на одно обстоятельство: революція пошла на убыль. Ея судьба была рѣшена, когда фракція Робеспьера привлекла гебертистовъ, какъ „крайнихъ революціонеровъ,“ а дантонистовъ, какъ „подкупленныхъ“ и „умѣренныхъ“ къ суду Революціоннаго Трибунала, и добились ихъ казни (въ мартѣ 1794). Они такимъ образомъ раздѣлили судьбу жирондистовъ, которыхъ они же, нѣсколько мѣсяцевъ раньше, послали на гильотину.

Эти террористическія мѣры являлись не только признакомъ, но и причиной упадка революціи, такъ какъ онѣ вносили расколъ въ массы парижской коммуны и превращали сторонниковъ казненныхъ во враговъ революціоннаго правительства. Одновременно послѣднее было вынуждено, въ виду все растущей апатіи массъ, передать одну за другой функціи, исполнявшіяся до сихъ поръ секціями, правительственнымъ чиновникамъ. Полиція, и именно политическая полиція, перешла теперь въ вѣдѣніе двухъ центральныхъ учрежденій, въ рукахъ которыхъ въ дѣйствительности сосредоточивалась государственная власть: Комитета общественнаго спасенія и Комитета общественной безопасности. Полиція стала всемогущимъ орудіемъ въ рукахъ всемогущаго правительства. Но одновременно ея функціи, отправлявшіяся секціями открыто, стали тайными. Тайная полиція стала незримой силой, тяготѣвшей надъ всей страной.

Но напрасно носители власти надѣялись обезпечить свое положеніе путемъ примѣненія террора. Базисъ, на который они опирались, все болѣе суживался. Они старались удержать свою позицію путемъ усиленія террора и всемогущества полицейской власти, но достигли этимъ только того, что всѣ, когда имъ стала угрожать одинаковая опасность, дружно сплотились, чтобы дать рѣзкій отпоръ власти. Это и удалось, такъ какъ въ рѣшительный моментъ носители власти не имѣли уже за собой массъ.

Крапоткинъ, восторженный поклонникъ парижской коммуны въ періодъ великой революціи, — ни въ коемъ случаѣ не противникъ ея — очень ярко характеризовалъ путь террора. Въ 67 главѣ своей книги о французской революціи, озаглавленной „Ужасъ террора“, онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

Наиболѣе мрачнымъ моментомъ (помимо войны) было настроеніе въ провинціи, въ особенности на югѣ. Поголовное массовое убіеніе контръ-революціонныхъ вождей и людей, введенныхъ ими въ заблужденіе, мѣстными якобинцами и делегатами конвента, послѣ побѣды, породило такую глубокую ненависть, что вездѣ шла отчаянная борьба. И положеніе еще болѣе затруднялось тѣмъ, что никто, ни на мѣстахъ, ни въ Парижѣ, не указывалъ другихъ средствъ, кромѣ крайнихъ средствъ мести.

Онъ приводитъ далѣе нѣсколько примѣровъ и указываетъ, что, именно, вынуждало Робеспьера дойти до крайнихъ предѣловъ террора.

Луи-Бланъ полагаетъ, что Робеспьеръ самъ хотѣлъ положить конецъ этой системѣ насилія, такъ какъ признавалъ ея гибельныя послѣдствія. Но онъ не находилъ другого выхода, чтобы освободиться отъ представителей этой системы въ собственныхъ рядахъ, помимо борьбы при помощи еще болѣе усиленнаго террора. Луи-Бланъ говоритъ по этому поводу:

Робеспьеръ хотѣлъ заставить дрожать тѣхъ, кто держалъ въ страхѣ весь міръ. Онъ задался цѣлью уничтожить ихъ собственнымъ оружіемъ, на ужасъ отвѣчать ужасомъ. (*Histoire de la Revolution Française*, II, стр. 748.)

Ещедалеко не установлено, что Робеспьеръ дѣйствительно руководствовался этими мотивами. Несомнѣнно, однако, что, именно онъ настоялъ на законѣ отъ 22 прѣріаля (10 іюня 1794 г.), устранившемъ послѣднія законныя гарантіи для политическихъ подсудимыхъ. Они лишены были права защиты передъ Революціоннымъ Трибуналомъ, слѣдствіе велось только на основаніи законовъ „здраваго человѣческаго разума“, а приговоръ выносился „судейской совѣстью“.

Еще 24 февраля 1794 г. Робеспьеръ заявилъ:

Хотятъ господствовать въ революціи при помощи юридическихъ фокусовъ. Заговоры противъ республики рассматриваются, какъ процессъ частныхъ лицъ. Тираннія убиваетъ, а свобода защищаетъ. Уголовный законъ, созданный самими заговорщиками, является руководствомъ для суда надъ ними.

Единственный приговоръ, который могъ быть вынесенъ, была смертельная казнь. Ею карались также и тѣ, кто распространялъ ложныя свѣдѣнія «съ цѣлью внесенія раскола или смуты въ народъ, порчи нравовъ или отравы общественной совѣсти» — но подобными обозначеніями квалифицируется любымъ правительствомъ всякое мнѣніе, кажущееся оппозиціоннымъ.

Крапоткинъ замѣчаетъ по этому поводу:

Изданіе этого закона означало не что иное, какъ объявленіе банкротства со стороны революціоннаго правительства... И дѣйствіе этого закона сказалось въ томъ, что шесть недѣль спустя наступила контръ-революція.

На основаніи этого закона были немедленно казнены 54 человѣка.

Съ этого началось дѣйствіе новаго закона, который получилъ названіе закона Робеспьера. Этотъ режимъ террора въ Парижѣ сразу возбудилъ всеобщую ненависть.

Немедленно послѣ этого начался массовый процессъ противъ 154 чел., которые были казнены тремя очередями.

Безполезно долго останавливаться на этихъ казняхъ. Достаточно указать на то, что въ періодъ отъ 17 апрѣля 1793 г. — дня учрежденія Революціоннаго Трибунала до 22 прѣріаля четвертаго года (10 іюня 1794 г.), т. е. за 14 мѣсяцевъ Трибуналь осудилъ на смерть 2607 чел., но со дня изданія новаго закона тотъ же Трибуналь вынесъ за короткій промежутокъ въ 46 дней — отъ 22 прѣріаля до термидора (27 іюля 1794 г.) 1351 смертный приговоръ.

Парижское населеніе уже содрогалось при видѣ колесницъ, увозившихъ осужденныхъ на гильотину, которую пять палачей почти не могли очистить за день. Съ трудомъ можно было найти кладбища для жертвъ, ибо всякій разъ, когда для этой цѣли хотѣли устраивать новое кладбище въ рабочемъ кварталѣ, поднимались энергичные протесты.

Симпатіи рабочаго населенія Парижа были теперь на сторонѣ жертвъ, тѣмъ болѣе, что болѣе состоятельные

люди бѣжали изъ Парижа и скрывались въ провинціи, и жертвой гильотины стала главнымъ образомъ бѣдность. И дѣйствительно, Луи-Блану удалось установить, что среди 2750 казненныхъ, только 650 чел. принадлежали къ зажиточнымъ классамъ. Шла даже молва, что въ комитетъ безопасности входить роялистъ, агентъ Ботца, который подстрекалъ къ казнямъ, чтобы возбудить ненависть противъ республики.

Несомнѣнно, что каждая массовая казнь такого рода ускоряла моментъ паденія якобинскаго режима.

Все сознавали грозящую имъ со стороны Робеспьера и его приверженцевъ опасность, все, какъ одинъ человекъ, сплотились противъ него: крайніе радикалы и умѣренные, жирондисты и монтаньяры, кровожадные и болѣе мирно настроенные, пролетаріатъ и буржуазія.

Власть Робеспьера пала при первомъ же отпорѣ со стороны угрожаемыхъ имъ. Его воззваніе къ массамъ отъ 9 термидора не нашло достаточнаго отклика. Онъ оказался побѣжденнымъ. Но одновременно и парижская Коммуна лишилась послѣдняго призрака власти, которой она пользовалась до сихъ поръ. Революція вернулась къ основѣ, обусловленной экономическимъ положеніемъ, къ господству буржуазіи.

5. Традиції террора.

Паденіє Робосп'єра означало самое тяжкое крушеніє, — моральное крушеніє, вызванное тѣмъ, что рабочіе и мелкая буржуазія отrekliсь отъ партіи, желавшей быть ихъ представительницей, и отказались защищать ее; тѣмъ наконецъ, что они вздохнули свободно, какъ послѣ тяжелаго гнета, когда наступилъ конецъ ужасному періоду террора.

Но этотъ печальный періодъ былъ быстро преданъ забвенію. Въ умахъ революціоннаго пролетаріата и мелкой буржуазіи — не только Парижа — сохранилось лишь воспоминаніе о времени, когда они при помощи вооруженныхъ возстаній господствовали надъ Конвентомъ и черезъ Конвентъ — надъ всей Франціей, крупнѣйшей державой того времени, которая была въ состояніи оказать сопротивленіе всей Европѣ и даже временно подчинить ее своей власти.

Чѣмъ тяжелѣе складывалась жизнь для рабочихъ и мелкой буржуазіи, вообще для революціонеровъ въ періодъ господства наполеоновскаго штыка и въ особенности при послѣдующемъ режимѣ юнкеровъ и финансовыхъ магнатовъ, тѣмъ глубже чтили революціонеры великія преданія революціи.

Только немногіе изучаютъ исторію ради научныхъ цѣлей, въ духѣ науки, т. е. для установленія причинной зависимости въ развитіи человѣчества и для приведенія этой зависимости въ безспорную связь съ уже открытыми факторами исторіи. Другими словами — для углубленія выработаннаго міровоззрѣнія, для яснаго познанія и непоколебимыхъ принциповъ.

Исходной точкой всякаго изученія являются весьма практическія цѣли, а не стремленіе къ философскому познанію. На это указываетъ, между прочимъ, однимъ своимъ названіемъ очень абстрактная геометрія, ибо геометрія означаетъ не что иное, какъ науку объ измѣреніи земли.

И исходной точкой исторіи была также практическая цѣль: похвала и преклоненіе предъ предками для побужденія новыхъ поколѣній къ подражанію старымъ. Такъ какъ центръ тяжести былъ не въ познаніи, а въ политическомъ или моральномъ воздѣйствіи, то не считалось необходимымъ особенно строго придерживаться истины, часто преувеличивали, чтобы усилить впечатлѣніе, и не останавливались предъ измысленіемъ небылицъ. Фальсификація исторіи столь же стара, какъ и лѣтопись исторіи.

Общеизвѣстно, что этотъ родъ составленія исторіи не исчезъ до сихъ поръ. Скорѣе онъ цѣнится, какъ особенно важная работа, какъ цвѣтъ патріотическаго мышленія.

Въ дальнѣйшемъ составленіе исторіи стало средствомъ для обоснованія претензій отдѣльныхъ государствъ, или внутри государства — отдѣльныхъ областей, родовъ или семей. И эта отрасль историческаго писательства дала обильную пищу фальсификаторскому ремеслу. Такъ, напр., огромная часть состоянія и господства католической церкви, папы, отдѣльныхъ епископовъ, орденовъ и монастырей была обоснована фальшивыми документами.

Фабрикація фальшивыхъ рукописей стала предметомъ моды, послѣ того какъ грамотность перестала быть достояніемъ избранныхъ круговъ. И что историческая „наука“ отлично умѣетъ по мѣрѣ надобности создавать въ любомъ количествѣ обоснованія правовыхъ претензій, — показываетъ намъ та быстрота, съ которой въ послѣдніе годы были „научно“ обоснованы историческія права различныхъ воюющихъ державъ, въ точномъ согласіи съ ихъ аппетитами.

Но все-же важнѣйшимъ практическимъ примѣненіемъ исторіи является не назиданіе, не вдохновеніе герой-

ствомъ предковъ, но преумноженіе силы того, кто умѣетъ использовать опытъ прошлаго.

Это преумноженіе силы можетъ быть въ свою очередь двоякимъ.

Съ одной стороны можно увеличить свои интеллектуальныя силы, уча съ на исторіи, т. е. изслѣдуя успѣхъ и неудачи своихъ предшественниковъ и познавая этимъ путемъ, что въ извѣстной обстановкѣ нужно дѣлать и чего избѣгать.

Именно въ военномъ дѣлѣ примѣры исторіи научили очень многому. Почти нѣтъ великихъ полководцевъ, которые не знали бы хорошо военной исторіи и не научились многому отъ своихъ предшественниковъ.

Труднѣе самосовершенствованіе на опытахъ исторіи въ политикѣ. Здѣсь приходится имѣть дѣло съ болѣе обширными массами, чѣмъ въ войнахъ, — прежнихъ войнахъ особенно. И эти массы — не безвольный инструментъ въ рукахъ всемогущаго всжда, а очень своевольны и трудно поддаются оцѣнкѣ. И, наконецъ, условія, съ которыми приходится считаться политику, — гораздо многообразнѣе и измѣнчивѣе, чѣмъ обстановка военного дѣла. Но и въ веденіи войны, обнимающемъ болѣе простыя и легко обозримыя условія, механическое подражаніе заимствованнымъ изъ исторіи образцамъ можетъ стать фатальнымъ, когда оно цѣликомъ замѣняетъ собой цѣлесообразное примѣненіе добытыхъ изученіемъ исторіи правилъ — въ соотвѣтствіи съ особенностями каждаго опредѣленнаго случая. Въ политикѣ различія социальныхъ условій и положеній отдѣльныхъ странъ и временъ — гораздо глубже и труднѣе распознаваемы. И потому шаблонное копированіе событій прошлаго лишь по признакамъ внѣшняго сходства извѣстныхъ положеній скорѣе будетъ вредить, а не помогать, дѣйствительную обстановку и потребности — затушевывать, а не выяснять.

И въ политикѣ люди мало чему научились.

Однако, для большинства политиковъ, когда они за-

нимаются исторіей, дѣло гораздо менѣе идетъ объ изученіи, чѣмъ о кой-чемъ другомъ. И тутъ мы приходимъ къ другому роду преумноженія силъ при помощи исторіи.

Каждый изъ теперешнихъ классовъ и партій находитъ свою аналогію въ прошломъ, которое, подобно нашему времени, знало борьбу между эксплуататорами и эксплуатируемыми, владѣющими и лишенными собственности, аристократами и демократами, монархистами и республиканцами. Классы и партіи прошлаго возникли, конечно, въ условіяхъ, рѣзко отличающихся отъ современныхъ, они означаютъ очень часто нѣчто совершенно иное, чѣмъ соотвѣтственныя явленія позднѣйшаго времени. И все-таки въ политикѣ явленія сегодняшняго дня оцѣниваются по явленіямъ прошлаго, по ихъ успѣхамъ и неудачамъ. Для пропаганды опредѣленнаго направленія было всегда равносильно преумноженію силъ, если она могла сослаться на великіе успѣхи предшественниковъ. И неменѣе того было равнозначаще преумноженію силъ, если она могла указать что предшественники противниковъ потерпѣли крушеніе.

Это придавало живой интересъ изученію исторіи, но ни въ коемъ случаѣ не содѣйствовало исторической истинѣ. И здѣсь мы наталкиваемся на одинъ изъ тѣхъ моментовъ, которые побуждаютъ къ фальсификаціи исторіи. Писатели каждой партіи пытаются представить своихъ предшественниковъ въ возможно розовомъ, своихъ противниковъ — въ возможно темномъ свѣтѣ.

Среди практическихъ потребностей, изъ которыхъ возникаетъ историческое изслѣдованіе, лишь тѣ свободны отъ тенденціи фальсифицировать, которыя побуждаютъ учиться на опытѣ исторіи. Это вызываетъ стремленіе ясно установить причины не только успѣховъ, но и неудачъ предшественниковъ своей собственной партіи и такимъ образомъ подвергать и ихъ суровой критикѣ. Тутъ мы встрѣчаемся съ переходомъ къ чисто научному исканію истины, къ изслѣдованію исторіи лишь въ цѣляхъ

удовлетворенія потребности въ установленіи причинной зависимости ея.

Всѣ остальные практическія потребности, побуждающія къ историческому писательству, развиваютъ склонность низвести ее на степень созиданія легендъ. Теперь этому противодѣйствуетъ въ отрадныхъ размѣрахъ критика враждебной стороны, выводящей каждую такого рода попытку на чистую воду. Столь непринужденно, какъ во времена составленія евангелій, теперь нельзя вести эту коммерцію за исключеніемъ режима осаднаго положенія и цензуры. Но и при высшемъ состояніи народнаго образованія и самой неограниченной свободѣ печати недостатка въ лживомъ и одностороннемъ изображеніи исторіи не замѣчается.

Конечно, не слѣдуетъ думать, что непременно дѣйствуетъ при этомъ сознательное стремленіе ввести читателей въ заблужденіе. Въ большинствѣ случаевъ историкъ самъ вводится въ заблужденіе своимъ партійнымъ фанатизмомъ и партійной узостью, мѣшающими ему видѣть вещи такъ, какъ онѣ были.

Это тѣмъ болѣе допустимо, что и сами источники исторіографіи берутъ свое начало въ партійной борьбѣ, а общественныя отношенія — всегда чрезвычайно осложнены, такъ что и самый безпристрастный изслѣдователь нелегко можетъ ориентироваться и постоянно долженъ спрашивать себя: „что есть истина?“

Правильно говоритъ Лиссагарэ въ предисловіи къ своей „Исторіи Коммуны“:

Кто разказываетъ народу выдуманныя революціонныя легенды — преднамѣренно или по невѣжеству — обманываетъ его историческими диѳирамбами, является такимъ же преступникомъ, какъ и географъ, составляющій невѣрныя карты для морского плаванія.

И все-же я знаю партійныхъ товарищей, очень славныхъ, честныхъ партійныхъ товарищей, считающихъ своей святой обязанностью по отношенію къ революціи обманы-

вать народъ ложными „историческими диеирамбами“ въ честь большевизма.

Съ другой стороны: какъ трудно добросовѣстнѣйшему изобразителю среди бури наносить на карту всѣ подводныя скалы, мимо которыхъ только-что совершенно плаванье. Революціи, разнуздывающія всѣ страсти, гдѣ борьба идетъ на жизнь и смерть, естественно еще болѣе, чѣмъ всякія иныя историческія явленія, подвержены судьбѣ партійнаго изображенія и воспріятія. И столь же понятно, что наиболѣе могучая двигательная сила и наиболѣе страстное выраженіе французской Великой революціи, — парижская Коммуна съ ея терроромъ была предметомъ самыхъ ожесточенныхъ споровъ. Контръ-революціонеры указывали на нее, чтобы подчеркнуть и заклеить мерзость революціи. Защиту ея революціонеры считали своей обязанностью. Они не довольствовались обсужденіемъ террора, какъ особой формы революціи, которая была присуща минувшему и не должна повторяться въ будущемъ. Они не ограничивались также объясненіемъ того режима особыми условіями, его породившими. Нѣтъ, они чувствовали себя вынужденными осужденію противопоставить поклоненіе, въ террорѣ видѣть ужасное, но неотвратимое средство освобожденія поработенныхъ классовъ.

Самъ Марксъ въ 1848 г. возлагалъ надежды на побѣдную силу революціоннаго террора, несмотря на то, что онъ уже тогда критически относился къ традиціямъ 1793 г.

Въ „Новой Рейнской Газетѣ“ онъ повторно высказывался въ пользу террора. Въ № отъ 13 января 1849 г. онъ писалъ о возстаніи въ Венгріи, революціонную роль котораго онъ переоцѣнилъ:

Въ первый разъ въ революціонномъ движеніи 1848 г., въ первый разъ со времени 1793 г, дерзаетъ нація, со всѣхъ сторонъ охваченная контръ-революціоннымъ большинствомъ, противопоставить трусливому контръ-революціонному бѣшенству революціонную страсть, бѣлому террору красный. Въ первый разъ за долгое время мы видимъ дѣйствительно революціонный характеръ, мужа, который поднимаетъ пер-

чатку борьбы отчаянія во имя своего народа, который для своей націи соединяетъ въ своемъ лицѣ Дантона и Карно — Людвига Кошута.

Уже до того, въ № отъ 7 ноября 1848 г. Марксъ писалъ по поводу паденія Вѣны:

Въ Парижѣ будетъ нанесенъ уничтожающій отвѣтный ударъ іюньской революціи. Съ побѣдой „красной республики“ въ Парижѣ арміи изнутри страны двинутся къ границѣ и чрезъ нее, и обнаружится истинная сила борющихся партій. Тогда мы вспомнимъ объ іюнѣ, объ октябрѣ (усмиреніе Вѣны Виндишгрецомъ), и мы также воскликнемъ:

Горе побѣжденнымъ!)*

Безрезультатная рѣзня іюньскихъ и октябрьскихъ дней, томительное жертвоприношеніе февральскихъ и мартовскихъ, каннибализмъ контръ-революціи убѣждать народы въ томъ, что есть только одно средство укоротить, упростить, концентрировать смертельныя корчи стараго общества, кровавыя родовыя муки новаго, лишь одно средство — революціонный терроръ.

До приложенія на практикѣ этихъ взглядовъ дѣло не дошло. Наоборотъ: мы все больше встрѣчаемся съ растущимъ среди революціонеровъ внутреннимъ протестомъ. Если изученіе прошлаго побуждаетъ ихъ къ защитѣ террора, то это находится въ противорѣчій съ вытекающимъ изъ обстановки современности (какъ это мы позже увидимъ) ростомъ ихъ гуманности, ихъ отвращенія къ мученію людей или даже лишенію ихъ жизни. И гуманность на практикѣ становится болѣе могучимъ факторомъ, чѣмъ почерпнутое изъ историческихъ книгъ признаніе террора.

О революціи 1830 г., напр., Берне писалъ въ шестомъ своемъ парижскомъ письмѣ:

Быстро побѣдили они, еще скорѣе простили. Какъ мягко отвѣчалъ народъ на пережитыя униженія, какъ быстро забылъ о нихъ! Лишь въ открытой борьбѣ, на полѣ битвы онъ наносилъ раны своему врагу. Беззащитные плѣнники не умерщвлялись, бѣглецы не преслѣдовались, прятавшіеся не разыскивались, подозрительныхъ не тревожили.

Такъ дѣйствуетъ народъ!

*) Въ оригиналѣ большими жирными буквами.

И столь же великодушно, какъ въ 1830 г., поступали парижскіе революціонеры въ 1848 г., и даже въ страшной іюньской битвѣ того же года рабочіе проявили величайшій героизмъ и непоколебимую стойкость, но не жажду крови. Ее показали лишь ихъ побѣдители въ омерзительнѣйшемъ видѣ. Не только солдаты, бѣшенство которыхъ было доведено до точки кипѣнія лживыми сообщеніями о мнимыхъ жестокостяхъ инсургентовъ, но и интеллигенты. Врачи отказывались дѣлать перевязки раненымъ революціонерамъ. Марксъ по этому поводу замѣчаетъ въ своей знаменитой статьѣ въ „Новой Рейнской Газетѣ“:

Наука — не для плебея, который совершилъ невѣроятное, небывалое преступленіе: сражаться за свое собственное существованіе, а не за Луи-Филиппа, или Мараста.

И возмущеніе этими низостями продиктовало Марксу цитированныя выше строки о террорѣ.

Горечь, посѣянная въ дни іюньскихъ битвъ 1848 г., еще не остыла въ парижскихъ рабочихъ, когда они взяли политическую власть въ свои руки въ 1871 г., во второй Коммунѣ. Немало изъ нихъ дрались въ іюнь 1848 г. Можно было думать, что теперь насталъ день мести, день террора, который возвѣщалъ Марксъ.

Но онъ самъ въ своей работѣ о коммунѣ констатируетъ („Гражданская война во Франціи въ 1871 г.“):

Съ 18 марта до вступленія версальскихъ войскъ въ Парижъ пролетарская революція оставалась незапятнанной насиліями, которыми переполнены революціи, а еще болѣе — контръ-революціи „высшихъ классовъ“ (3 изд., стр. 38).

Здѣсь мы находимъ рѣшительное отрицаніе террора, который опредѣляется, какъ характерный признакъ революцій „высшихъ классовъ“ въ противовѣсъ — пролетарской.

Недавно мое отношеніе къ большевизму было отмѣчено, какъ измѣна Марксу, чье революціонное пламя навѣрное привело бы его на сторону большевизма. Какъ доказательство, цитировалось одно изъ выраженій Маркса въ 1848 г. по поводу террора.

Мы видимъ теперь, что измѣна Марксу, якобы совер-

шенная мною, совершена имъ самимъ въ 1871 г. Между его первымъ и вторымъ воззрѣніями лежатъ два десятилѣтія напряженнѣйшей умственной работы, плодомъ которой явился „Капиталъ“.

Кто по вопросу о террорѣ желаетъ сослаться на Маркса, не имѣетъ права останавливаться на его воззрѣніи 1848 г. и пройти мимо его точки зрѣнія въ 1871 г.

Подобно Марксу и Энгельсъ проявилъ въ 1870 г. мало восторга по поводу террора. 4 сентября 1870 г. онъ писалъ Марксу:

Подъ господствомъ ужаса мы понимаемъ господство людей, ужасъ вселяющихъ. Какъ разъ наоборотъ: это — господство людей, которые сами напуганы. „La terreur“ — это по большей части безполезныя жестокости, совершаемыя напуганными людьми для собственнаго успокоенія. Я убѣжденъ, что вина террора 1793 г. падаетъ исключительно на перетрусившихъ, выдававшихъ себя за патріотовъ буржуа, на мелкихъ мѣщанъ и на дѣлавшіе около террора гешефты подонки. (Переписка между Марксомъ и Энгельсомъ, IV, 379, 380).

Марксъ былъ совершенно правъ, утверждая съ чувствомъ удовлетворенія, что вторая парижская Коммуна была свободна отъ насилій, которыми была такъ богата первая. Насилія, совершенныя за ея время въ Парижѣ, не могутъ быть отнесены на ея счетъ. Этимъ, однако, не сказано, что идея террора не играла никакой роли внутри самой Коммуны и была совершенно заброшена ея членами. Это утверждать отнюдь нельзя.

Мы подойдемъ къ этому вопросу ближе и при этомъ проведемъ параллель между парижской Коммуной 1871 г. и совѣтской республикой. Она ссылается именно на Коммуну, какъ на свой прообразъ и оправданіе. И Фридрихъ Энгельсъ въ своемъ предисловіи къ Марксовской „Гражданской войнѣ во Франціи“ говоритъ, что парижская Коммуна была диктатурой пролетаріата. Интересно поэтому посмотрѣть, какова была эта диктатура.

6. Вторая Парижская Коммуна.

а) Происхожденіе Коммуны.

Совѣтская республика 1917 г., какъ и парижская Коммуна 1871 г., является результатомъ войны, результатомъ военныхъ поражений. Носителемъ той и другой былъ революціонный пролетаріатъ.

Этимъ почти ограничивается, собственно говоря, сходство между обоими явленіями.

Большевикамъ удалось захватить въ свои руки политическую власть, благодаря тому, что они энергичнѣе всѣхъ остальныхъ русскихъ политическихъ партій требовали мира, мира во что бы то ни стало, сепаратнаго мира, — независимо отъ того, какъ это отразилось бы на международномъ положеніи: способствовало ли бы это или нѣтъ побѣдѣ и укрѣпленію мірового союзнства германской милитаристской монархіи, оказывавшей имъ долгое время покровительство, въ родѣ того, какое она оказывала ирландскимъ или индусскимъ повстанцамъ, или итальянскимъ анархистамъ.

Совсѣмъ инымъ было поведеніе французскаго радикализма въ войнѣ 1870 г., послѣ сверженія Наполеона III, провозглашенія республики и предъявленія требованія объ аннексіи Эльзасъ-Лотарингіи со стороны Германіи. Въ борьбѣ третьей республики противъ союзныхъ монарховъ Германіи возрождалась какъ будто ситуація 1793 г., когда первая республика вела борьбу противъ союзныхъ монарховъ Европы. Снова ожили традиціи того времени, и снова, какъ тогда, пролетарскій Парижъ являлся тѣмъ, наиболѣе воинственно настроеннымъ, элементомъ, который,

упорнѣе и энергичнѣе другихъ настаивалъ на продолженіи войны въ интересахъ спасенія единой и нераздѣльной республики.

Но крестьяне 1870 г. въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ рѣзко отличались отъ крестьянъ 1793 г. Если послѣдніе и ненавидѣли Парижъ и неохотно подчинялись его господству, то они тѣмъ не менѣе были глубоко проникнуты сознаниемъ необходимости вытѣснить непріятеля изъ предѣловъ Франціи, такъ какъ побѣда послѣдняго грозила восстановленіемъ феодализма и возвращеніемъ отнятыхъ у церковей и эмигрантовъ имуществъ.

Крестьянамъ 1870 г. подобная опасность съ стороны Пруссіи не грозила. Они болѣе руководствовались интересами своей колокольни, т. е. потеря Эльзасъ-Лотарингіи казалась имъ меньшимъ зломъ по сравненію съ опустошеніями и бременемъ войны. За исключеніемъ населенія Эльзасъ-Лотарингіи, которое до послѣдняго момента отчаянно боролось противъ отдѣленія отъ Франціи, среди крестьянъ и населенія мелкихъ городовъ Франціи очень быстро взяло верхъ стремленіе къ миру. Оно возникло наперекоръ радикальному, воинственному Парижу, и лозунгъ мира сталъ боевымъ лозунгомъ реакціонеровъ и монархистовъ.

Какъ въ Россіи въ 1917 г., такъ и во Франціи въ 1871 г. партія мира взяла верхъ надъ тѣми, кто настаивали на продолженіи войны. Но носителями идеи мира въ 1871 г. являлись не наиболѣе радикальные среди радикальныхъ, а наиболѣе реакціонные среди реакціонныхъ.

8 февраля 1871 г. было создано Національное Собраніе для заключенія мира. Оно насчитывало всего 200 республиканцевъ и свыше 400 монархистовъ.

Почти вся провинція требовала „мира во что бы то ни стало.“ Парижъ же выставялъ лозунгъ: „Война на жизнь и смерть.“ Онъ выбиралъ исключительно лицъ, требовавшихъ продолженія войны. Они ни въ коемъ случаѣ не должны были допустить, чтобы миръ былъ купленъ цѣной уступки территоріи (Луи Дюбрель, „Парижская Коммуна“).

12 февраля состоялись открытіе Національнаго Собранія въ Бордо, а перваго марта оно 516 голосами противъ 107 высказалось въ пользу принятія мирнаго договора. Больше половины этихъ 107 членовъ, голосовавшихъ противъ мира, были представителями отъ Парижа.

Національное Собраніе было созвано исключительно съ цѣлью заключенія мира, и соотвѣтственно съ этимъ выбирались кандидаты. То, что среди нихъ преобладали въ такомъ количествѣ реакціонеры, слѣдуетъ приписать не антипатіи къ республикѣ, а подавляющей потребности мира. Съ заключеніемъ мира, полномочія Національнаго Собранія были исчерпаны. На его мѣсто должно было быть созвано новое, которое должно было рѣшить вопросъ о конституціи. Эти выборы дали бы иной результатъ, чѣмъ выборы въ Національное Собраніе въ Бордо, такъ какъ идея республики далеко не встрѣчала такой всеобщей антипатіи, какъ продолженіе войны.

И въ дѣйствительности, выборы въ коммунальные совѣты, происходившіе 30 апрѣля во всей Франціи, дали значительное большинство республиканцамъ. Но такъ какъ этого именно и опасались юнкера, засѣдавшіе въ Національномъ Собраніи, то они и цѣплялись за свои мандаты.

Они стремились придать Національному Собранію законодательный характеръ и несомнѣнно ввели бы монархію, еслибы среди нихъ было единодушіе. Часть изъ нихъ принадлежала къ легитимистамъ, сторонникомъ династіи, считавшейся во Франціи до 1830 г. законной. Другая часть — орлеанисты, была на сторонѣ династіи, выдвинутой революціей 1830 г. на мѣсто наслѣдственнаго королевскаго рода. Этотъ расколъ спасъ республику но не предохранилъ Парижа отъ дружной ненависти обѣихъ фракцій. Помимо Парижа, французская республика не имѣла нигдѣ прочной опоры. Но сила этой опоры проявлялась неоднократно послѣ 1789 г. О возстановленіи монархіи не могло быть и рѣчи, пока не была сокрушена сила Парижа.

Провинція не переставала возмущаться Парижемъ, этимъ безнравственнымъ, атеистическимъ воинственнымъ, республиканскимъ Парижемъ, не говоря уже о его соціализмѣ. Начиная съ перваго засѣданія, Національное Собраніе не скрывало своего отвращенія къ Парижу. Геройскій Парижъ, который такъ недавно еще въ теченіе пяти мѣсяцевъ выдерживалъ ужасную осаду во имя защиты отечества, подвергался теперь самымъ дикимъ оскорбленіямъ.

Унизить Парижъ, лишить его самоуправления, его положенія въ качествѣ столицы и наконецъ разоружить его, чтобы въ полной безопасности произвести монархическій переворотъ — вотъ что стало главнѣйшей цѣлью Національнаго Собранія и избраннаго имъ главы исполнительной власти, Тьера.

Эта ситуація явилась причиною того конфликта, который привелъ къ парижскому возстанію.

Оно, какъ видно, было совершенно иного рода, чѣмъ государственный переворотъ большевиковъ, источникомъ силы которыхъ было стремленіе народа къ миру, за которыми шли крестьяне, и которымъ въ русскомъ Учредительномъ Собраніи приходилось сталкиваться не съ монархистами, а съ соціалистами-революціонерами и меньшевиками.

Столь же различны, какъ исходныя точки большевистской революціи и второй парижской Коммуны, были также и поводы къ нимъ.

Большевики захватили власть въ свои руки при помощи хорошо подготовленнаго переворота, даваго имъ сразу возможность овладѣть всѣмъ государственнымъ аппаратомъ, который они тотчасъ же использовали — въ энергичной и беспощадной формѣ — для политическаго и экономическаго подавленія своихъ противниковъ, всѣхъ своихъ противниковъ, включая пролетарскихъ.

Возстаніе же Коммуны ни для кого не было столь неожиданнымъ, какъ для самихъ революціонеровъ. И для значительной части ихъ оно было крайне нежелательнымъ.

Правда, тактика подготовленного вооруженного возстанія имѣла, въ силу революціонныхъ традицій, многочисленныхъ сторонниковъ въ Парижѣ. Среди социалистовъ главными поборниками его были бланкисты. Они въ союзѣ съ другими якобински настроенными элементами неоднократно пытались во время осады устраивать мятежи, но въ виду недостаточной поддержки эти попытки терпѣли крушеніе.

Они устроили, между прочимъ, 31 октября, подъ впечатлѣніемъ капитуляціи Меца, возстаніе, чтобы провести свое требованіе объ избраніи представительства отъ Парижа — Коммуны — но не по социалистическимъ, а по патріотическимъ мотивамъ, во имя болѣе энергичнаго веденія войны, по примѣру первой парижской Коммуны 1792 — 1794 г. Части національной гвардіи, преданной правительству, удалось подавить возстаніе безъ всякаго кровопролитія, такъ какъ правительственныя войска почти не наталкивались на сопротивленіе. Чтобы укрѣпить свою позицію, правительство устроило 3 ноября голосованіе въ Парижѣ. 558 000 голосовъ было выражено довѣріе правительству; противъ него высказалось всего 63 000 голосовъ.

Такъ же неудачно кончилась попытка возстанія 22 января сторонниковъ активныхъ дѣйствій во что бы то ни стало, хотя они и проповѣдывали весьма популярный тогда въ Парижѣ патріотическій лозунгъ продолженія войны. Поводомъ къ возстанію послужило заявленіе правительства о неизбежности капитуляціи, что вызвало бурю негодованія въ рядахъ революціонеровъ. Это возстаніе, связанное уже съ кровопролитіемъ, было также подавлено безъ особаго труда.

Эти неудачи вызвали усталость и разочарованіе среди сторонниковъ активныхъ дѣйствій. Они 18 марта еще не были подготовлены къ новому возстанію. Сторонники же социалистическаго Интернаціонала все время высказывались противъ всякихъ попытокъ возстанія. Вскорѣ послѣ сверженія Наполеона Марксъ писалъ Энгельсу (6 сентября 1870 г.):

Какъ только я засѣлъ за письмо къ тебѣ, пришелъ Сералье и заявилъ мнѣ, что онъ завтра уѣзжаетъ изъ Лондона въ Парижъ, но всего на нѣсколько дней. Главная цѣль: уладить тамъ (въ парижскомъ федеральномъ совѣтѣ) дѣла съ Интернаціоналомъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что сегодня вся „французская секція“ собирается выѣхать въ Парижъ, чтобы натворить тамъ глупости отъ имени Интернаціонала. „Они“ хотятъ тамъ свергнуть временное правительство, устроить коммуну, назначить Піата французскимъ посломъ въ Лондонъ и т. д.

Я получилъ сегодня отъ федеральнаго совѣта воззваніе къ нѣмецкому народу (которое я завтра перешлю тебѣ) вмѣстѣ съ убѣдительною просьбой къ генеральному совѣту выпустить новый манифестъ къ нѣмецкому народу. Я уже собирался сегодня вечеромъ предложить это. Пришли мнѣ, пожалуйста, по возможности скорѣе, необходимыя для манифеста военные комментаріи относительно Эльзась-Лотарингіи на нѣмецкомъ языкѣ.

Федеральному совѣту я написалъ сегодня подробный отвѣтъ и исполнилъ также непріятную обязанность открыть имъ глаза на дѣйствительное положеніе вещей. (Переписка Энгельса и Маркса, т. IV, стр. 330).

Меня упрекали въ томъ, что я являюсь „выродившимся эпигономъ“ Маркса.

Революціонная натура и вулканическій темпераментъ толкнули бы послѣдняго несомнѣнно въ лагерь большевиковъ. Мы видимъ на этомъ фактѣ, какъ этотъ вулканическій темпераментъ считалъ своимъ первымъ долгомъ, „непріятной обязанностью“ раскрыть своимъ товарищамъ глаза на „дѣйствительное положеніе вещей“, и какъ Марксъ, несмотря на пламенность темперамента, считалъ при извѣстныхъ условіяхъ возможнымъ подготовляющіяся революціонныя выступленія наградить мало ободряющимъ названіемъ глупости.

Энгельсъ отвѣтилъ Марксу 7 сентября:

Только-что ушелъ Дюнонъ. Онъ провелъ здѣсь вечеръ и возмущался великолѣпной парижской прокламаціей. То, что Сералье отправляется туда, предварительно переговоривъ съ тобой, до нѣкоторой степени успокаиваетъ его. Его взгляды по этому вопросу вполне ясны и правильны;

использованіе дарованной республикой свободы въ интересахъ организаціи партіи, выступленіе, если представится возможность послѣ того, какъ партія будетъ уже организована, пребываніе Интернаціонала во Франціи до заключенія мира.

Марксъ отвѣтилъ 10 сентября:

Скажи Дюнону, что мои взгляды вполне совпадаютъ съ его взглядами.

Итакъ, вулканическій темпераментъ Маркса считалъ наиболѣе важнымъ организацію, а не активное выступленіе.

Дѣятельность Интернаціонала во Франціи велась также въ этомъ направленіи. Она меньше всего была направлена на стремительныя выступленія.

Мы ограничимся только однимъ примѣромъ. Одинъ изъ членовъ федеральнаго совѣта Интернаціонала предложилъ на засѣданіи 22 февраля устроить мирную демонстрацію 24 февраля, въ годовщину революціи 1848 г. Даже подобная мирная демонстрація показалась большинству федеральнаго совѣта несвоевременной, въ виду обостреннаго положенія. Въ особенности выступалъ противъ этого Франкель, требовавшей сосредоточенія всѣхъ силъ на организаціи пролетаріата, на изученіе насущнѣйшихъ экономическихъ вопросовъ, главнымъ образомъ вопроса о погашеніи отсроченной во время осады наемной платы и вопроса о безработицѣ. Представители Интернаціонала въ Національномъ Собраніи Малонъ и Толэнъ должны были передать Національному Собранію рѣшеніе рабочихъ.

По предложенію Франкеля федеральный совѣтъ рѣшилъ не устраивать демонстрацій и предоставить отдѣльнымъ членамъ рѣшеніе вопроса объ участіи въ ней.

Въ этомъ трудно усмотрѣть стремленіе къ возстанію.

Оно было вызвано не революціонерами, а ихъ противниками. Война вызвала необходимость принятія рабочихъ въ національную гвардію и вооруженіе ихъ. Это казалось элементамъ, окружавшимъ Тьера, — юнкерамъ,

финансовымъ магнатамъ, лицамъ, стоящимъ во главѣ бюрократіи и арміи — неизмѣримой опасностью. Послѣ заключенія мира имъ казалось, что самымъ неотложнымъ дѣломъ является разоруженіе пролетарскихъ элементовъ національной гвардіи.

Тѣмъ, что въ рукахъ національной гвардіи оказались пушки, она была обязана германскимъ властителямъ, поведение которыхъ было „той искрой, отъ которой загорѣлась пороховая бочка“, какъ справедливо замѣтилъ Бурженъ (Жоржъ Бурженъ, „Исторія Коммуны“, Парижъ, 1907 г., стр. 43).

Использованіе побѣды до конца коренится въ самой сущности военного ремесла. Въ задачи полководца входитъ не только побѣдоносное окончаніе войны, но и беспощадное преслѣдованіе побѣжденнаго врага до полного его истощенія и деморализаціи. Но совершенно иного рода задачи государственнаго дѣятеля, который заранѣе уже долженъ имѣть въ виду условія будущаго сожительства съ нынѣшнимъ противникомъ.

Оба эти взгляда сталкиваются почти въ каждой войнѣ, что можетъ привести къ роковымъ послѣдствіямъ, въ особенности если милитаристскимъ взглядамъ удастся оказать воздѣйствіе на политику. Въ 1866 г. Бисмарку удалось, хотя съ большимъ трудомъ, одержать верхъ надъ стремленіями милитаристскихъ круговъ. Но именно успѣхи 1866 г. подняли въ значительной степени престижъ прусскаго генеральнаго штаба, который неизмѣримо усилился еще послѣ побѣды 1870 г. Противъ этого и Бисмаркъ ничего не могъ подѣлать. Онъ не только вынужденъ былъ дать мѣсто милитаристскому образу мышленія, но его собственный политическій разумъ былъ введенъ имъ въ заблужденіе и ослѣпленъ.

Этимъ объясняется требованіе объ аннексіи Эльзасъ-Лотарингіи, продлившей войну на многіе мѣсяцы, толкнувшей Францію въ объятія Россіи и подготовившей нынѣшнее крушеніе Германіи.

Но Эльзась-Лотарингія была все-таки въ экономическомъ и стратегическомъ отношеніи крупнымъ выигрышемъ для даннаго момента. Но этимъ не ограничились, а прибавили еще униженіе Парижа — ненавидимаго Германіей центра сопротивленія ея арміи — и навязали французамъ 26 февраля условіе, что германскія войска войдутъ 1 марта въ Парижъ и займутъ Елисейскія поля.

Когда 27 февраля это извѣстіе дошло до Парижа, то раздался всеобщій крикъ возмущенія и призывъ къ оружію для отпора врагу. Почти всѣ батальоны національной гвардіи выразили готовность послѣдовать этому призыву.

Только интернаціоналисты не потеряли спокойствія духа. Не менѣе гибельнымъ, чѣмъ возстаніе противъ внутренняго врага, они считали въ данный моментъ возстаніе противъ отечественнаго врага. Они убѣждали центральный комитетъ національной гвардіи отказаться отъ всякой попытки вооруженнаго сопротивленія, которое закончилось бы только іюньской рѣзней и удушеніемъ республики въ потокахъ крова парижскихъ рабочихъ.

Они предложили, вмѣсто вооруженнаго сопротивленія, окружить нѣмцевъ кордономъ и изолировать, отрѣзать ихъ совершенно отъ парижскаго населенія.

Въ послѣдній моментъ удалось удержать центральный комитетъ отъ его намѣренія, и мы обязаны Интернаціоналу тѣмъ, что тщеславное высокомѣріе германскихъ побѣдителей не провоцировало одного изъ ужаснѣйшихъ уличныхъ боевъ въ міровой исторіи. Не нѣмецкіе, а французскіе солдаты устроили нѣсколько недѣль спустя кровавую бойню, жертвой которой сдѣлался парижскій пролетаріатъ.

При капитуляціи Парижа 28 января весь военный матеріалъ стоявшихъ въ городѣ войскъ былъ присужденъ побѣдителю, за исключеніемъ оружія національной гвардіи. Не только винтовки, но и пушки, являвшіяся не имуществомъ государства, а города Парижа.

Когда нѣмцы вошли теперь въ Парижъ, правительство не озаботилось о томъ, чтобы пушки, находившіяся въ предѣлахъ территоріи, которую должны были занять побѣдители, были своевременно вывезены. Оно ничего не имѣло противъ того, чтобы онѣ перешли въ руки отечественныхъ враговъ, лишь бы это ослабило позицію внутренняго врага. Но національная гвардія сама озаботилась объ этомъ и своевременно вывезла пушки — всего 400 — въ такія части города, куда нѣмцы не имѣли доступа.

Послѣ заключенія мира правительство было очень заинтересовано въ томъ, чтобы захватить эти пушки въ свои руки. Это должно было послужить началомъ къ разоруженію парижской національной гвардіи.

Національное Собраніе грозило обезглавить и „обезстоличить“ (*décapiter et décapitaliser*) Парижъ. Оно рѣшила поэтому не засѣдать въ Парижѣ. Съ большимъ трудомъ удалось Тьеру уговорить его засѣдать хотя-бы поблизости Парижа, въ Версаль. До этого времени засѣданія происходили въ Бордо. 20 марта оно рѣшило перебраться въ Версаль. До того времени, ему необходимо было дать гарантіи въ томъ, что у него нѣтъ основаній опасаться Парижа. Конфискація пушекъ должна была поэтому состояться 18 марта.

Тьеръ предпочелъ украсть ихъ тайкомъ, чѣмъ взять ихъ силой. Въ три часа ночи, когда весь Парижъ спалъ, нѣсколько отрядовъ заняли Монмартръ, гдѣ пушки стояли безъ всякой охраны, и попыталась увезти ихъ. Но, вслѣдствіе странной оплошности, забыли приготовить лошадей. Пока готовили ихъ, парижане пронюхали, что творится что-то неладное. Стала собираться толпа, которая увеличивалась съ каждой минутой. Народъ убѣждалъ солдатъ не трогать пушекъ. Это имѣло успѣхъ. Солдаты, жившіе среди парижскаго населенія, боровшіеся вмѣстѣ съ нимъ противъ отечественнаго врага, и вмѣстѣ съ нимъ всосавшіе презрѣніе къ неспособнымъ генераламъ,

братались теперь съ народомъ и національной гвардіей. Генераль Леконтъ, приказавшій войскамъ стрѣлять въ безоружную массу, добился этимъ только того, что солдаты отвернулись отъ него, арестовали его и разстрѣляли.

Этотъ разстрѣлъ является однимъ изъ тѣхъ террористическихъ актовъ, въ которыхъ обычно обвиняютъ коммуны. Къ нимъ относится также разстрѣлъ генерала Тома, который былъ арестованъ толпой утромъ 18 марта, когда онъ что-то записывалъ. Онъ былъ казнень, какъ шпіонъ. Еще утромъ 29 февраля, какой-то агентъ полиціи, который былъ уличень въ шпіонажѣ, былъ брошенъ въ Сену.

Тѣ, кто приписываютъ эти дѣйствія коммуны, забываютъ, что они произошли въ то время, когда коммуны еще не было. Но и парижское населеніе не несетъ отвѣтственности за нихъ. Эти убійства совершались не гражданскимъ населеніемъ, а солдатами. Они свидѣтельствовали не объ образѣ мышленія пролетаріата, а исключительно — милитаризма, который привыкъ неособенно церемониться съ человѣческой жизнью. И тѣ друзья человѣчества, которые возмущаются солдатами за убійство кровожаднаго генерала, ничего бы не сказали, еслибы тѣ же солдаты разстрѣливали женщинъ и дѣтей.

Вмѣсто того, чтобы разстрѣливать женщинъ и дѣтей, его же солдаты разстрѣляли его самого (генерала Леконта). Вкоренившіяся привычки, прививаемыя солдатамъ врагами рабочихъ, не мѣняются естественно въ тотъ моментъ, когда солдаты переходятъ на сторону рабочихъ (Марксъ, „Гражданская война во Франціи“, стр. 38).

Національная гвардія своимъ вмѣшательствомъ преслѣдовала исключительно цѣль предотвратить кровопролитіе. Въ дѣйствительности она, отчасти даже рискуя жизнью, добилась того, что возмущенные солдаты отпустили остальныхъ арестованныхъ офицеровъ на всѣ четыре стороны.

19 марта Центральный Комитетъ національной гвардіи тотчасъ же опубликовалъ протестъ противъ возведенныхъ на него обвиненій въ соучастіи въ убійствахъ. Онъ

заявляетъ, между прочимъ, въ этомъ протестѣ, напечатанномъ въ „Journal officiel“ Коммуны отъ 20 марта, слѣдующее:

Мы съ глубокимъ возмущеніемъ заявляемъ: кровавая грязь, которою стараются оскорбить нашу честь, является подлой клеветой. Мы никогда не совершали казни и никогда не принимали участія въ преступленіяхъ.

Это явилось рѣзкимъ осужденіемъ не только обвинителей, но и тѣхъ дѣйствій, зачинщиками которыхъ считали національную гвардію.

Въ виду перехода войскъ на сторону народа, передъ правительствомъ стояли только двѣ возможности: или идти на уступки, вступить въ переговоры съ возмущенной массой или же скрыться. Тьеръ ничего слышать не хотѣлъ о переговорахъ и поспѣшилъ вмѣстѣ со всѣмъ правительствомъ скрыться изъ Парижа и вывести оттуда всѣ войска, которые не были заражены еще мятежнымъ духомъ. Онъ даже оставилъ безъ защиты форты вокругъ Парижа, включая главный — Монъ-Валеръень.

Если бы парижане рѣшились преслѣдовать Тьера, имъ, пожалуй, удалось бы свергнуть правительство. Покидавшія Парижъ войска не оказали бы ни малѣйшаго сопротивленія. Это было подтверждено самими генералами. Тогда явилась бы возможность образовать новое правительство, которое, правда, не могло бы провести социализма, — для этого условія еще не были достаточно созрѣвшими. Но оно могло бы распустить Національное Собраніе и произвести выборы въ новое подъ лозунгомъ: укрѣпленіе республики, самоуправленіе общинъ, включая парижскія, замѣна постоянной арміи милиціей. Другихъ требованій Коммуна въ то время не выставляла. А такая программа была при тогдашнихъ условіяхъ во Франціи исполнѣ осуществима.

Но Тьеру удалось безпрепятственно скрыться. Онъ получилъ возможность вывести свои войска въ Версаль, реорганизовать ихъ тамъ, укрѣпить ихъ духъ и усилить ихъ составъ.

Бѣгство министровъ явилось полной неожиданностью для парижанъ. Не было ни одной организаціи, которая могла бы, вмѣсто скрывшихся государственныхъ мужей, взять на себя руководство событіями. Еще 19 марта Парижъ не имѣлъ никакого правительства. Помимо своей воли, подъ давленіемъ событій, Центральный Комитетъ національной гвардіи — организація безъ твердой программы и опредѣленной тактики — былъ вынужденъ взять на себя роль правительства. Онъ первымъ дѣломъ отклонилъ отъ себя отвѣтственность тѣмъ, что вручилъ всю власть одному лицу, нѣкому Луллье, которому было поручено главное командованіе надъ Парижемъ. Это была наименѣе подходящая личность, какую только можно вообразить себѣ, — пьяница, относительно котораго трудно сказать, чѣмъ онъ былъ больше:

дуракомъ или предателемъ или наоборотъ. Онъ въ теченіе 48 часовъ ухитрился сдѣлать максимумъ возможныхъ за такой срокъ непоправимыхъ ошибокъ и промаховъ... Но это неудачное избраніе Луллье является только характернымъ признакомъ всей ситуаціи (Дюбрель „Коммуна“, стр. 283).

Только 3 апрѣля было рѣшено предпринять наступленіе на Версаль. Но то, что привело бы 19 марта несомнѣнно къ успѣху, явилось причиной гибели 3 апрѣля. Надежда, что солдаты снова перейдутъ, какъ это имѣло мѣсто 18 марта, на сторону парижанъ, совершенно не оправдалась. Парижская національная гвардія натолкнулась на упорное, хорошо организованное сопротивление, отбросившее ее назадъ. Она вынуждена была ограничиться обороной, обороной противъ цѣлой Франціи. Это рѣшило ея судьбу. Съ этого времени парижское возстаніе приняло исключительно пролетарскій характеръ. До этого момента широкіе круги буржуазіи были готовы примкнуть къ возстанію. Но теперь они предоставили всецѣло пролетаріату вынести борьбу на собственныхъ плечахъ.

Совершенно иначе, чѣмъ 18 марта 1871 г. въ Парижѣ, происходило возстаніе 7 ноября 1917 г. въ Петроградѣ. Оно было подготовлено революціоннымъ комитетомъ, огра-

низовавшимъ рабочихъ и солдатъ для натиска на правительство, которое, какъ и Тьеръ въ 1871 г. въ Парижѣ, не имѣло за собой никакой власти.

Правда, одно только занятіе всѣхъ правительственныхъ учреждений въ столицѣ не обезпечило бы за большевиками побѣды, еслибы у нихъ не было болѣе сильной опоры въ государствѣ, чѣмъ въ 1871 г. у Парижа.

Когда Керенскій бѣжалъ въ Гатчину, какъ Тьеръ нѣкогда въ Версаль, онъ не могъ рассчитывать на поддержку крестьянства. Крестьянство, а вмѣстѣ съ нимъ и армія перешли въ Россіи на сторону революціонеровъ, завладѣвшихъ столицей. Это придало ихъ режиму силу и прочность, которыя не были удѣломъ парижскаго возстанія. Но съ другой стороны это навязало русскому движенію экономически-реакціонный элементъ, отъ котораго парижская Коммуна была избавлена. Ея диктатура пролетаріата никогда не опиралась на крестьянскіе совѣты.

б) Рабочіе Совѣты и Центральный Комитетъ.

Парижская Коммуна и Совѣтская Республика глубоко разнились по своимъ исходнымъ положеніямъ, не менѣе того по своимъ и органамъ и методамъ.

Правда, и въ парижской Коммунѣ была организація, аналогичная до нѣкоторой степени съ Совѣтомъ Рабочихъ Солдатскихъ Депутатовъ. Онѣ обѣ находились въ одинаковомъ положеніи въ томъ отношеніи, что, какъ Коммуна, такъ и русская революція утвердились непосредственно послѣ деспотическаго режима, не допускавшаго массовыхъ политическихъ организацій и разрѣшившаго существованіе профессиональных союзовъ только наканунѣ своего крушенія.

Какъ русскіе рабочіе въ 1905 и въ 1917 г., такъ и французскіе рабочіе послѣ 4 сентября 1870 г. не обладали крупными политическими и профессиональными организаціями, вокругъ которыхъ они могли бы сплотиться для рѣшительной борьбы. Это вѣдь было, какъ мы видѣли,

одной изъ причинъ, заставлявшихъ Маркса желать въ интересахъ рабочихъ, чтобы они использовали завоеванія республики въ первую очередь для сплоченія и организаціи своихъ силъ, а не для распыленія ихъ въ различнаго рода возстаніяхъ, которыя даже въ лучшемъ случаѣ не могли обезпечить за ними прочнаго господства.

Но когда они все же пришли къ власти — не путемъ заговора, а по навязанной имъ пробѣ силъ, — они вынуждены были задуматься о возмѣщеніи недостатка въ политической и профессиональной организаціи.

Для русскихъ рабочихъ такое возмѣщеніе было дано въ организаціи крупныхъ предпріятій:

Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патріархальнаго ремесленника въ крупную фабрику промышленнаго капиталиста. Рабочія массы, концентрирующіяся въ фабрикахъ, организуются на военный ладъ. Онѣ, какъ рядовые солдаты промышленности, ставятся подъ контроль цѣлой іерархіи унтеръ-офицеровъ и офицеровъ (Энгельсъ - Марксъ „Коммунистическій манифестъ“).

„Рядовымъ солдатамъ“ промышленности достаточно было замѣнить поставленныхъ капиталистами унтеръ-офицеровъ и офицеровъ лицами по собственному выбору, и фабричная организація превращалась въ классовую организацію фабричныхъ рабочихъ. Такимъ путемъ русскіе рабочіе установили рабочіе совѣты. Они представляютъ собой по отношенію къ партійнымъ и профессиональнымъ организаціямъ въ болѣе высоко развитыхъ странахъ не высшую форму пролетарской организаціи, а лишь временный выходъ, обусловленный отсутствіемъ этихъ организацій.

Но у парижскихъ рабочихъ не было даже этого временнаго выхода. Парижская промышленность не была еще къ тому времени массовой. Еще въ періодъ второй Коммуны въ ней преобладала „маленькая мастерская патріархальнаго ремесленника“, между тѣмъ, какъ „крупная фабрика промышленнаго капиталиста“ почти совершенно отсутствовала, въ противоположность къ промышленности Россіи, въ особенности Петрограда.

Экономическая отсталость Россіи выражается въ недостаточно широкомъ развитіи промышленности, въ незначительномъ количествѣ фабричныхъ рабочихъ по сравненію съ крестьянскимъ населеніемъ. Но уже имѣющаяся капиталистическая промышленность Россіи, построена по новѣйшему типу крупнаго производства.

Парижскіе рабочіе вынуждены были искать иной замѣны отсутствовавшей политической и экономической массовой организаціи, и они нашли ее въ Національной гвардіи.

Революція 1879 г. привела къ тому, что во всей Франціи, а въ особенности въ Парижѣ, народъ вооружался. Это вооруженіе служило двойнымъ цѣлямъ.

Низшіе классы, рабочіе и неимущіе слои мелкой буржуазіи, организовались и вооружались для возстаній. Революція не дала имъ того, въ чемъ они нуждались, и въ силу господствовавшихъ условій не могла имъ дать. Отсюда вытекало ихъ упорное стремленіе толкать впередъ революцію путемъ вооруженнаго возстанія.

Въ иномъ положеніи находилась буржуазія, капиталисты, имущіе слои мелкой буржуазіи и болѣе или менѣе состоятельная интеллигенція. Имъ революція 1789 г. дала все необходимое; они организовывались и вооружались во имя защиты завоеваннаго на два фронта: противъ реакціонныхъ силъ, пытавшихся возстановить прежній феодальный абсолютизмъ, и противъ низшихъ классовъ, стремившихся нетерпѣливо впередъ. Ихъ вооруженной организаціей являлась Національная гвардія.

Буржуазія оказалась побѣдительницей въ этой революціонной борьбѣ, и вмѣстѣ съ ней утвердилась организація Національной гвардіи въ качествѣ оплота имущихъ классовъ, сама назначавшая своихъ офицеровъ и занимавшая по отношенію къ правительству до нѣкоторой степени независимое положеніе.

Значительнѣе всего была ея роль въ періодъ іюльскаго королевства отъ 1830 — 1848 г. Но она не была

въ состояніи спасти его и уже въ 1848 г. она оказалась весьма неустойчивой. Наполеонъ III послѣ переворота лишилъ ее ея прежней самостоятельности, главнымъ образомъ, права выбирать офицеровъ. Но онъ не рѣшился совершенно упразднить ее.

Наступила война 1870 года и начались пораженія. Снова отечество оказалось въ опасности, снова проснулся духъ 1793 года и традиціи побѣдоносной борьбы со всей Европой, которая прошла подъ лозунгомъ „levée en masse“, вооруженнаго возстанія всего народа.

Подъ давленіемъ обстоятельствъ, законодательный органъ въ Парижѣ принялъ 11 августа по предложенію Жюля Фавра законъ, въ силу котораго Національная гвардія изъ организаціи буржуазной обороны была реорганизована во всенародную милицію. Къ 60 батальонамъ парижской Національной гвардіи, вышедшихъ изъ рядовъ имущихъ классовъ, присоединились еще 200 новыхъ изъ низшихъ классовъ, получившихъ даже право самостоятельно выбирать своихъ офицеровъ.

Такимъ образомъ, новые батальоны Національной гвардіи стали истинно пролетарскими организаціями.

Законъ о расширеніи Національной гвардіи явился результатомъ внезапнаго страха, а не зрѣлаго размышленія. Творцы закона стали очень быстро испытывать трепеть передъ собственнымъ дѣтищемъ, и они были готовы приложить всѣ усилія, чтобы не дать ему окрѣпнуть. Невозможно было препятствовать тому, чтобы парижскій пролетаріатъ вооружался, но военныя власти сознательно не принимали никакихъ мѣръ для превращенія Національной гвардіи въ боеспособную армію.

Этимъ они предавали свое отечество, но парижскихъ рабочихъ они боялись больше, чѣмъ солдатъ Вильгельма.

Въ Парижѣ, къ началу осады, было 100.000 линейныхъ солдатъ и 100.000 мобилизованныхъ.

Если предположить, что изъ общаго числа Національной гвардіи въ 300.000 человекъ 200.000 были пригодны

къ полевой службѣ, то это составило бы армію въ 400.000 человекъ. Нѣмцы же, осаждавшіе Парижъ, могли противопоставить только армію немногимъ больше половины этой, причемъ она была растянута на очень большой участокъ.

Времени было также достаточно — съ августа — для обученія Національной гвардіи.

Комендантъ Парижа имѣлъ такимъ образомъ по сравненію съ нѣмцами большой перевѣсъ. Если бы ему удалось прорвать въ какомъ-нибудь мѣстѣ желѣзное кольцо, окружавшее Парижъ, тогда нѣмецкая армія имѣла бы очень мало шансовъ выиграть войну.

Все это было возможно только въ томъ случаѣ, еслибы своевременно было приступлено къ обученію Національной гвардіи. Но этого именно и боялись. Лучше было потерять войну и уступить противнику Эльзасъ-Лотарингію.

Парижане догадывались объ этомъ, и поэтому все болѣе возрастала ихъ ненависть къ властямъ, предававшимъ Францію.

Послѣ капитуляціи Парижа и созыва Національнаго Собранія, проявлявшаго провоцирующимъ образомъ свою ненависть къ республикѣ и Парижу, парижане поняли, что они идутъ навстрѣчу тяжелому конфликту. Единственная власть, на которую они могли опираться, была Національная гвардія.

Революціонные отряды уже во время осады находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ между собой. Они объединились теперь въ союзъ, въ такъ называемую „федерацию“.

15 февраля делегаты революціонныхъ батальоновъ собрались для обсужденія вопроса о федераціи. Они выбрали комиссію для выработки устава, предложеннаго затѣмъ на собраніи 24 февраля. Но настроеніе собравшихся было слишкомъ возбуждено — въ виду неожиданнаго вступленія нѣмцевъ — и засѣданіе было прервано, чтобы дать

собравшимся возможность участвовать на революціонной демонстраціи на площади Бастиліи.

Въ послѣдующіе дни былъ выбранъ временный Центральный Комитетъ Національной гвардіи, что было необходимо, въ виду ожидавшагося вступленія нѣмцевъ въ Парижъ, во избѣжаніе эксцессовъ. Вопросъ объ организаціи былъ рѣшенъ только на собраніи делегатовъ, состоявшемся 3 марта. Было рѣшено образовать Центральный Комитетъ Національной гвардіи, куда должны были войти по 3 представителя отъ cadaго изъ 20 округовъ Парижа. Двое изъ этихъ представителей выбирались совѣтомъ легіона, третій — батальоннымъ шефомъ легіона. 15 марта вновь избранныя лица вошли въ Центральный Комитетъ и распустили существовавшій до этого временный комитетъ.

Въ виду того, что Центральный Комитетъ былъ избранъ Національной гвардіей, его смѣло можно назвать совѣтомъ солдатскихъ депутатовъ. Но онъ былъ избранъ пролетаріатомъ и стоявшей близко къ пролетаріату Національной гвардіей, ибо батальоны имущихъ классовъ не принимали участія въ выборахъ. По свѣдѣніямъ Центрального Комитета, онъ 18 марта имѣлъ за собой 215 батальоновъ изъ общаго числа 260.

Такимъ образомъ онъ представлялъ собой также нѣчто вродѣ совѣта рабочихъ депутатовъ. Его можно, поэтому также смѣло сравнить съ Исполнительнымъ Комитетомъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Тѣмъ не менѣе французская коммуна не стала совѣтской республикой.

Когда 18 марта правительство обратилось въ бѣгство, оставивъ страну безъ власти, послѣдняя должна была неизбежно перейти въ руки Центрального Комитета. Это была единственная организація въ Парижѣ, которая еще пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, хотя всѣ ея члены были совершенно неизвѣстными лицами.

19 марта состоялось засѣданіе Центрального Комитета для обсужденія вопроса о ближайшихъ шагахъ. Какъ это

нерѣдко бываетъ, и въ данномъ случаѣ вопросъ также формулировался въ видѣ дилеммы: „или — или“, вмѣсто твердаго единства: „какъ одно, такъ и другое“. Такъ на-примѣръ социалисты часто спорили по поводу вопроса: реформы или революція, вмѣсто того, чтобы сойтись на томъ, что борьба за реформы и стремленіе къ революціи должны вестись такимъ образомъ, чтобы одно движеніе не только не исключало другое, а наоборотъ поддерживало его.

19 марта часть Центр. Ком. требовала, чтобы немедленно двинулись къ Версалу, другіе же требовали, чтобы обратились съ воззваніемъ къ избирателямъ, третьи же настаивали на необходимости примѣненія революціонныхъ мѣръ.

Какъ будто всѣ эти шаги не были одинаково необходимы, и одинъ изъ нихъ исключалъ другой. Центральный Комитетъ рѣшился только на одинъ изъ этихъ шаговъ, который казался ему наиболѣе необходимымъ: онъ хотѣлъ доказать, что въ пользу возстанія высказывается большинство избирателей, что могло въ значительной степени поднять его моральный престижъ. Это была совершенно правильная мысль, но моральный авторитетъ всеобщаго голосованія въ противовѣсъ солдатскимъ штыкамъ, на которые опирались противники, необходимо было подкрѣпить при помощи военной силы.

Немедленные выборы коммунальнаго управленія для Парижа, на основаніи всеобщаго голосованія, отнятаго у парижанъ въ періодъ имперіи, стали, правда, неотложнымъ дѣломъ. Немедленно послѣ крушенія имперіи, въ сентябрѣ 1870 г. парижскіе рабочіе вынудили у временнаго правительства обѣщаніе, что въ ближайшее время состоятся выборы въ коммуну. Невыполненіе этого обѣщанія со стороны правительства еще болѣе усиливало возбужденіе парижанъ во время осады. Возстанія 31 октября и 22 января протекали подъ лозунгомъ: „Да здравствуетъ коммуна!“

Необходимо было, поэтому, немедленно назначить сроки выборовъ. Они были назначены на 22 марта, а потомъ на

26 марта. Центр. Комитетъ считалъ себя только временнымъ замѣстителемъ представителей народа, которые должны были быть избраны всеобщимъ и равнымъ голосованіемъ.

Въ „Journal Officiel de la Republique Française sous la Commune“ отъ 20 марта онъ обратился къ населенію съ слѣдующими словами:

Черезъ три дня вамъ придется выбирать, при соблюденіи полной свободы, своихъ представителей въ парижское коммунальное управленіе. Тогда тѣ, кого только крайняя необходимость заставила взять власть въ свои руки, сдадутъ свои временныя полномочія избранныкамъ народа.

Это обѣщаніе было выполнено. Послѣ того, какъ коммуна конституировалась, Центральный Комитетъ передалъ ей 28 марта свою власть. Онъ даже выразилъ какъ бы готовность распустить себя. Но коммуна не настаивала на этомъ, и онъ продолжалъ функционировать при коммуны, какъ часть ея военного аппарата. Это не способствовало облегченію ситуации и болѣе успѣшному веденію войны. Но Центральный Комитетъ никогда не пытался нарушить принципъ, что верховная власть принадлежитъ избранныкамъ народа. Онъ никогда не выставлялъ требованія, что вся власть должна принадлежать совѣтамъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, т. е. въ данномъ случаѣ Центральному Комитету рабочихъ батальоновъ.

Въ этомъ пунктѣ парижская коммуна была полной противоположностью русской совѣтской республикѣ.

Тѣмъ не менѣе Фридрихъ Энгельсъ писалъ 18 марта 1891 г., въ двадцатую годовщину парижской коммуны:

Вы хотите знать, господа, что такое диктатура пролетаріата? Посмотрите на парижскую коммуны. Тамъ была диктатура пролетаріата.

Изъ этого видно, что Марксъ и Энгельсъ не подразумѣвали подъ этой диктатурой отміну всеобщаго, прямого избирательнаго права или демократіи въ цѣломъ.

е) *Якобинцы въ Коммунѣ.*

26 марта были избраны 90 членовъ Коммуны, среди нихъ 15 членовъ правительственной и 6 буржуазно-ради-

кальной партіи, находившейся въ оппозиціи къ правительству и относившейся отрицательно къ идеѣ вооруженнаго возстанія. Совѣтская республика никогда бы не допустила, чтобы подобные контръ-революціонные элементы могли выставить свою кандидатуру, не говоря уже о самыхъ выборахъ. Коммуна не чинила, исходя изъ чувства уваженія къ идеѣ демократіи, ни малѣйшихъ препятствій своимъ буржуазнымъ противникамъ на выборахъ.

Если дѣятельность послѣднихъ въ Коммунѣ въ скоромъ времени прекратилась, то это случилось исключительно по ихъ собственной винѣ. Общество, въ которое они попали, не было имъ по душѣ, и они поспѣшили удалиться. Нѣкоторые ушли еще до перваго засѣданія Коммуны, а другіе — въ первые дни послѣ ея созыва. Ихъ уходъ, а также наличность нѣсколькихъ двойныхъ мандатовъ вызвали необходимость дополнительныхъ выборовъ, которые состоялись 16 апрѣля.

Преобладающее большинство членовъ Коммуны высказывалось въ пользу вооруженнаго возстанія. Но среди революціонныхъ членовъ Коммуны далеко не всѣ были социалистами.

Большинство состояло изъ обыкновенныхъ революціонеровъ, руководствовавшихся принципами 1793 г. и якобинскими традиціями. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали еще въ 1848 году къ партіи, образовавшейся въ подражаніе партіи монтаньяровъ, какъ на примѣръ, Делеклюзъ и Піа, другіе же, благодаря участію въ политической борьбѣ, лишились своего положенія и заработка и стали профессиональными заговорщиками и революціонерами. Болѣе пожилые среди нихъ были совершенно охвачены традиціями прошлаго и не проявляли никакого интереса къ новымъ условіямъ и новымъ взглядамъ.

Другіе, болѣе молодые, были нерѣдко деспотическими людьми безъ твердыхъ принциповъ, громкихъ фразъ, игравшими теперь въ „вооруженное возстаніе“, какъ они прежде

играли въ „войну“, и вполне ограничивались громкими словами. Революціонность тѣхъ и другихъ была направлена на чисто внѣшнія проявленія, была поверхностной, и даже у лучшихъ изъ нихъ ограничивались только революціоннымъ образомъ мысли.

Такой приговоръ произноситъ надъ ними добрый революціонеръ Дюбрейль („La Commune“, стр. 332).

Большинство изъ нихъ не имѣло никакого понятія о социализмѣ, другіе относились къ нему прямо враждебно. Ихъ нельзя назвать буржуазными политиками въ смыслѣ защиты интересовъ имущихъ классовъ. Напротивъ. Они всецѣло стояли на сторонѣ низшихъ классовъ, и такъ же добивались господства послѣднихъ, какъ монтаньяры въ 1793 г. Но они, какъ и монтаньяры, не были способны выйти изъ круга буржуазныхъ понятій о правѣ и собственности, и составляли поэтому до нѣкоторой степени буржуазный элементъ.

Эти элементы преобладали среди революціонныхъ членовъ Коммуны. Рабочихъ среди нихъ было мало, но зато можно было найти отставныхъ чиновниковъ, аптекарей, изобрѣтателей, адвокатовъ, а главнымъ образомъ журналистовъ.

Бланкисты во многомъ отличались отъ якобинцевъ. Ихъ было въ Коммунѣ вмѣстѣ съ Бланки, который однако не имѣлъ возможности участвовать въ ней, 7 человекъ. Насколько для бланкистовъ явилось неожиданнымъ вооруженное возстаніе 18 марта, видно изъ того, что Бланки незадолго до этого дня покинулъ Парижъ для возстановленія своего здоровья. 17 марта онъ былъ арестованъ въ Фижакъ (въ департаментѣ Ло).

Бланкисты сходились съ якобинцами въ стремленіи путемъ вооруженнаго возстанія низшихъ классовъ господствовать надъ Парижемъ и черезъ него надъ всей Франціей при помощи методовъ и средствъ насилія. Но они, въ отличіе отъ якобинцевъ, пришли къ сознанію, что это господство еще недостаточно для освобожденія эксплуатируемыхъ, если при помощи него не будетъ созданъ новый

общественный порядокъ. Они, значить, были социалистами. Но у нихъ политическій интересъ всегда преобладалъ надъ экономическимъ. Они не изучали экономической жизни, не стремились приобрѣсти систематическихъ познаній въ этой области, что давала имъ возможность пользоваться столь удобной и часто повторяемой послѣ нихъ оговоркой невѣжественныхъ людей, что они не желаютъ подчиниться какому-бы то ни было „догмату“. Они не желали „запутаться“ въ „предразсудкахъ“ и „школьной премудрости“. Когда пролетаріатъ придетъ къ власти, онъ уже будетъ знать, что ему необходимо дѣлать, — лишь бы только достигнуть власти. И средство къ этой цѣли они видѣли въ подготовлявшемся вооруженномъ возстаніи.

Но имъ не везло, такъ какъ организованныя ими вооруженныя возстанія терпѣли неудачу одно за другимъ. А единственное удавшееся возстаніе застигло ихъ врасплохъ.

Бланкистское ученіе не ставило особенно высокихъ требованій въ области мышленія, оно рекомендовало главнымъ образомъ путь немедленныхъ активныхъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе оно среди интеллигенціи, въ особенности среди студентовъ, встрѣчало болѣе сочувствія, чѣмъ среди рабочихъ.

О составѣ бланкистской партіи того времени можно судить по слѣдующему факту. 7 ноября 1866 г. въ одномъ парижскомъ кафѣ состоялось тайное засѣданіе бланкистской группы. Явившаяся туда тайная полиція арестовала участниковъ. Среди 41 арестованныхъ было 14 рабочихъ, 4 служащихъ въ торговыхъ предпріятіяхъ, 13 студентовъ, 6 писателей, 1 адвокатъ, 1 ремесленникъ, 1 рантье и 1 купецъ. Чисто студентовъ было бы еще больше, если бы часть ихъ не разъѣхалась изъ Парижа въ виду каникулъ.

Это собраніе весьма характерно для бланкизма не только въ виду его состава, но и по его цѣли.

Въ сентябрѣ 1866 состоялся въ Женевѣ международный конгрессъ, на который были приглашены также и

бланкисты. Бланки запретилъ участіе на немъ; но двое изъ избранныхъ делегатовъ, адвокатъ Прото и служащій Амберъ, все же отправились туда. Это вызвало большое возбужденіе въ бланкистскомъ лагерѣ. Ибо къ его традиціямъ относилась не только диктатура пролетаріата, но и диктатура его вождей. Оба рода диктатуры были въ дѣйствительности тѣсно связаны между собой. Впервые за существованіе бланкистской организаціи члены ея поступили на перекоръ приказу главы партіи. До этого случая и послѣ него въ партіи господствовало слѣпое повиновеніе. 7 ноября было созвано засѣданіе для обсужденія поступка Прото. Но оно было прервано полиціей еще до выясненія окончательнаго результата; нѣкоторымъ изъ участниковъ удалось скрыться, между прочимъ, также и Прото, другіе, какъ мы знаемъ, были арестованы (См. Ch. Da Costa, „Les Blanquistes“, Paris, 1912, стр. 17—22).

Среди бланкистовъ Коммуны мы находимъ того же Прото и двухъ изъ числа арестованныхъ 7 ноября, адвоката Тридона и студента Рауля Ригоя. Изъ числа другихъ представителей Бланки былъ юристомъ и медикомъ — онъ изучалъ то и другое — Эдъ — аптекаремъ, а Феррэ — счетоводомъ.

Во всей бланкистской фракціи мы видимъ только одного рабочаго, котельщика Шардона.

Среди избранныхъ въ Коммуну членовъ Интернаціонала двое находились въ сношеніяхъ съ бланкистами: литейщикъ Дюваль и студентъ Вальянъ.

Изъ этого опредѣленно видно, насколько среди бланкистовъ преобладала интеллигенція.

Въ самой Коммунѣ якобинцы и бланкисты не проявляли почти никакого интереса къ экономическимъ вопросамъ. Война съ Версалемъ, съ полиціей въ Парижѣ, борьба съ церковью — этимъ задачамъ они всецѣло удѣляли свое вниманіе. И даже войну съ церковью они вели какъ военную — съ Версалемъ и полицейскую съ его

союзниками въ Парижѣ — при помощи методовъ насилія, какъ надъ людьми, такъ и надъ способами выраженія.

г) *Интернаціоналисты въ Коммунѣ.*

Третью группу въ Коммунѣ составляли 17 членовъ Интернаціонала, преимущественно прудонисты.

Прудонизмъ стоялъ въ рѣзкомъ противорѣчій къ бланкизму и якобинству. Режимъ террора въ 1793 является для него не образцомъ, достойнымъ подражанія, а скорѣй устрашающимъ примѣромъ. Онъ ясно сознавалъ слабыя стороны этого режима и неизбежность его крушенія. Онъ понималъ, что завоеваніе политической власти пролетаріатомъ само по себѣ не мѣняетъ еще его классоваго положенія и не устраняетъ эксплуатаціи его, и что послѣднее можетъ быть достигнуто экономическимъ переворотомъ. Все это внушало прудонистамъ недовѣріе къ бланкистскимъ методамъ возстанія и террора, но не въ меньшей степени также и къ идеѣ демократіи. Въ февральской революціи 1848 г. парижскій пролетаріатъ завоевывалъ себѣ политическія права, но что онъ выигралъ благодаря этому?

Прудонизмъ былъ проникнутъ глубокимъ недовѣріемъ къ политической освободительной борьбѣ пролетаріата, къ его участию въ политикѣ.

Нынѣ снова возникли подобные взгляды, которые преподносятся намъ, какъ новѣйшее достояніе социалистической мысли, какъ результаты практическаго опыта, которыхъ Марксъ не зналъ и не могъ знать. Въ сущности же это — новыя варіаціи на старыя мысли, извѣстныя еще полвѣка тому назадъ, и тогда уже Марксъ боролся противъ нихъ съ полнымъ успѣхомъ.

Но въ совершенномъ ходѣ мысли, правда, наблюдается нѣкоторое отступленіе.

Но отъ этого эти взгляды не стали болѣе правильными. Прудонъ указалъ на непригодность политики, въ дѣлѣ для освобожденія пролетаріата, которое можетъ

явиться только въ результатѣ экономическаго переворота. Нынѣ же проповѣдуется непригодность демократіи, неспособный якобы освободить пролетаріатъ, пока онъ томится въ цѣпяхъ капитализма.

Но если экономическое освобожденіе должно предшествовать политическому, тогда по законамъ логики всякая политическая дѣятельность пролетаріата становится излишней, какого бы рода она ни была.

Въ то время какъ бланкизмъ весьма односторонне проповѣдовалъ политическую борьбу противъ существующей власти, прудонизмъ не менѣе односторонне изыскивалъ средства, при помощи которыхъ пролетаріатъ могъ бы освободиться собственными силами отъ экономическаго гнета, безъ содѣйствія государственной власти.

Поэтому бланкисты обвиняли прудонизмъ въ томъ, что онъ обезсиливаетъ пролетаріатъ, что онъ удерживаетъ его отъ достигшей въ то время полного расцвѣта борьбы противъ второй Имперіи. Марксъ же обвинялъ Прудона въ томъ, что

онъ кокетничалъ съ Луи Бонапартомъ, стараясь примирить съ нимъ рабочихъ (въ послѣсловіи Маркса въ январѣ 1865 г., перепечатанномъ въ нѣмецкомъ изданіи „Нищета философіи“, 2 изд., стр. 32).

Но зато у прудонистовъ, въ виду того, что для нихъ экономической моментъ являлся руководящимъ, было сильнѣе, чѣмъ у бланкистовъ, развито сознаніе классоваго противорѣчія между пролетаріатомъ и буржуазіей и убѣжденіе, что пролетаріатъ долженъ освободиться собственными силами. Если бланкисты составляли въ значительной степени студенческую партію, то прудонисты при второй имперіи представляли собой единственную рабочую партію во Франціи.

Когда въ шестидесятыхъ годахъ рабочее движеніе стало просыпаться отъ мертваго сна, въ который его погрузила реакція, наступившая послѣ 1848 г., и когда образовался рабочій Интернаціональ, то во Франціи прим-

кнули къ нему прудонисты — достаточный поводъ для Бланки, какъ мы видѣли, запретить своимъ сторонникамъ вхожденіе въ Интернаціональ.

Въ Интернаціоналѣ они познакомились съ новой практикой и новой теоріей, которыя помогли имъ отрѣшиться отъ односторонняго прудонизма, тѣмъ болѣе что родоначальникъ его умеръ ко времени основанія Интернаціонала (19 января 1865 г.).

Прудонъ хотѣлъ создать исключительно экономическое рабочее движеніе, безъ всякой политики. Но подобное движеніе заранѣе должно было отказаться отъ всякой борьбы, которая привела бы къ конфликту съ государственной властью. Оно ставило своей цѣлью освобожденіе пролетаріата путемъ мирныхъ средствъ: кооперативовъ, товариществъ, кассъ взаимопомощи. Такія цѣли были вполне понятны въ Парижѣ, гдѣ промышленность, какъ мы уже указали выше, не носила еще крупно-капиталистическаго характера, гдѣ капиталистъ-эксплоататоръ представлялся рабочимъ скорѣе въ видѣ денежнаго капиталиста, берущаго проценты, и купца, продающаго изготовляемые рабочими продукты, чѣмъ капиталиста-предпринимателя.

Въ Интернаціоналѣ французскіе прудонисты ознакомились съ англійскимъ промышленнымъ крупнымъ капитализмомъ и рабочимъ движеніемъ, соотвѣтствовавшимъ его духу и главное значеніе отводившимъ боевымъ экономическимъ организаціямъ, профессиональнымъ союзамъ, забастовкамъ, о которыхъ Прудонъ и слышать не хотѣлъ.

Въ основѣ этой практики лежала теорія, покоившаяся на глубокомъ знаніи общественныхъ законовъ и общественной жизни, — теорія, еще мало извѣстная большинству членовъ Интернаціонала. Тѣ же, кто были знакомы съ ней, не всегда правильно понимали ее. Несмотря на это, вся дѣятельность Интернаціонала была проникнута духомъ творца этой идеи, превосходства котораго нельзя было не признать.

Теорія Маркса преодолѣла односторонность прудонизма и бланкизма. Вмѣстѣ съ прудонизмомъ она признавала, что экономическія условія являются основными, и что безъ коренного измѣненія ихъ никакая перемѣна въ политической власти, какой бы она ни была, не въ состояніи освободить пролетаріатъ. Но съ другой стороны, Марксъ признавалъ необходимость завоеванія государственной власти, чтобы сломить господство капитала и произвести необходимыя въ интересахъ освобожденія пролетаріата измѣненія экономическихъ условій.

Основное значеніе экономического фактора носило у Маркса совершенно иной характеръ, чѣмъ у Прудона. Экономика дѣлала, по его мнѣнію, политику не излишней, а необходимой; отъ нея зависѣлъ характеръ и результатъ политической борьбы и ея воздѣйствія на экономическую жизнь. Экономическія же условія находятся въ процессѣ непрерывнаго развитія, который, въ качествѣ политическаго результата, сегодня дѣлаетъ возможнымъ, а завтра неизбѣжнымъ то, что вчера еще было невозможнымъ.

Изученіе экономическихъ условій и тенденцій и установленіе въ зависимости отъ нихъ политическихъ цѣлей и методовъ — въ этомъ выражались, по Марксу, отношенія между экономикой и политикой. Бланкисты же и прудонисты совершенно игнорировали данное историческое пониманіе. Они представляли себѣ свои задачи не въ томъ, чтобы въ каждой данной ситуациі въ зависимости отъ экономическихъ условій рѣшать, что возможно и необходимо, а въ томъ, чтобы найти путь, который при всѣхъ обстоятельствахъ, при всѣхъ экономическихъ и историческихъ условіяхъ далъ бы желательный имъ результатъ. Если социалисты нашли подходящій путь, то они въ состояніи провести социализмъ въ жизнь.

Намъ казалось, что мы преодолѣли эти взгляды при помощи марксизма. Но нынѣ они снова воскресли. Снова ни въ Москвѣ, ни въ Будапештѣ не ставятъ себѣ вопроса, какая политика при данныхъ экономическихъ усло-

віяхъ возможна и необходима, а исходятъ изъ того взгляда, что въ виду того, что соціализмъ желателенъ пролетаріату немедленно, то соціалисты обязаны вездѣ, гдѣ они находятся у власти, проводить немедленно соціализмъ. Ихъ задача заключается не въ изслѣдованіи степени возможности его, а въ нахожденіи универсальнаго средства, которое при всѣхъ обстоятельствахъ порождало бы соціализмъ. Разрѣшеніе вопроса видятъ въ провозглашеніи диктатуры на основаніи совѣтской системы. Во Франціи, при второй имперіи, бланкисты полагали, что возстанія, а прудонисты, что кассы взаимопомощи являются такимъ философскимъ камнемъ.

Теорія Маркса была правильно усвоена только немногими. Она требовала усиленнаго напряженія мысли и слишкомъ большого подчиненія личныхъ желаній и потребностей объективнымъ условіямъ. Но почти всегда Марксу и Энгельсу удавалось осуществлять казавшіяся имъ необходимыми средства, пути и цѣли, такъ какъ логика вещей говорила въ пользу нихъ.

Итакъ, среди французскихъ интернаціоналистовъ марксистская мысль также постепенно вытѣсняла прудонистскую.

Какъ только во Франціи снова ожило рабочее движеніе, стали неизбѣжными профессиональные союзы и забастовки. Имперское правительство пыталось направить это движеніе въ законное, неполитическое русло и разрѣшило въ 1864 г. — въ годъ основанія Интернаціонала — образованіе профессиональных союзовъ и проведеніе забастовокъ. Прудонисты, какъ члены Интернаціонала, не только были вынуждены принимать участіе во вновь ожившемъ рабочемъ движеніи, — но обстоятельства принудили ихъ, какъ вѣрнѣйшихъ представителей экономическихъ интересовъ рабочаго класса, стать во главѣ организацій и движенія въ цѣломъ. Это неизбѣжно должно было привести ихъ къ конфликту съ государственной властью. Такимъ образомъ они вступили на путь политической борьбы, борьбы противъ имперіи.

При этихъ условіяхъ прудонистскій образъ мышленія французскихъ интернаціоналистовъ все болѣе проникался марксистскими идеалами. Но къ моменту возстанія Коммуны среди прудонистовъ не было никого, кого можно было назвать марксистомъ. Они потеряли свою прежнюю прудонистскую основу, но не приобрѣли еще новой, прочной почвы подъ ногами. Ихъ взгляды были весьма туманными. Но они все-таки были единственными членами Коммуны, наиболѣе обстоятельно изслѣдовавшими экономическую жизнь и лучше другихъ ознакомившимися съ ея потребностями.

Они въ сущности были единственными представителями рабочихъ въ Коммунѣ. Лиссагарэ говоритъ по этому поводу:

Коммуну называютъ правительствомъ рабочаго класса. Это — большая ошибка.

Рабочій классъ принималъ участіе въ борьбѣ, въ администраціи, это движеніе было создано имъ и проникнуто его духомъ, но въ правительствѣ онъ почти совсѣмъ не участвовалъ... Голосованіе 26 марта дало на 70 революціонныхъ выборахъ только 25 рабочихъ... („Исторія Коммуны“, 2 изданіе, стр. 145).

Но среди этихъ 25 большинство въ 13 чел. принадлежало къ Интернаціоналу, который насчитывалъ всего 17 представителей въ Коммунѣ. Среди интернаціоналистовъ только четверо не были рабочими, причемъ одинъ изъ нихъ — студентъ Вальянъ — былъ склоненъ къ бланкизму. Среди этихъ 13 интернаціоналистовъ-рабочихъ мы находимъ наиболѣе выдающихся дѣятелей Коммуны: переплетчика Варлена, гравера Тейса, красильщика Малона, ювелира Франкеля.

Согласно позиціи своей партіи, они удѣлили главный интересъ дѣлу мира, коммунальному управленію и экономическимъ реформамъ, предоставивъ веденіе войны, полицію и дѣла, связанныя съ насиліемъ, якобинцамъ и бланкистамъ. Только одинъ изъ нихъ — литейщикъ Дюваль — проявлялъ воинственный духъ, но онъ такъ же,

какъ и Вальянъ, былъ склоненъ къ бланкизму. Будучи однимъ изъ командующихъ при выступленіи 3 апрѣля, онъ былъ арестованъ и разстрѣлянъ по приказу генерала Винуа. Дюваль былъ однимъ изъ первыхъ мучениковъ Коммуны.

Его товарищи по Интернаціоналу проявляли свою дѣятельность почти исключительно въ экономической области и оказались выдающимися работниками, въ особенности Тейсъ въ качествѣ завѣдующаго почтовымъ вѣдомствомъ, Варлэнъ и Авріаль — въ интендантурѣ — несмотря на крупныя затрудненія, возникшія благодаря тому, что высшее чиновничество покинуло Парижъ или ушло изъ своихъ вѣдомствъ, и рабочимъ пришлось взять на себя руководящую роль на совершенно чуждыхъ имъ поприщахъ. Наряду съ интернаціоналистами-членами Коммуны такую же успѣшную дѣятельность проявляли и другіе члены парижскаго Интернаціонала, такъ напримѣръ рабочій по металлу Комелинатъ, взявшій на себя въ апрѣлѣ монетное вѣдомство, и за нѣсколько недѣль всего успѣвшій ввести тамъ реформы, которыя были сохранены также послѣ паденія Коммуны. Одинъ изъ первыхъ шаговъ Коммуны заключался въ томъ, что исполнительная власть по отдѣльнымъ областямъ была вручена не министрамъ, а комиссіямъ. Комиссіи труда, промышленности и обмѣна, т. е. тѣ комиссіи, которыя олицетворяли собой соціалистическую сторону Коммуны, состояли изъ интернаціоналистовъ Малона, Франкеля, Тейса, Дюпона (плетельщика корзинъ), Авріалья (механика), Жерардена и единственнаго якобинца Пюге, профессія котораго нигдѣ не указана.

Среди пяти членовъ финансовой комиссіи трое принадлежали къ Интернаціоналу: красильщикъ Викторъ Клементъ, Варлэнъ и состоятельный филантропъ Безлэ, одинъ изъ немногихъ представителей буржуазнаго класса въ Интернаціоналѣ. Далѣе — якобинецъ Режеръ, ветеринаръ, который долгіе годы находился въ рядахъ борющихся

противъ имперіи, и кассиръ Журдъ, не примыкавшій близко ни къ одной изъ этихъ партій и являвшійся главнымъ руководителемъ финансоваго вѣдомства. Черезъ его руки проходили милліоны, а его жена продолжала сама стирать бѣлье для семьи въ Сенѣ, а онъ, за два мѣсяца его дѣятельности во главѣ финансоваго вѣдомства, ни разу не позволилъ себѣ истратить больше 1 фр. 60 сант. на обѣдъ.

Въ обѣихъ комиссіяхъ — труда и финансовъ — работа велась совершенно иначе, чѣмъ въ военной комиссіи и въ комиссіи по дѣламъ полиціи. Мендельсонъ въ своемъ дополненіи къ книгѣ Лиссагарэ „Исторія Коммуны“ очень ярко характеризуетъ это различіе въ методахъ:

Дѣльныхъ и серьезныхъ дѣятелей было меньше веего въ военномъ вѣдомствѣ Коммуны. Здѣсь ярко бросаются въ глаза неспособность, невѣжество, тщеславіе, отсутствіе сознанія отвѣтственности. Мы находимъ здѣсь полное отраженіе всѣхъ печальныхъ условій, отъ которыхъ страдало социалистическое движеніе въ періодъ второй имперіи. Подобную же картину можно было встрѣтить въ префектурѣ полиціи.

Послѣ шумнаго безтолочья и высокомерія въ полиціи и генеральномъ штабѣ съ забавляющимися тамъ нео-гебертистами, пребываніе въ министерствѣ труда и обмѣна представляется отдыхомъ. Уже одно названіе указываетъ на вліяніе прудоновской доктрины, но добросовѣстные и скромные члены Интернаціонала были настолько заняты текущей работой, что они всѣ безплодные фантазіи оставляли въ сторонѣ. Такъ какъ они разсматривали себя, какъ представителей трудяшагося класса, то они не искали олицетворенія своей власти во внѣшнихъ почестяхъ и эмблемахъ. Они создали инициативную комиссію изъ представителей профессиональныхъ и рабочихъ союзовъ. Это министерство исполняло свою работу такъ, что про него можно было смѣло сказать, что оно дѣлало все въ предѣлахъ возможнаго и не брало на себя проведенія никакихъ невыполнимыхъ задачъ.

Въ этомъ министерствѣ сосредоточивались социалисты, оно было ближе всего Марксу, его задачи были наиболѣе революціонными въ Коммунѣ — и тѣмъ не менѣе оно отличалось поразительной осторожностью.

Причину этой осторожности, которая была свойственна также министерству финансовъ, указываетъ Журдъ во время преній о ломбардахъ. Ему было поручено съ 12 мая бесплатно возвращать владѣльцамъ заложенное платье, домашнюю утварь, инструменты, стоимость которыхъ не превышала 20 фр. Ломбарды должны были получить возмѣщеніе убытковъ отъ государства. Въ ходѣ преній Авріаль потребовалъ, чтобы взаимнѣ ломбардовъ былъ учрежденъ болѣе подходящій институтъ. На это Журдъ возразилъ:

Намъ говорятъ: „Создайте институтъ“. Это легко сказать, но необходимо имѣть время, чтобы ознакомиться съ вопросомъ, прежде чѣмъ создавать что-нибудь новое. Еслибы сказать Авріально: создайте лафеты, пушки, онъ потребовалъ бы извѣстный срокъ. Я требую то же самое. Засѣданіе отъ 6 мая. (Journal officiel, отъ 7 мая, стр. 493.)

Коммуна не имѣла достаточно времени, чтобы совершить великія реформы въ соціальной области. А лучшіе ея представители не осмѣливались приступать къ рѣшенію вопросовъ, безъ предварительнаго, основательнаго ихъ изученія. Большинство ея соціальныхъ мѣръ можетъ казаться теперь пустяшнымъ, какъ напр. отмена ночной работы для пекарей, запрещеніе денежныхъ штрафовъ въ предпріятіяхъ и т. п.

При самыхъ широкихъ начинаніяхъ ограничивались лишь предварительнымъ изученіемъ предмета. Во время осады Парижа и послѣ 19 марта цѣлый рядъ предпріятій не функціонировалъ, вслѣдствіе бѣгства ихъ владѣльцевъ изъ Парижа. По предложенію Авріаля была произведена анкета для выясненія создавшагося для рабочихъ весьма рокового положенія. Вынесенное на основаніи анкеты рѣшеніе гласило:

Принимая во вниманіе, что работа въ многочисленныхъ предпріятіяхъ пріостановлена ихъ владѣльцами, уклонившимися отъ исполненія своихъ гражданскихъ обязанностей и игнорирующихъ интересы рабочихъ...

Принимая во вниманіе, что трусливое бѣгство съ поста

этихъ лицъ привело къ перерыву въ весьма существенныхъ для коммунальной жизни и для трудящихся работахъ, Коммуна Парижа постановляетъ:

Немедленно созываются профессиональные союзы рабочихъ для созданія научной комиссіи съ цѣлью:

1) Произвести подсчетъ закрытыхъ предпріятій и ознакомиться съ ихъ состояніемъ и состояніемъ находящихся въ нихъ инструментовъ;

2) Подготовить докладъ о практическихъ мѣропріятіяхъ, необходимыхъ, для немедленного пуска въ ходъ указанныхъ предпріятій, но уже не при содѣйствіи покинувшихъ ихъ дезертировъ, а подъ управленіемъ товарищества рабочихъ, занятыхъ въ этихъ предпріятіяхъ;

3) Выработать проектъ устава этихъ товариществъ;

4) Учредить третейскій судъ для выработки условий, при которыхъ, по возвращеніи владѣльцевъ, эти предпріятія окончательно могли бы перейти въ руки рабочихъ товариществъ и установленія размѣровъ ихъ вознагражденія.

Комиссія обязана представить надлежащій докладъ вѣдомству труда и обмѣна, которое должно будетъ въ кратчайшій срокъ передать на разсмотрѣніе Коммуны проектъ декрета, соблюдающаго интересы Коммуны и рабочихъ.

Это постановленіе издано 16 апрѣля и опубликовано 17 апрѣля въ „Journal officiel“. Засѣданія комиссіи по изслѣдованію состоялись 10 и 17 мая. Нѣкоторое время спустя, Коммуна прекратила свое существованіе. Конкретныхъ предложеній эта комиссія по социализаціи выработать не успѣла. Но фактъ созданія этой комиссіи свидѣтельствуетъ о томъ пути, какимъ пошли бы социалисты въ случаѣ болѣе продолжительнаго существованія пролетарскаго режима.

О „всеобщей социализаціи“, о немедленномъ устраненіи частно-владѣльческихъ принциповъ и рѣчи не было. Напротивъ, владѣльцевъ упрекали въ томъ, что они трусливо покинули свои предпріятія и оставили своихъ рабочихъ безъ заработка.

Но одновременно, правда, имъ дѣлались совершенно противоположные упреки. Центральнй Комитетъ 20 округовъ (не слѣдуетъ смѣшивать съ Ц. К. Національной

Гвардіи), образовавшійся еще во время осады, жаловался на то, что предприниматели задерживают рабочихъ въ своихъ предпріятіяхъ и этимъ препятствуютъ имъ исполнить свой долгъ въ рядахъ Національной Гвардіи.

Только покинутыя владѣльцами предпріятія должны были, по плану Коммуны, подвергнуться социализаціи, да и то послѣ предварительной, тщательной подготовки.

Другой шагъ по направленію къ социализаціи предполагался въ связи съ подрядами на армію, съ обмундированіемъ и амуницией. Эти подряды должны были быть переданы по возможности рабочимъ товариществамъ на основаніи договоровъ, выработанныхъ интендантствомъ, профессиональными союзами и министерствомъ труда. Сохранился проектъ, выработанный занятыми въ луврскихъ мастерскихъ для починки оружія рабочими и предложенный ими на усмотрѣніе Коммуны. Въ этомъ проектѣ предусматривается 10-часовой рабочій день.

Этотъ проектъ устава, состоящій изъ 22 параграфовъ, напечатанъ въ „Journal officiel“ отъ 21 мая, стр. 628-29. Онъ характеризуетъ до нѣкоторой степени тенденціи къ социализаціи со стороны социалистическихъ рабочихъ Коммуны.

По этому уставу рабочіе выбирали представителей мастерскихъ при Коммунѣ: управляющаго предпріятіемъ и мастеровъ. Былъ введенъ институтъ фабричныхъ совѣтовъ, куда входили вышеуказанныя лица и еще по одному рабочему отъ каждаго рабочаго стола (banc). Коммуна должна была назначать контрольную комиссію, которая должна была быть въ курсѣ всѣхъ операцій предпріятія и имѣть доступъ къ счетоводнымъ книгамъ предпріятія.

Рабочіе сами старались соблюдать интересы Коммуны. Въ § 15 была установлена продолжительность рабочаго дня въ 10 часовъ, хотя Женевскій Конгрессъ Интернаціонала въ 1866 г. выставилъ требованіе 8-часового рабочаго дня. Въ случаѣ необходимости допускались также,

съ разрѣшенія фабричнаго совѣта, сверхурочныя работы. За сверхурочную работу не полагалась повышенная плата, хотя были назначены весьма низкіе заработки. Директоръ получалъ 250 фр. въ мѣсяцъ, управляющій предпріятіемъ — 210 фр., мастера — 70 сант. въ часъ. Для рабочихъ былъ опредѣленъ не минимальный, а максимальный заработокъ; онъ не долженъ былъ превышать 60 сант. въ часъ.

Характернымъ является также § 16 устава. Согласно этого пункта устава, каждую ночь одинъ изъ рабочихъ долженъ былъ дежурить въ мастерской на случай, если понадобится оружіе. Эту обязанность рабочіе должны были исполнять по очереди. Въ заключеніе говорится:

Въ виду того, что при данныхъ условіяхъ необходимо весьма бережно относиться къ средствамъ Коммуны, ночныя дежурства не вознаграждаются особо." (Journal officiel, стр. 629.)

Воистину эти рабочіе не смотрѣли на періодъ своей „диктатуры“, какъ на благопріятную конъюнктуру для повышения заработной платы. Служеніе общему дѣлу они ставили выше своихъ личныхъ интересовъ.

д) *Соціализмъ Коммуны.*

Несмотря на свой „вулканическій“ темпераментъ, Марксъ не видѣлъ ничего предосудительнаго въ такихъ осторожныхъ дѣйствіяхъ. Въ своей книгѣ „Гражданская война во Франціи“ Марксъ говоритъ:

Великое соціальное мѣропріятіе Коммуны заключалось въ ея собственномъ трудовомъ существованіи. Ея особыя мѣропріятія могли только служить указаніемъ, въ какомъ направленіи должно идти правительство народа, дѣйствующее черезъ народъ.

Отъ диктатуры пролетаріата, характеризуемой имъ, какъ правительство народа, дѣйствующее черезъ народъ, т. е. какъ демократія, Марксъ переходитъ къ финансовымъ мѣропріятіямъ Коммуны и очень хвалитъ ихъ за ихъ обдуманность и умѣренность (стр. 54).

Въ той же брошюрѣ Марксъ указываетъ на принципы, которыми должно руководствоваться въ періодъ перехода отъ капитализма къ социализму:

Рабочій классъ не требовалъ чудесъ отъ Коммуны. Ей не приходилось осуществлять заготовленныхъ въ прокъ утопій по рѣшенію народа. Рабочій классъ прекрасно знаетъ, что освобожденіе его собственными силами, а вмѣстѣ съ нимъ высвобожденіе болѣе высокихъ формъ жизни, къ чему экономическія условія неизбежно толкаютъ современное общество, требуетъ упорной борьбы и преодоленія цѣлаго ряда историческихъ процессовъ, которые кореннымъ образомъ измѣняютъ людей и обстоятельства. Ему не приходится осуществлять идеалы, онъ долженъ только освободить элементы новаго общества, развившагося уже въ нѣдрахъ буржуазнаго общества (стр. 50).

Слова Маркса, что рабочему классу не приходится осуществлять идеалы, были истолкованы такъ, какъ будто Марксъ не хотѣлъ дать социалистическому движенію ни опредѣленной цѣли, ни опредѣленной программы. Но противъ этого говоритъ то обстоятельство, что Марксъ самъ вырабатывалъ социалистическія программы, начиная съ „Коммунистическаго манифеста“ 1847 г., кончая программой французской рабочей партіи, которую онъ составилъ въ 1880 г. при содѣйствіи Гэда и Лафарга. Въ напечатанной выше цитатѣ Марксъ опредѣленно указываетъ на цѣль социалистическаго движенія: освобожденіе рабочаго класса путемъ побѣдоносно развивающейся классовой борьбы и „высвобожденіе высшихъ жизненныхъ формъ“, вытекающихъ изъ господства трудящихся на основѣ современной техники.

Можно было бы возразить Марксу, что эти цѣли вѣдь также являются идеалами, и рабочій классъ, значить, все-таки долженъ осуществлять идеалы. Подъ идеалами Марксъ подразумѣваетъ, очевидно, въ данномъ случаѣ трансцендентальные идеалы, т. е. идеалы, находящіеся внѣ времени и пространства, — вѣчную справедливость и свободу. Цѣли рабочаго движенія выдвигались его экономическимъ развитіемъ; особая формы его осущес-

ствленія находятся въ процессѣ непрерывнаго развитія и въ зависимости отъ времени и пространства. Соціализмъ является для Маркса не „заготовленной впрокъ утопией“, а процессомъ, предусматривающимъ длительное развитіе экономическихъ условій и положенія рабочаго класса, — процессомъ, не завершающимся политической побѣдой послѣдняго, но лишь приведеннымъ въ движеніе той силой которая „высвобождаетъ элементы новаго общества“.

Уже двумя десятилѣтіями раньше Марксъ указалъ на необходимость долголѣтней подготовки рабочаго класса и на пониманіе дѣйствительныхъ условій, какъ на необходимыя предпосылки для соціальной революціи.

Послѣ крушенія революціи 1848 г., Марксъ путемъ изученія экономическихъ условій пришелъ къ заключенію, что революція временно закончилась. Это вызвало конфликтъ между нимъ и многими изъ его товарищей, усматривавшихъ въ этомъ предательство дѣлу революціи. Массы нуждаются въ революціи, хотятъ ея, и потому она неизбежна. Марксъ возразилъ имъ на это въ сентябрѣ 1850 г.:

Меньшинство (коммунистическаго союза) замѣняетъ критическое пониманіе догматическимъ, матеріалистическое пониманіе — идеалистическимъ. Въмѣсто дѣйствительныхъ условій оно видитъ двигательную силу революціи въ одной только волѣ къ ней. Въ то время, какъ мы говоримъ рабочимъ: „вамъ придется еще 15, 20, 25 лѣтъ переживать гражданскія и международныя войны, не только ради измѣненія условій, но для того, чтобы вы сами измѣнились и подготовились къ политическому господству“. Вы, напротивъ, говорите: „мы должны немедленно взять власть въ свои руки или мы можемъ сдать себя въ архивъ“. Въ то время, какъ мы указываемъ нѣмецкому рабочему на еще сравнительно низкую степень развитія нѣмецкаго пролетаріата, вы потворствуете національному чувству и сословнымъ предразсудкамъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, чѣмъ вы снискиваете себѣ, конечно, популярность.

Какъ демократы сотворили себѣ святыню изъ слова народъ, такъ для васъ святыней является слово проле-

таріать. Какъ и демократы, вы на мѣсто революціоннаго развитія подсовываете революціонную фразу. (Марксъ „Коммунистическій конгрессъ въ Кельнѣ“, изданіе 1885 г. стр. 21.)

Если Марксъ возставалъ противъ того, что только въ волѣ хотятъ видѣть двигательную силу революціи, то этимъ онъ не хотѣлъ сказать, что воля не имѣетъ никакого касательства къ ней. Всякое сознательное дѣйствіе предполагаетъ волю. Помимо воли невозможна была бы не только революція, но и исторія вообще. Первой предпосылкой всякаго соціальнаго движенія является твердая воля общественныхъ слоевъ, вытекающая изъ глубокаго сознанія необходимости.

Но одной только воли недостаточно. Чтобы движеніе могло рассчитывать на успѣхъ, необходимы еще, помимо воли, другія предпосылки. Моя воля напримѣръ, — жить вѣчно. Эта воля можетъ быть чрезвычайно сильной. Но тѣмъ не менѣе, она не можетъ защитить меня отъ смерти. Ради успѣха движенія, воля должна быть направлена на возможное, потребность должна найти готовыя средства къ ея удовлетворенію. Но и носители воли должны обладать достаточной силой, чтобы справиться съ могущими возникнуть препятствіями. Предусмотрительность требуетъ, чтобы путемъ изслѣдованія дѣйствительныхъ условій отдѣлить возможное отъ невозможнаго, выяснить соотношенія силъ и стремиться къ тому, чтобы концентрировать человѣческія силы на проведеніи того, что въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ является возможнымъ. Такимъ образомъ можно избѣгнуть лишней траты силъ и интенсивнѣе использовать наличныя силы.

Но въ общественныхъ дѣлахъ не такъ легко проявить необходимую степень предусмотрительности. Ибо экономическая основа находится въ процессѣ постояннаго развитія и измѣненій, что мѣняетъ также общественныя потребности, средства къ ихъ удовлетворенію и силы для проведенія наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ. При

этомъ общество все расширяется, становится все болѣе сложнымъ и непроницаемымъ. Правда, одновременно растутъ и духовныя силы человѣка, и совершенствуются методы познанія. Но человѣческій духъ не всегда стремится къ познанію дѣйствительныхъ условій. Онъ всегда стремится служить потребностямъ своихъ носителей, но тамъ, гдѣ дѣйствительныя условія дѣлають невозможнымъ удовлетвореніе этихъ потребностей, онъ склоненъ разукрашивать эту дѣйствительность при помощи фантазіи. Человѣкъ не хочетъ умирать. Познавая дѣйствительныя условія, онъ понимаетъ, что онъ долженъ умереть. Но человѣческая находчивость сѣумѣла найти тутъ признаки загробной жизни. Рабы въ Римской имперіи жили въ грязи и нищетѣ, но они испытывали потребность въ жизни, полной радости и наслажденія. Дѣйствительныя условія исключали возможность подобной жизни для нихъ. Но они, тѣмъ не менѣе, ожидали осуществленія этой жизни въ тысячелѣтнемъ царствѣ, въ наступленіе котораго они вѣрили. Мысль о божествѣ была средствомъ, придававшимъ силы слабымъ, дѣлавшимъ невозможное — возможнымъ.

Божество должно было превратить маленькій, угнетенный еврейскій народъ въ властителя міра, оно должно было способствовать побѣдѣ безоружныхъ крестьянъ и рабочихъ, въ періодъ Реформаціи, надъ хорошо вооруженными войсками феодальныхъ князей.

Въ XIX вѣкѣ рабочіе уже потеряли вѣру въ всемогущее божество, но картина Великой французской революціи, въ которой по временамъ парижскій пролетаріатъ оказывалъ сопротивленіе всему міру, пробуждала въ нихъ нерѣдко новую вѣру, вѣру въ чудодѣйственныя силы революціи и революціоннаго пролетаріата, ставшаго въ ихъ глазахъ „священнымъ существомъ“. Ему стоило только захотѣть, и онъ могъ сдѣлать все, что хотѣлъ. Если онъ, тѣмъ не менѣе, ничего не добился, то это означаетъ только, что онъ не хотѣлъ.

Этому идеалистическому пониманію Марксъ противопоставилъ матеріалистическое, требовавшее въ первую очередь признанія дѣйствительныхъ условій. Эти условія освобожденіе рабочаго класса и достиженіе высшихъ жизненныхъ формъ опредѣляли, какъ цѣль, „къ которой современное общество неудержимо стремится въ процессъ своего развитія“. Но эта цѣль не могла быть немедленно достигнута, какъ „заготовленная впрокъ утопія“; она не представляетъ собой готовой, на вѣки вѣковъ данной формы, а только создаетъ новую форму общественнаго движенія и развитія.

Рабочій классъ, значить, не всегда и не при всѣхъ обстоятельствахъ, способенъ взять власть въ свои руки. Онъ вездѣ долженъ пройти извѣстную стадію развитія, прежде чѣмъ окажется подготовленнымъ къ этому. Но съ другой стороны онъ не можетъ самъ выбирать себѣ моментъ, который помогъ бы ему стать у руля. Но если ему уже приходится взять власть въ свои руки, то онъ отнюдь не долженъ существующій способъ производства выворачивать на изнанку. Онъ долженъ опереться на существующее и развивать его далѣе въ интересахъ пролетаріата, „освободить элементы новаго общества“, что въ зависимости отъ различныхъ условій означаетъ собой весьма различныя явленія. Чѣмъ яснѣе будетъ для пролетаріата картина дѣйствительныхъ условій, чѣмъ болѣе онъ будетъ считаться съ ними, тѣмъ легче ему будетъ найти наиболѣе цѣлесообразныя для даннаго момента мѣры.

Когда послѣ сверженія Наполеона, въ Парижѣ возникла возможность пролетарской революціи, то Марксъ отнесся къ этому весьма скептически. Правда, парижане представляли собой тогда самый интеллигентный рабочій слой во всемъ мірѣ. Они недаромъ жили въ самомъ центрѣ міра, родинѣ эпохи возрожденія и революцій. Но имперія не давала имъ хорошихъ школъ, лишила ихъ свободы печати, запрещала созданіе политическихъ, а долгое время также и профессиональных организацій. Использо-

зованіе республики для лучшей подготовки и организаціи рабочихъ массъ, защита республика — таковы были, по мнѣнію Маркса, требованія момента.

Противъ захвата политической власти рабочими говорило также то обстоятельство, что большинство населенія состояло еще изъ крестьянъ, а населеніе Парижа въ значительной степени было мелкобуржуазнымъ.

Но исторія не считается съ нашими желаніями. Они также мало могутъ отсрочить революцію, какъ и ускорить ея наступленіе. Возстаніе парижской Коммуны и ея побѣда 18 марта были неминуемы. Необходимо было только выяснить себѣ, что, именно, побѣдоносный пролетаріатъ былъ въ силахъ провести при данныхъ условіяхъ и на этомъ концентрировать силы. Марксъ не видѣлъ главнѣйшей задачи парижской Коммуны въ отмѣнѣ капиталистическаго способа производства. Онъ писалъ по этому поводу Кугельману 12 апрѣля 1871 г.:

Если ты прочтешь послѣднюю главу моей книги „18-е Брюмера“, то ты увидишь, что я слѣдующимъ этапомъ французской революціи не считаю болѣе, какъ прежде, перехода бюрократически-военнаго аппарата изъ однихъ рукъ въ другія, но разрушеніе его, и это является предпосылкой каждой истинно народной революціи на континентѣ. Это является также попыткой нашихъ мужественныхъ партійныхъ товарищей въ Парижѣ (напеч. въ „Neue Zeit“ XX. 1. стр. 709).

О социализмѣ въ этомъ письмѣ рѣчи нѣтъ. Какъ на главную задачу Коммуны, Марксъ указываетъ на разрушеніе бюрократически-военнаго аппарата власти.

Конечно, пролетаріатъ, имѣя въ своихъ рукахъ руль правленія, не можетъ не стремиться наряду съ измѣненіями организаціи государства, также къ измѣненіямъ въ организаціи производственнаго процесса, которыя привели бы къ улучшенію его положенія. Если всѣ мѣропріятія политической власти въ этомъ направленіи признать социалистическими, тогда можно сказать, что и при Коммунѣ уже былъ введенъ социализмъ, но онъ существенно отли-

чался отъ теперешняго понятія о социализмѣ. Конечно, отчасти это слѣдуетъ объяснить краткостью существованія Коммуны. Оно длилось только нѣсколько недѣль. Большое значеніе имѣло также то обстоятельство, что возстаніе охватило только Парижъ съ его мелкой промышленностью. На такой экономической основѣ мыслима была только поддержка реорганизациі отдѣльныхъ мастерскихъ въ производительные кооперативы. Превращеніе отдѣльной промышленной отрасли въ единый производственный организмъ, организациа сбыта и снабженіе сырьемъ были къ тому времени наврядъ-ли возможны.

Еслибы Коммунѣ удалось захватить весь государственный правительственный аппаратъ въ свои руки, то возможна была бы также націонализациа желѣзныхъ дорогъ и, пожалуй, рудниковъ и копей. Но все это не устранило бы капитализма и уже отчасти было осуществлено или подготовлялось въ сосѣдней Германіи. Но при господствѣ пролетарски-демократическаго режима это въ значительной степени способствовало бы улучшенію положенія рабочаго класса

Наряду съ кратковременностью существованія Коммуны и экономической отсталостью страны, еще однимъ, весьма существеннымъ препятствіемъ къ „социализациа“ являлась также недостаточная теоретическая подготовка дѣятелей Коммуны. Якобинцы и бланкисты совершенно не интересовались экономическими явленіями. Интернаціоналисты, какъ мы видѣли, придавали имъ самое серьезное значеніе. Но въ періодъ Коммуны среди нихъ господствовала въ теоретическомъ отношеніи полная неустойчивость. Они относились уже отрицательно къ основамъ прудонизма, но не дошли до яснаго пониманія марксистскихъ основъ. Но несмотря на ихъ крайнюю осторожность, Марксъ вполнѣ соглашался съ методами Коммуны, по которымъ необходимо изслѣдовать сначала экономическія явленія, прежде чѣмъ приступить къ ихъ измѣненіямъ и не создавать скороспѣлыми декретами оши-

бокъ, которыя могутъ породить смущеніе и разочарованіе. Если эта осторожность и являлась скорѣе результатомъ теоретической неувѣренности, чѣмъ теоретической проникательности, она совпадала съ тѣмъ, что было признано Марксомъ необходимымъ выводомъ изъ матеріалистическаго міропониманія, т. е. что въ революціи должно руководствоваться не одной только волей, а пониманіемъ дѣйствительныхъ условій. Дюбрейль очень мѣтко характеризуетъ это явленіе въ парижской Коммунѣ въ своей книгѣ „La Commune“ (стр. 419).

Политика экспроприаціи по опредѣленному методу была невозможна уже по той весьма существенной причинѣ (независимо отъ сопротивленія остальныхъ классовъ), что широкія массы наемныхъ рабочихъ не мыслили функціонирования общества на какой либо иной основѣ, кромѣ существующей и не создали никакихъ кооперативныхъ или профессиональных ячеекъ, необходимыхъ послѣ отмены капиталистическихъ организацій, въ интересахъ обезпеченія правильнаго функціонирования производства и обмѣна. Новый режимъ, въ данномъ случаѣ социалистическій, нельзя создать путемъ декретовъ; декреты и законы должны скорѣе имѣть цѣлью закрѣпленіе уже существующихъ условій. Еслибы Коммуна попыталась опередить въ этомъ отношеніи свое время, то это, вѣроятно, привело бы только къ тому, что часть ея собственныхъ лучшихъ силъ возстала бы противъ нея, а среди рабочихъ не было бы замѣтно ни подъема, ни большей преданности. Она могла только подъ покровомъ демократизаціи политической жизни постепенно подготовить всеобщій социальный переворотъ, что ею и дѣлалось.

Таковымъ въ социальной области было существо того историческаго явленія, о которомъ Энгельсъ сказалъ, что оно представляетъ собой олицетвореніе словъ Маркса о диктатурѣ пролетаріата.

Методы Маркса относительно социализаціи, которые были столь сходны съ методами Коммуны, должны быть въ настоящее время и нашими методами.

Это конечно не должно означать, что тѣ же методы

должны повлечь за собой въ современной Германіи такую же сдержанность, какую проявила парижская Коммуна въ 1871 г. Съ того времени капиталистическое развитіе гигантскими шагами подвинулось впередъ. Необычайный прогрессъ за этотъ періодъ уже обнаруживается въ томъ, что тогда возсталъ только Парижъ, — приче́мъ это возста́ніе не было чисто пролетарскимъ — безъ поддержки въ странѣ, и въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ уступить напору объединеннаго съ чиновничествомъ и крупнымъ капиталомъ крестьянства, составлявшаго тогда большинство населенія (53 % въ 1872 г.). Германская же революція въ 1918 г. вспыхнула одновременно во всѣхъ частяхъ страны, руководимая вездѣ пролетаріатомъ. Германское крестьянство охватываетъ всего только одну четверть населенія (1907 г. — 29 %), а промышленность уже давно перешла къ картелизаціи цѣлыхъ отраслей производства. Парижскій пролетаріатъ 1871 г. только тогда освободился отъ бонапартистскаго режима, запрещавшаго массовыя организаціи и лишавшаго массы средствъ къ просвѣщенію. Нѣмецкій же пролетаріатъ имѣлъ за собой полъ вѣка политической и профессиональной подготовки, имѣлъ широкія политическія организаціи, охватывавшія миллионы членовъ. Наконецъ, парижскіе соціалисты 1871 г. готовились именно въ этотъ моментъ отказаться отъ экономической теоріи, не отвѣчавшей дѣйствительнымъ условіямъ. Но они не успѣли еще освоиться съ новой, болѣе высоко стоящей теоріей. Германскій же соціализмъ нынѣшняго времени обладаетъ историческимъ и экономическимъ опытомъ и ясными методами теоріи, признаваемой соціалистами всѣхъ странъ, какъ наиболѣе высоко развитой, оплодотворяющей даже буржуазное мышленіе, въ силу своего значительнаго превосходства надъ всѣми другими экономическими теоріями.

При этихъ условіяхъ можно провести соціализацію болѣе быстро, энергично и всесторонне, чѣмъ это было возможно въ 1871 г.

е) *Централизмъ и Федерализмъ.*

Мы говорили объ экономическомъ методѣ Коммуны, указавъ однако при этомъ, что въ полномъ смыслѣ слова такого метода тамъ не было. О сознательномъ, планомерно проводимомъ методѣ Коммуны не можетъ быть рѣчи, хотя бы по той причинѣ, что тамъ совмѣстно дѣйствовали различныя, совершенно противорѣчащія другъ другу направленія. Особый родъ дѣятельности Коммуны былъ результатомъ ея внутреннихъ противорѣчій, а не определенной теоріи. Даже социалисты, работавшіе въ Коммунѣ, не руководствовались ясной теоріей и представляли притомъ меньшинство. Тѣмъ не менѣе экономическія мѣропріятія Коммуны были проникнуты ихъ духомъ, такъ какъ какъ большинство не придавало особаго значенія экономическимъ принципамъ и въ этой области чувствовали себя еще менѣе устойчивымъ, чѣмъ меньшинство.

Иначе обстояло дѣло съ политической дѣятельностью Коммуны. Въ этой области противорѣчія обнаруживались въ значительно болѣе рѣзкой формѣ. Они раздирали ее и наносили большой ущербъ ея работоспособности. Но общая тенденція, взявшая верхъ, принимала подъ давленіемъ обстоятельствъ характеръ средней линіи, которую Марксъ считалъ такъ же пріемлемой, какъ и экономическую политику Коммуны.

Намъ извѣстно уже, что большинство Коммуны состояло изъ якобинцевъ и бланкистовъ. Если они выступали въ пользу Коммуны, то имѣли въ виду Коммуну на подобіе той, которая была въ 1793 г. и которая господствовала бы надъ всей Франціей и подчиняла бы ее своей волѣ. Они были радикальными республиканцами и вольнодумцами; они стремились къ разрушенію монархическаго аппарата власти, къ уничтоженію духовенства, бюрократіи и постоянной арміи. Но господствующее положеніе для Парижа они, напротивъ, могли бы создать только при помощи государственнаго аппарата, который предоставилъ бы въ распоряженіе центральной инстанціи въ

Парижѣ все дѣйствительныя средства власти. Они забывали, что парижская Коммуна 1793 г., благодаря господствовавшей въ ней централизаціи власти, подготовила почву для Наполеоновской имперіи. Они ожидали полнѣйшаго благополучія отъ Комитета Спасенія, снабженнаго диктаторскими полномочіями, игнорируя совершенно то обстоятельство, что диктатура, не опирающаяся на строго дисциплинированную армію и администрацію, является только мнимой диктатурой.

Въ рѣзкомъ противорѣчій къ централистамъ-якобинцамъ стояли прудонисты, рѣшительно отвергавшіе традиціи 1793 г. и даже относившіеся къ нимъ съ явнымъ отвращеніемъ. Они поняли гибельность иллюзій, приведшихъ къ господству кроваваго террора, одурачившихъ рабочихъ и способствовавшихъ ихъ жестокому одичанію, нисколько не приблизивъ момента ихъ освобожденія. Но не менѣе критически они относились къ демократіи. Всеобщее избирательное право породило въ 1848 г. реакціонное Національное Собраніе и стало опорой имперіи. Въ дѣйствительности, при тогдашнемъ экономическомъ положеніи Франціи, государственная политика — будь она диктаторской или демократической — не давала повода къ надеждѣ, что она станетъ непосредственнымъ орудіемъ для немедленнаго освобожденія пролетаріата. Соціалисты же искали тогда подобнаго средства. Они еще были тогда далеки отъ мысли объ общемъ развитіи и вмѣстѣ съ тѣмъ и о значеніи демократіи для развитія политической проницательности и организаторскихъ способностей пролетаріата — и слѣдовательно, о значеніи демократіи для полнаго освобожденія пролетаріата. Ни диктатура, ни демократія не являлись тогда подходящими орудіями для немедленнаго освобожденія пролетаріата. Прудонисты это прекрасно сознавали. Нехороши были только выводы, къ которымъ они приходили на основаніи этого. Совершенно избѣгнуть политики — что имъ больше всего улыбалось — они тоже не имѣли возможности. Но коммунальная поли-

тика въ отдѣльныхъ промышленныхъ общинахъ сулила пролетаріату несомнѣнно больше, чѣмъ государственная политика въ преимущественно аграрной странѣ. Чѣмъ большее значеніе они придавали демократіи въ Коммунѣ, тѣмъ равнодушнѣе они становились къ идеѣ демократіи въ государствѣ. И беспощадные критики, высмѣивавшіе государственные парламенты, которые они называли „говорилками“, ничего не имѣли противъ коммунальныхъ парламентовъ и „говорилокъ“.

Суверенитетъ Коммуны сталъ идеаломъ прудонистовъ. Эта мысль одна уже свидѣтельствуешь о мелкобуржуазномъ положеніи промышленности, съ которымъ они считались. Они не собирались также уничтожить товарообмѣнъ. Но уже въ то время существовали такія отрасли производства, хозяйственное значеніе которыхъ выходило за предѣлы отдѣльной Коммуны. Чтобы регулировать ихъ дѣятельность, отдѣльныя коммуны должны были объединиться въ свободные союзы. Такимъ способомъ прудонисты надѣялись также въ аграрной Франціи освободить немедленно промышленный пролетаріатъ. Они забывали только тотъ пустякъ, что идея раздѣленія государства на суверенныя коммуны также являлась государственной идеей, проведеніе которой возможно только при условіи низверженія существующей государственной власти, чего прудонисты, какъ извѣстно, хотѣли избѣгнуть.

Идея коммуны, какъ ее понимали прудонисты, была такимъ образомъ, полной противоположностью якобинской идеѣ коммуны. Для якобинцевъ парижская Коммуна была средствомъ къ завоеванію государственной власти во имя господства надъ всей Франціей. Для прудонистовъ же суверенитетъ каждой коммуны въ отдѣльности былъ средствомъ къ окончательному устраненію государственной власти.

Артуръ Арнольдъ весьма мѣтко характеризуетъ въ своей „Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris“ противорѣчія между обоими направленіями,

между „революціонными якобинцами“ и „соціалистическими федералистами“:

Одни и тѣ же слова понимались иначе различными членами Коммуны. Одни видѣли въ парижской Коммунѣ осуществленіе антиправительственнаго принципа, борьбу противъ старыхъ воззрѣній деспотическаго, построеннаго на централистическихъ принципахъ, государства. Коммуна означала для нихъ торжество принципа автономіи, свободной федераціи отдѣльныхъ группъ и по возможности непосредственнаго господства народа черезъ народъ. По ихъ представленію, Коммуна была первымъ этапомъ великой соціальной и политической революціи, которая должна была искоренить старыя традиции. Она была абсолютнымъ отрицаніемъ идеи диктатуры; власть должна была принадлежать всему народу, и потому они стремились къ устраненію всякой власти, стоящей внѣ народа или надъ народомъ. Лица, такъ чувствовавшія, думавшія и дѣйствовавшія, образовали ту группу, которую внослѣдствіи называли группой соціалистовъ или меньшинствомъ.

Для другихъ же, наоборотъ, парижская Коммуна представлялась продолженіемъ Коммуны 1793 г. Въ ихъ глазахъ она являлась олицетвореніемъ диктатуры отъ имени народа, чрезвычайной концентраціи власти въ рукахъ небольшой группы лицъ, уничтоженія стараго аппарата путемъ возглавленія ею новыми мужами, которые въ dospѣхахъ войны служатъ народу для борьбы съ врагами народа.

Члены этой, пользовавшейся авторитетомъ, группы еще не отказались окончательно отъ идеи единаго, централистическаго государства. Если они и признавали принципъ автономіи коммунъ и свободной федераціи группъ и даже начертали ихъ на своихъ знаменахъ, то это было сдѣлано ими только подъ давленіемъ Парижа... Они находились подъ вліяніемъ опредѣленнаго образа мысли, усвоеннаго ими за долгій періодъ ихъ борьбы. Какъ только имъ случалось переходить къ активнымъ дѣйствіямъ, они снова попадали на тотъ путь, по которому они такъ долго слѣдовали, и — несомнѣнно съ самыми лучшими намѣреніями — пытались примѣнить старые методы къ новымъ идеямъ. Они не понимали того, что въ такихъ случаяхъ форма почти всегда торжествуетъ надъ содержаніемъ, и что тѣ, кто стремятся обосновать свободу средствами диктатуры или произвола, убиваютъ то именно, что они хотятъ спасти. Эта группа, которая состояла, между прочимъ, изъ самыхъ

различныхъ элементовъ, составляла большинство и называла себя „революціонными якобинцами“.

Дюбрейль приводитъ эту характеристику съ указаніемъ, что она вполне соотвѣтствуетъ истинѣ, поскольку она касается крайнихъ круговъ въ обоихъ направленіяхъ. Это вѣрно. Но это одинаково относится ко всемъ направленіямъ. Въ каждомъ изъ нихъ можно найти цѣлый рядъ оттѣнковъ. Но если ихъ познать, то необходимо произвести наблюденіе надъ самымъ послѣдовательнымъ выраженіемъ даннаго направленія, — классическимъ до извѣстной степени.

Противорѣчія были чрезвычайно велики, и пожалуй не удалось бы даже перешагнуть черезъ нихъ, еслибы Коммуна побѣдила. Но она не побѣдила, и это заставило противоположныя стороны сойтись на средней линіи.

Съ 3 апрѣля Коммуна была вынуждена ограничиться обороной и отказаться отъ всякой мысли о завоеваніи Франціи и господствѣ надъ ней. Этимъ былъ поставленъ крестъ надъ осуществленіемъ якобинскихъ идей. Потерявъ всякую возможность господствовать черезъ Коммуну, нужно было радоваться только тому, еслибы удалось помѣшать подавленію завоеванныхъ Парижемъ свободъ со стороны реакціонной Франціи.

Но при этихъ обстоятельствахъ такъ же мало можно было рассчитывать на осуществленіе прудоновской утопіи, какъ на крушеніе французскаго государства и на провозглашеніе полного суверенитета отдѣльныхъ коммунъ.

„Централистическіе“ якобинцы и „федералистическіе“ прудонисты были вынуждены силой обстоятельствъ поставить себѣ одинаковую цѣль, которая при нѣкоторомъ, хоть сколько-нибудь выгодномъ соотношеніи силъ, была тогда достижима и которая являлась необходимостью для всей Франціи, признанной также многими изъ ея буржуазныхъ политиковъ: самоуправленіе коммунъ, ихъ самостоятельность въ предѣлахъ, установленныхъ государственной демократіей, ограниченіе власти государственной

бюрократіи и, наконецъ, замѣна постоянной арміи народной милиціей.

Интернаціоналисты тѣмъ охотнѣе шли навстрѣчу подобному признанію демократическаго государства, что они, какъ мы видѣли, въ послѣдніе годы имперіи были вовлечены въ борьбу противъ нея, т. е. въ государственную политику и въ строгій прудонизмъ стали постепенно вплетать марксистскія идеи.

Въ конечномъ результатѣ политика приняла такой характеръ, который Марксъ вполне могъ признать. Если бы онъ былъ въ Парижѣ, онъ не примкнулъ бы ни къ одному изъ этихъ направленій. Онъ оказался бы въ одиночествѣ. Но сила обстоятельствъ и разсудительность лучшихъ умовъ Коммуны, считавшихся и въ данномъ случаѣ больше съ „дѣйствительными условіями“ чѣмъ съ „простой волей“, создали въ конечномъ результатѣ линію направленія въ политикѣ, близко соприкасающуюся съ его собственной. Но къ ней, еще болѣе чѣмъ къ экономическимъ мѣрамъ, примѣнимы слова Мендельсона (въ его послѣсловіи къ Лиссагарэ, (стр. 525):

Творцы Коммуны, очевидно, сами не знаютъ, что они въ дѣйствительности создали.

Творческія мѣры Коммуны въ политической области приводились въ жизнь при тяжелой внутренней борьбѣ между обоими направленіями. Главное зло, отъ котораго страдала Коммуна, было отсутствіе организаціи, — естественное послѣдствіе недостатка организаторскихъ способностей и навыка среди тогдашняго парижскаго пролетаріата, который только незадолго до этого момента освободился отъ монархическаго режима.

Коммуна съ самаго дня ея возникновенія находилась въ состояніи войны съ Версалемъ. Нигдѣ организація и дисциплина не являются столь необходимыми факторами, какъ въ войнѣ. Но въ Коммунѣ онѣ совершенно отсутствовали. Батальоны Коммуны находились подъ начальствомъ офицеровъ, которыхъ они сами выбирали. Эти офицеры

не зависѣли отъ верховнаго командованія, а только отъ своихъ выборщиковъ. Такимъ путемъ нельзя создать боеспособной арміи. Къ этому убѣжденію очень скоро пришли также и большевики, положившіе конецъ власти солдатскихъ совѣтовъ и избранію офицеровъ солдатами, какъ только они были вовлечены въ серьезную войну.

Исполненіе приказовъ верховнаго командованія батальонами національной гвардіи вполнѣ зависѣло отъ доброй воли послѣднихъ. Неудивительно поэтому, что количество дѣйствительныхъ борцовъ Коммуны было незначительно. Жаловенье получали 162 000 рядовыхъ и 6500 офицеровъ, но число тѣхъ, кто дѣйствительно сражались и шли въ огонь, колебалось послѣ рокового дня 3 апрѣля между 20 и 30 000 чел. Эти мужественные отряды должны были выносить на своихъ плечахъ все тяжелое бремя борьбы противъ хорошо вооруженной и дисциплинированной силы, достигшей во второй половинѣ мая 120 000 чел.

Дезорганизация снизу еще болѣе усиливалась дезорганизацией сверху. Наряду съ Коммуной продолжалъ еще существовать Центральный Комитетъ Национальной гвардіи. Онъ уступилъ Коммунѣ всю свою власть, но продолжалъ вѣѣшиваться во всѣ дѣла, касавшіеся національной гвардіи.

Въ своемъ письмѣ къ Кугельману отъ 12 апрѣля 1871 г. Марксъ указываетъ на то, что „Центральный Комитетъ“ совершилъ ошибку, отказавшись слишкомъ рано отъ власти и уступивъ свое мѣсто Коммунѣ. (Neue Zeit XX стр. 709.) Но къ сожалѣнію, онъ не обосновываетъ своего мнѣнія, и мы не знаемъ, почему онъ считалъ это ошибкой. Надо полагать, что это находилось въ связи съ веденіемъ войны. Онъ считаетъ эту ошибку вторымъ промахомъ, совершеннымъ парижанами; первой заключался въ томъ, что они тотчасъ же послѣ 18 марта не двинулись на Версаль. Эти ошибки могли вызвать ихъ пораженіе.

Но къ сожалѣнію, всѣ основныя ошибки, сдѣлавшія безнадежнымъ военное положеніе Коммуны уже съ момента ея возникновенія, были совершены еще до образованія Коммуны. Ничто не указываетъ на то, что веденіе войны подъ руководствомъ Центральнаго Комитета имѣло бы большій успѣхъ, чѣмъ подъ руководствомъ Коммуны. Напротивъ, Центральный Комитетъ былъ еще менѣе устойчивымъ, чѣмъ Коммуна. Не въ веденіи войны главная сила пролетаріата.

Но гибельнѣе всего было параллельное существованіе двухъ независимыхъ другъ отъ друга вышнихъ инстанцій, къ которымъ присоединилась еще третья, вмѣшивавшаяся въ военныя дѣла, такъ называемый „Комитетъ артиллеріи“.

Возникшій 18 марта „Комитетъ артиллеріи“ оспаривалъ у военнаго министерства права на пушки. Въ рукахъ министерства находились пушки, стоявшія на Марсовомъ полѣ, а въ рукахъ Комитета — пушки съ Монмартра (Лиссагарэ, „Исторія Коммуны“ стр. 205.)

Путемъ усиленія правительственной власти пытались парализовать до нѣкоторой степени всеобщую дезорганизацію. На мѣсто исполнительныхъ комиссій былъ избранъ 20 апрѣля Исполнительный Комитетъ изъ 9 человекъ, по одному делегату отъ каждой изъ 9 комиссій. Но зло коренилось слишкомъ глубоко, чтобы его можно было устранить подобнымъ путемъ. Тогда якобинцы вспомнили традиціи 1798 г. и потребовали созданія Комитета Спасенія съ диктаторскими полномочіями, который въ сущности уничтожилъ бы всѣ права Коммуны. Безпрерывное движеніе версальскихъ войскъ дало поводъ члену Коммуны Міо — который „былъ извѣстенъ самой красивой бородой 1848 г.“ (Лиссагарэ, стр. 223) — поставить 28 апрѣля требованіе объ образованіи Комитета Спасенія, т. е. новой комиссіи, которая стояла бы надъ всѣми другими. Всѣ признавали необходимость созданія болѣе твердой исполнительной власти и расходились только по вопросу о наименованіи ея. Революціонные якобинцы полагали, что

если эту комиссію назвать Комитетомъ Спасенія, то вмѣстѣ съ этимъ ей будетъ придана побѣдоносная сила Французской республики 1793 г. съ ея Комитетомъ Спасенія. Но эта, именно, традиція, напоминавшая режимъ террора и насилія, отталкивала прудонистовъ.

Вопросъ о созданіи подобной комиссіи былъ рѣшенъ 1 мая 34 голосами противъ 28. Меньшинство (23 чел.) воздержалось отъ выборовъ при слѣдующей мотивировкѣ:

Мы не выставили кандидатовъ и мы не хотимъ пользоваться правомъ выбора въ учрежденіе, которое кажется намъ одинаково безпомощнымъ, какъ и гибельнымъ.

Ибо мы видимъ въ Комитетѣ Спасенія отрицаніе принциповъ социальныхъ реформъ, на которыхъ основывалась коммунистская революція 18 марта.

Комитетъ Спасенія, который долженъ былъ поднять энергію Коммуны и положить конецъ ея дезорганизаціи, началъ съ раскола Коммуны, чѣмъ еще болѣе содѣйствовалъ ея дезорганизаціи.

Уже одно это обстоятельство лишило комитетъ моральной силы. То что интернаціоналисты, которые одни только выполняли почти всю серьезную работу въ Коммунѣ, не вошли въ составъ Комитета, также не оставалось безъ вліянія. Всѣ его члены, за исключеніемъ одного, были по выраженію Лиссагарэ, вполне по душѣ „крикунамъ“.

9-го мая этотъ малоспособный Комитетъ былъ смѣщенъ, и на его мѣсто избранъ новый. На этотъ разъ меньшинство участвовало въ выборахъ, послѣ того, какъ оно убѣдилось, что за грознымъ названіемъ скрывалось все, что угодно, только не дѣйствительная диктатура. Но разногласія между большинствомъ и меньшинствомъ успѣли за это время настолько обостриться, что большинство совершило подъ ихъ вліяніемъ совершенно непонятную ошибку, не избравъ въ Комитетъ ни одного члена меньшинства.

Второй Комитетъ Спасенія оказался такимъ же неспособнымъ, какъ и первый, и даже превзошелъ послѣд-

ній въ томъ отношеніи, что онъ активно выступалъ противъ членовъ меньшинства и цѣлый рядъ изъ нихъ удалилъ съ занимаемыхъ ими должностей, чѣмъ лишилъ Коммуну ея лучшихъ дѣятелей.

Это привело къ открытому расколу: 16 мая меньшинство выпустило воззваніе, въ которомъ оно протестовало противъ замѣны Коммуны безотвѣтственной диктатурой, и заявило, что оно впредь не будетъ болѣе принимать участія въ работахъ Коммуны, а будетъ продолжать свою работу только въ округахъ и среди Національной Гвардіи. Этимъ оно надѣялось, какъ говорится въ концѣ воззванія, избавить Коммуну отъ внутреннихъ треній, которыхъ оно хотѣло избѣгнуть въ виду общей цѣли, къ которой одинаково стремилось, какъ большинство, такъ и меньшинство. Несмотря на болѣе примирительный тонъ въ концѣ воззванія, оно означало какъ будто полный расколъ.

Но меньшинство, будучи болѣе способнымъ къ административнымъ работамъ и къ воспріятію экономическихъ проблеммъ, не обнаруживало однако рѣшительности и послѣдовательности въ политикѣ. Оно протестовало противъ диктатуры перваго комитета Спасенія, отказавшись 1 мая отъ участія въ выборахъ, а 9-го мая оно признало эту диктатуру, выставивъ своихъ кандидатовъ во второй Комитетъ. 15-го оно постановило прекратить свою дѣятельность въ Коммунѣ въ видѣ протеста противъ той же диктатуры, а 16-го, въ день опубликованія протеста, оно уступило своимъ друзьямъ, главнымъ образомъ, федеральному совѣту Интернаціонала, настаивавшаго на томъ, чтобы оно не нарушало единства Коммуны передъ лицомъ наступающаго врага, а 17 мая 15 чел. изъ числа 22 подписавшихся подъ воззваніемъ, снова явились на засѣданіе Совѣта. Но большинство не умиротворилось этимъ, несмотря на посредничество нѣкоторыхъ болѣе благоразумныхъ членовъ его, среди нихъ также и Вальяна. Примирительная резолюція была отвергнута, и вмѣсто нея была принята другая, предложенная Міо:

Коммуна передает забвенію позицію тѣхъ членовъ меньшинства, которые взяли обратно свои подписи. Она порицаетъ это воззваніе.

Дюбрейль замѣчаетъ по этому поводу (стр. 440):

Такимъ образомъ, якобинцы и федералисты выступали какъ враги передъ послѣднимъ баррикаднымъ боемъ, передъ лицомъ смерти.

21 мая версальскія войска проникли въ Парижъ. 22-го состоялось послѣднее засѣданіе Коммуны.

Ея политика представляетъ для насъ своеобразное зрѣлище. Оба направленія, представленныя въ Коммунѣ, руководились программами, которыя, будучи послѣдовательно примѣненными, были непроводимы и толкали только своихъ сторонниковъ къ весьма нецѣлесообразнымъ дѣйствіямъ. Несмотря на это, взаимодѣйствіе обѣихъ программъ выявило, подъ давленіемъ обстоятельствъ, политическую программу, которая не только была вполне проводима, но которая въ полной мѣрѣ соотвѣтствовала потребностямъ Франціи и сохранила еще до настоящаго дня свою здравую основу; требованія самоуправленія коммунъ и отмѣны постоянной арміи — осуществленіе этихъ двухъ основныхъ требованій Коммуны въ данный моментъ такъ же необходимо въ интересахъ подъема Франціи, какъ и въ періодъ второй парижской Коммуны.

ж) Террористическая мысль въ Коммунѣ.

Говоря о Комитетѣ Спасенія, нельзя не вспомнить при этомъ режимъ террора, душой котораго былъ этотъ Комитетъ въ 1793 г. Вполнѣ естественно, что разногласіе по вопросу о диктатурѣ Комитета, нашло свое продолженіе въ вопросѣ о террорѣ. Якобинцы попрежнему въ такой же мѣрѣ вѣрили въ необходимость террора, какъ средство борьбы, въ какой интернаціоналисты отвергали его.

Это разногласіе обнаружилось уже на первомъ засѣданіи Коммуны. Одинъ изъ членовъ внесъ предложеніе

объ отмѣнѣ смертной казни. „Ему хочется спасти голову Виноя“ (генерала версальцевъ), — раздался голосъ по его адресу.

На федеральномъ совѣтѣ Интернаціонала Франкель формулировалъ 29 апрѣля политику Интернаціонала слѣдующими словами:

Мы хотимъ обосновать права рабочихъ, а это возможно только силой убѣжденій и морали.

Въ другомъ лагерѣ мы видимъ людей вродѣ драматурга Феликса Піа, чиновника Теофиля Феррэ и студента Рауля Риго, которые захлебывались кровожадными фразами.

Въ принципѣ всѣ якобинцы въ сущности должны были быть сторонниками террористическихъ мѣропріятій. Но на практикѣ это почти не проявлялось. Духъ гуманности, которымъ была преисполнена тогда демократія, какъ буржуазная, такъ и пролетарская, не могъ не оказать своего вліянія также и на нихъ. Вдобавокъ, условія породившія терроръ въ первой Коммунѣ, не имѣли мѣста во второй. Вторая Коммуна не ставила себѣ неразрѣшимой задачи создать на буржуазной основѣ новый строй, который соотвѣтствовалъ бы интересамъ пролетаріата. Въ примѣненіи своей власти вторая Коммуна была вынуждена ограничиться однимъ только Парижемъ, большинство населенія котораго было несомнѣнно на ея сторонѣ, и у нея поэтому не было необходимости укрощать своихъ противниковъ мѣрами насилія. Ея противникъ, который представлялъ для нея дѣйствительную опасность, стоялъ за предѣлами Парижа, и по отношенію къ нему средства террора были непримѣнны.

Побужденіе къ проведенію террористическихъ традицій въ жизнь такимъ образомъ отсутствовало. Дѣятельность Риго и Феррэ въ Комитетѣ Охраны — аресты, подавленіе печати и пр. — были скорѣе плохой копіей режима Имперіи, чѣмъ режимъ террора, прибѣгавшаго къ совершенно инымъ средствамъ. Студентъ Риго, членъ

бланкистской группы, завоевалъ себѣ свои лавры при Имперіи въ своей непрерывной борьбѣ съ полиціей, уловки и приемы которой онъ зналъ въ совершенствѣ. Еще 9 марта, значить еще до возстанія, Лаузэ писалъ о немъ:

Лица, знающія его, рассказывали мнѣ самыя поразительныя вещи о его маніи и ловкости въ наблюденіи за полиціей, объ его способности разстраивать ея планы преслѣдованій и умѣніи разыгрывать порой роль парижскаго префекта.

(„При Парижской Коммунѣ“. Дневникъ. Лейпцигъ, 1878 г., стр. 18).

18 марта онъ получилъ возможность уже по обязанности службы играть роль префекта полиціи. Его первымъ дѣломъ въ ночь съ 18 на 19 марта было занятіе префектуры полиціи.

Его дѣятельность въ полицейской области очень скоро натолкнулась на рѣшительное сопротивленіе, въ особенности со стороны интернаціоналистовъ. Она имѣла мало общаго съ принципами 1793 г., хотя онъ и писалъ исторію Коммуны 1793 г.

Съ другой стороны, разстрѣлы генераловъ Тома и Клемента, какъ мы уже указали выше, нельзя отнести на счетъ Коммуны. Они были разстрѣляны еще до образованія Коммуны, несмотря на сопротивленіе Центральнаго Комитета.

Только одну мѣру Коммуны, рассчитанную на запугиваніе противника при помощи насилія надъ беззащитными, можно назвать террористической, а именно арестъ заложниковъ.

Опытъ уже давно доказалъ, что арестъ заложниковъ является безцѣльной процедурой, которая не въ состояніи воспрепятствовать жестокостямъ, а скорѣе способствуетъ обостренію конфликта, породившаго эту мѣру.

Но Коммуна не имѣла выбора средствъ, если она не хотѣла безъ всякаго сопротивленія допустить, чтобы версальцы разстрѣливали своихъ плѣнныхъ, что послѣ

3 апрѣля практиковалось ими въ многочисленныхъ случаяхъ.

Возмущенные казнью Дюваля (одного изъ командующихъ Національной гвардіей, взятаго 3 апрѣля въ плѣнъ версальцами), а также взятыхъ въ плѣнъ другихъ членовъ гвардіи, многіе члены Коммуны требовали немедленнаго разстрѣла цѣлаго ряда реакціонеровъ, преимущественно изъ парижскихъ клерикальных круговъ. Другіе якобинцы и въ особенности Делеклюзъ пришли въ ужасъ отъ этого требованія и предложили взамѣнъ него декретъ о заложникахъ, имѣвшій цѣлью заставить версальцевъ свернуть съ того кроваваго пути, по которому они слѣпо помчались.

Но путемъ молчаливаго соглашенія было рѣшено не проводить этого декрета въ жизнь (*Fiaux, guerre civile de 1871 г., стр. 246*).

Этотъ декретъ не преслѣдовалъ цѣли уничтоженія человѣческихъ жизней, а спасенія ихъ. Съ одной стороны онъ имѣлъ цѣлью заставить версальцевъ отказаться отъ дальнѣйшихъ разстрѣловъ, а съ другой — воздѣйствовать на парижанъ въ смыслѣ ихъ отказа отъ немедленнаго примѣненія репрессивныхъ мѣръ.

Народъ, всегда великодушный и справедливый, даже въ своемъ гнѣвѣ, — говорится въ воззваніи Коммуны отъ 5 апрѣля, — относится съ отвращеніемъ къ кровопролитію и къ гражданской войнѣ. Но его долгъ защищаться отъ варварскихъ покушеній своихъ противниковъ, и, какъ это ему ни тяжело, ему придется, однако, поступать по принципу: „око за око, зубъ за зубъ“ (*journal officiel, 6 апрѣля стр. 169*).

Коммуна на самомъ дѣлѣ проявляла великодушіе и справедливость — и въ дѣйствительности не примѣняла принципа: „око за око, зубъ за зубъ!“

По декрету Коммуны о заложникахъ, каждый обвиняемый въ сношеніяхъ съ версальцами, долженъ быть немедленно арестованъ и преданъ суду. Учреждается трибуналъ, который въ 24-часовой срокъ долженъ допросить обвиняемаго и въ 48 часовъ вынести приговоръ. Но осужденные не должны были подвергаться разстрѣлу, а только аресту въ качествѣ заложниковъ.

Военнопленные должны были также предстать на судъ Трибунала, который долженъ былъ рѣшить вопросъ о томъ, отпустить ли ихъ на свободу или задержать въ качествѣ заложниковъ. Наконецъ, согласно декрету, за каждымъ случаемъ разстрѣла взятаго въ плѣнъ борца или сторонника Коммуны долженъ былъ послѣдовать разстрѣлъ въ три раза большаго числа заложниковъ.

Этотъ послѣдній и самый ужасный пунктъ декрета оставался однако только мертвой буквой и никогда не примѣнялся Коммуной, хотя версальцы, послѣ короткаго перерыва продолжали разстрѣливать военнопленныхъ, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что они этимъ подвергали опасности жизнь своихъ друзей, арестованныхъ въ Парижѣ въ качествѣ заложниковъ.

Тьеръ какъ будто нарочно пускалъ въ ходъ всѣ мѣры, чтобы заставить Коммуну прибѣгнуть къ кровавымъ расправамъ. Онъ прекрасно сознавалъ, что разстрѣлъ заложника можетъ принести пользу не Коммунѣ, а ему въ общественномъ мнѣніи всего пропитаннаго еще буржуазнымъ духомъ и мышленіемъ міра, который равнодушно относился къ разстрѣлу безчисленныхъ плѣнныхъ версальцами, возмущаясь въ то же время безгранично уже однимъ только арестомъ заложниковъ въ Парижѣ.

Низость своихъ взглядовъ Тьеръ обнаружилъ также въ вопросѣ объ обмѣнѣ заложниковъ.

Послѣ изданія декрета отъ 5 апрѣля въ Парижѣ были взяты заложниками нѣсколько лицъ изъ духовенства, банкиръ Жеке, инициаторъ мексиканской экспедиціи и предсѣдатель кассационнаго суда Бонжанъ. Коммуна предложила обмѣнъ. Она хотѣла выпустить на волю арестованныхъ архіепископа Дарбо, священника Дегерри, главнаго викарія Лагарда и президента Бонжана, если версальское правительство освободитъ Бланки.

Она была настолько простодушна, что отпустила 12 апрѣля викарія Лагарда съ письмомъ Дарбо въ Версаль къ Тьеру послѣ того, какъ викарій поклялся возвратиться, если переговоры будутъ прерваны.

Уже до того, 8 апрѣля Дарбо отправилъ письмо къ Тьеру, заклиная его не подвергать больше арестованныхъ разстрѣлу. Тьеръ молчалъ. 13 апрѣля одна изъ парижскихъ газетъ опубликовала это письмо. Теперь Тьеръ отвѣтилъ, но ложью, называя всѣ извѣстія о разстрѣлахъ клеветой.

Отвѣтъ на второе письмо, доставленное Лагардомъ, онъ получилъ лишь въ концѣ апрѣля. Но викарій, не взирая на данную клятву, былъ настолько остороженъ, что не возвратился въ пасть льва. Въ этомъ отвѣтѣ освобожденіе Бланки отклонялось, но архіепископу было дано утѣшительное увѣреніе, что жизнь заложниковъ находится внѣ опасности.

Дальнѣйшія попытки папскаго нунція и американскаго посланника содѣйствовать обмѣну остались также безуспѣшными. И на Тьера падаетъ вина въ томъ, что вышеназванные лица, за исключеніемъ Лагарда, оставались въ тюрьмѣ Мазаса заложниками, когда Коммуна пала и не могла уже больше ихъ охранять.

Онъ былъ правъ въ своихъ утвержденіяхъ, — которыя безъ сомнѣнія уличали его во лжи его клеветъ о звѣрствахъ Коммуны, — что жизнь заложниковъ Коммуны находится внѣ опасности. Но онъ самъ настойчиво дѣйствовалъ въ цѣляхъ уничтоженія охраны заложниковъ, т. е. режима Коммуны и притомъ въ условіяхъ, подвергавшихъ ихъ жизнь наибольшей опасности.

Путемъ измѣны, однажды въ воскресенье, 21 мая, версальцы ворвались въ Парижъ, совершенно неожиданно, въ то время, когда въ садахъ Тюильри происходилъ народный концертъ, въ заключеніе котораго нѣкій офицеръ генеральнаго штаба приглашалъ слушателей на слѣдующее воскресенье со словами:

Тьеръ объявилъ на вчера вступленіе въ Парижъ. Тьеръ не вступилъ и не вступить.

Въ эту самую минуту версальцы вступили въ Парижъ. Населеніе было до такой степени застигнуто врас-

плохъ, войска Коммуны такъ утомлены, что версальцамъ при быстромъ, рѣшительномъ наступленіи удалось бы вѣроятно безъ сопротивленія занять весь Парижъ. Но они продвигались медленно и тѣмъ дали борцамъ Коммуны время собраться для бѣшеныхъ уличныхъ боевъ, продолжавшихся цѣлую недѣлю, кровавую майскую недѣлю, и раскалившихъ страсти тѣмъ сильнѣе, что версальцы никому не давали цощады, приканчивали не только захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, чей разстрѣлъ былъ заранѣе приказанъ, но и подозрительныхъ. Нѣкоторые историки Коммуны намекають на то, что медленное движеніе версальцевъ имѣло цѣлью усилить сопротивленіе и вмѣстѣ съ нимъ число жертвъ и размѣръ пораженія.

Парижъ можно было взять въ 24 часа, если бы армія двигалась дальше по набережной лѣваго берега, она встрѣтила бы сопротивленіе у морского министерства, на Монмартрѣ, Менильмонтанѣ. При медленномъ продвиженіи, давшемъ возможность организоваться сопротивленію, хватали арестованныхъ въ 8—10 разъ болѣе, чѣмъ было борцовъ, разстрѣливали людей больше, чѣмъ ихъ было за баррикадами, въ то время какъ армія потеряла только 600 убитыми и 7.000 ранеными (Г. Бурманъ. „Исторія Коммуны“ стр. 108).

Число мертвецовъ Коммуны перешло за 20.000, нѣкоторыми опредѣлялось въ 30.000. Начальникъ военной юстиціи, генералъ Аннеръ насчитывалъ 17.000. Число жертвъ, официально не установленное, не поддается учету, но несомнѣнно превышаетъ 3.000.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ бѣшенномъ разгулѣ многими владѣла жажда мести. Они становились тѣмъ болѣе свирѣпыми, чѣмъ яснѣе было ихъ безсиліе, чѣмъ менѣе они могли спастись отъ пораженія. И только теперь, когда Коммуна перестала существовать, начался разстрѣлъ заложниковъ. 21 ворвались версальцы, 22 начались уличные бои, 24 были разстрѣляны заложники.

И даже тутъ, хотя разстрѣлъ былъ больше результатомъ бѣшенства, отчаянія и слѣпой жажды мести, чѣмъ

заранѣе обдуманнаго плана, сказалась противоположность между якобинцами и интернаціоналистами.

Началу разстрѣла положилъ фанатичный бланкистъ Рауль Риго. Онъ приказалъ въ ночь съ 23 на 24 апрѣля вмѣстѣ съ арестованными 18 марта жандармами разстрѣлять арестованнаго въ срединѣ апрѣля редактора Нюдэ, который 22 января отдалъ приказъ стрѣлять въ народъ, причемъ палъ другъ Риго, Сапіа.

24 апрѣля Риго въ свою очередь былъ схваченъ и разстрѣлянъ. Въ это самое время старый бланкистъ Жентонъ требовалъ казни 6 заложниковъ, между ними извѣстныхъ намъ архіепископа Дарбо, предсѣдателя Бонжана и священника Дегерри. Бланкистъ Феррэ далъ ему на это полномочіе.

Команда для разстрѣла состояла почти исключительно изъ молодежи, почти дѣтей. Большинство участниковъ этихъ преступленій едва вышло изъ юношескаго возраста, возбужденное городской развращенностью и страстями, растущими у нихъ раньше бороды и не оставляющихъ мѣста для чувства отвѣтственности (Фіо „Гражданская война“, стр. 523).

Такое же наблюденіе мы можемъ, къ сожалѣнію, сдѣлать нынѣ въ Германіи среди тѣхъ, кто приводитъ въ исполненіе военные приговоры.

26-го бланкистъ Феррэ снова отдаетъ приказъ передать полковнику Гуа, также бланкисту 48 заложниковъ, большей частью изъ духовенства, тайной полиціи и жандармеріи, стрѣлявшихъ 18 марта въ народъ. Онъ увелъ ихъ съ собой въ сопровожденіи вооруженной толпы, бывшей въ состояніи невмѣняемости, ибо она знала, что пощады не будетъ, и что надъ ней самой виситъ смертный приговоръ. Въ безуміи отчаянія она набросилась на заложниковъ и одного за другимъ прикончила ихъ. Тщетно интернаціоналисты Варлэнъ и Серайё пытались спасти ихъ. Они сами едва не стали жертвой линчеванія со стороны толпы, ругавшей ихъ „версальцами“.

28 мая тотъ самый Варлэнъ, который рисковалъ своей

жизнью, въ попыткахъ спасти заложниковъ, по доносу одного священника, узнавшаго его на улицѣ, былъ схваченъ и разстрѣлянъ.

О безчисленныхъ жертвахъ, павшихъ отъ палаческаго вождельнія побѣдителей во время борьбы и послѣ нея, буржуазные круги, столь возмущающіеся терроризмомъ Коммуны, не говорятъ ни слова. Зато они не находятъ достаточно сильныхъ выраженій для преданія проклятію Коммуны, когда они заводятъ рѣчь о пяти десяткахъ заложниковъ, послѣ крушенія Коммуны павшихъ жертвой мести и неуравновѣшенности нѣсколькихъ инсургентовъ, которымъ со стороны версальцевъ грозила неминуемая смерть.

И какъ разъ исторія заложниковъ яснѣе всего показываетъ, какъ далеко была Коммуна отъ всякаго террора. Въ исторіи не найдется ни одной гражданской, даже національной войны, гдѣ бы одна сторона, не взирая на кровавую безчеловѣчность другой, такъ высоко понимала и такъ строго проводила въ своей практикѣ заповѣди человѣчности, — наперекоръ кровожадной болтовнѣ нѣкоторыхъ изъ ея крайне лѣвыхъ радикаловъ, — какъ во время французской гражданской войны 1871 г.

И потому, вторая парижская Коммуна кончила совершенно иначе, чѣмъ первая, проводившая столь энергичный режимъ террора. Террористическій режимъ первой Коммуны палъ безъ всякаго противодѣйствія парижскихъ рабочихъ. Его паденіе было многими встрѣчено, какъ облегченіе, съ рукоплесканіями. Когда 9 Термидора 1794 г. боевыя силы обѣихъ враждующихъ партій пошли другъ на друга, сторонники Робеспьера разбѣжались безъ одного выстрѣла.

За вторую Коммуну парижане стояли до послѣдней возможности съ воодушевленіемъ и стойкостью. Понадобилась цѣлая недѣля упорнѣйшихъ уличныхъ боевъ, чтобы сломить ихъ. Число жертвъ мертвыми, арестованными, бѣглецами, отданныхъ смертному бою Коммуны, достигало

почти 100.000 (Въ іюлѣ 1871 г. его опредѣляли въ 90.000. Бурманъ „Коммуна“, стр. 183).

Да, вторую Коммуну раздирали самыя острыя противорѣчія. Мы видѣли, съ какой враждебностью шли къ послѣднему бою ея оба направленія. Но никогда одно изъ нихъ не подавляло другое террористическими средствами, большевики и меньшевики ея, несмотря ни на что, боролись вмѣстѣ до конца. И такимъ путемъ всѣ направленія социализма имѣли въ Коммунѣ общее представительство всего борющагося пролетаріата. Въ ихъ признаніи объединились Марксъ и Бакунинъ, лассалеанцы и эйзенахцы.

Первое правительство пролетаріата осталось глубоко въ сердцахъ всѣхъ, кто мечтаетъ объ освобожденіи человечества. Могучее вліяніе этой „диктатуры пролетаріата“ на его освободительную борьбу во всѣхъ странахъ не въ малой мѣрѣ зависѣло отъ того, что она и цѣликомъ была проникнута духомъ гуманности, одушевлявшимъ рабочій классъ въ 19 столѣтіи.

7. Смягченіе нравовъ.

а) Звѣрство и человѣчность.

Мы видѣли, что преемники великой французской революціи не повторяютъ ея кровавыхъ актовъ, что съ 1830 по 1871 борцы революціи въ своей практической дѣятельности поступаютъ по возможности гуманно даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они цѣликомъ находятся во власти террористическихъ преданій,—въ противовѣсъ ихъ противникамъ, которые по прежнему примѣняютъ величайшую жестокость, какъ въ іюнѣ 1848, такъ и въ маѣ 1871 г.

Въ теченіе всего 19 столѣтія мы можемъ наблюдать, какъ среди трудовыхъ классовъ нарастаетъ человѣчность.

Но вотъ въ началѣ 20 вѣка разгорается революція въ Россіи и Германіи и разнуздываетъ кровавыя страсти, воскрешающія въ памяти ужасы французской революціи 18 вѣка.

Какъ объяснить эту перемѣну?

По общераспространенному мнѣнію человѣчность является продуктомъ культуры. Человѣкъ по своей природѣ есть, будто бы, злое, противообщественное созданіе съ хищными инстинктами, постоянно готовое напасть на своего ближняго, насиловать мучить, убивать его. И только прогрессъ знанія и техники, иначе говоря культуры, сообщаетъ человѣку социальное чувство, отзывчивость и мягкость, отвращеніе къ жестокости и пролитію крови. Это возрѣніе отражается и въ языкѣ, называющемъ особенности послѣдняго рода человѣчностью, гуманностью (homo — человѣкъ) и клеймящемъ черты жесто-

кости именемъ звѣрства, бестіальности (bestia — звѣрь). Большая часть нашихъ этнологовъ раздѣляетъ до сихъ поръ эту точку зрѣнія, господствующую также въ школѣ Ломброзо, которая въ уголовныхъ преступленіяхъ видитъ явленія атавизма, т. е. возврата къ душевному строю звѣринныхъ праотцевъ человѣка.

Между тѣмъ даже кровожадные звѣри обычно не умерщвляютъ себѣ подобныхъ. И ничто не даетъ намъ права утверждать, что человѣкъ отъ природы является хищнымъ животнымъ съ насильственными, кровожадными инстинктами. Мы не знаемъ звѣринныхъ предковъ человѣка, но должны предположить, что среди живыхъ нынѣ представителей животнаго царства человекоподобныя обезьяны — ближе всего къ нему. И подобно имъ предокъ человѣка питался преимущественно растительной пищей, которую онъ отъ поры до времени пополнялъ маленькими звѣрьками, гусеницами, червями, пресмыкающимися, можетъ быть, неоперившимися птичками, но не убивалъ для ѣды болѣе или менѣе крупныхъ млекопитающихъ. Ни одна обезьяна не дѣлаетъ этого.

И ужъ ни въ коемъ случаѣ не ведетъ обезьяна истребительныхъ войнъ противъ себѣ подобныхъ. Для этого ей не хватаетъ прежде всего необходимыхъ органовъ. Отдѣльные индивиды могутъ вступать въ борьбу изъ-за добычи или самки, причемъ шерсть клочьями летитъ. Но ихъ драки не опасны для жизни.

Картина мѣняется, какъ только техника добавляетъ къ естественнымъ органамъ человѣка инструменты и оружіе, колющія и рѣжущія. Благодаря имъ, человѣкъ приобрѣтаетъ органы хищнаго животнаго, и въ немъ развиваются функціи и инстинкты хищника. Теперь онъ въ состояніи убивать и разрѣзывать на части крупныхъ звѣрей. Растительная пища отступаетъ для него на задній планъ. Охота и пролитіе крови становятся каждодневнымъ занятіемъ.

И теперь столкновенія между отдѣльными индивидами

могутъ уже вести къ смертельнымъ ударамъ и убійству. И все же массовыя убійства, война, не объясняются однимъ только изобрѣтеніемъ оружія.

Война предполагаетъ дальнѣйшій прогрессъ культуры, сліяніе людей въ замкнутыя общества. Такъ какъ этотъ моментъ слишкомъ мало до сихъ поръ принимался во вниманіе, я же лично только вскользь касался его, — будетъ нелишнимъ привести по этому поводу кой-какія соображенія, хотя они и отвлекутъ насъ нѣсколько въ сторону отъ нашей темы.

Человѣкъ несомнѣнно происходитъ отъ общественнаго животнаго, но онъ отличается отъ него тѣмъ, что образуетъ замкнутыя общества. Соціальныя, общественныя животныя живутъ обычно кучками или стадами, имѣющими между собой какую-нибудь непостоянную связь. Въ зависимости отъ жизненныхъ условій, обилія корма, числа враговъ и т. д. одни и тѣ же индивиды то сходятся въ огромныя стада, то распадаются на маленькія кучки, то иногда даже — на отдѣльныя пары, которыя затѣмъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ собираются въ болѣе значительныя массы. И безъ всякихъ затрудненій можетъ каждый индивидъ отъ одной группы перейти къ другой.

Совсѣмъ иное — у человѣка. Пришлось бы слишкомъ уклониться въ сторону, чтобы объяснить, откуда произошла эта разница. Здѣсь достаточно отмѣтить слѣдующее. Средствами взаимопониманія для звѣрей служатъ первичныя звуки которые они, — такъ же, какъ и свой языкъ гримасъ и движеній — издають инстинктивно, которымъ они не должны научиться одинъ отъ другого, которые имъ врождены и поѣтому одинаково всѣмъ имъ доступны и всѣмъ понятны.

Человѣка же возвышаетъ надъ звѣремъ наряду съ его орудіями членораздѣльная рѣчь. Подобно тому органу, который не явился на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, а лишь имъ созданъ, и производству котораго

онъ долженъ научиться у своихъ товарищей, человѣка отличаетъ и то средство взаимопониманія, которое такъ же не врождено ему, а лишь развито его сожителами, и которому поэтому онъ долженъ отъ нихъ научиться. Это средство взаимопониманія неодинаково для всѣхъ родовъ, оно развивается въ разныхъ мѣстностяхъ по разному. И при помощи языка социальное взаимосдѣпленіе становится болѣе тѣснымъ, болѣе интимнымъ, ибо рѣчь дѣлаетъ взаимопониманіе и взаимодействіе болѣе легкими и многосторонними. Но различіе языка надолго размежевываетъ различные толпы и группы людей. Каждый вынужденъ оставаться при той группѣ или таборѣ, чьему языку онъ научился. Съ другими онъ не можетъ столкнуться, съ ними онъ чувствуетъ себя чуждо и неуютно.

Къ этому прибавляется еще одно обстоятельство. Языкъ помогаетъ отдѣльнымъ индивидуумамъ установить свою связь съ другими. Онъ помогаетъ также накапливать воспоминанія. Такимъ образомъ языкъ становится орудіемъ храненія рода. Окрѣпшее животное забываетъ своихъ родителей и братьевъ, которыхъ оно не можетъ уже отличить отъ другихъ соплеменниковъ. Человѣкъ же съумѣлъ на всю свою жизнь удержать свои отношенія къ близкимъ, онъ съумѣлъ также распознавать отцовъ своихъ родителей, дѣтей своихъ дѣтей и т. д.

Думаютъ, что семья является какъ бы даромъ природы. Голосъ крови говоритъ въ ней. Въ дѣйствительности то — голосъ языка, создавшего ее. Безъ родовыхъ признаковъ невозможна семья, какъ постоянное учрежденіе. Голосъ крови умолкаетъ среди звѣрей, какъ только молодь оперилась и стала сама добывать себѣ пищу. Тѣмъ смѣшнѣе, когда въ наше время голосомъ крови пытаются объяснить не только семейственные, но даже и національныя тяготѣнія — напримѣръ: стремленіе австрійскихъ нѣмцевъ къ соединенію съ германскими. Причемъ въ Австріи, несомнѣнно больше гражданъ не нѣмецкаго, а иного, напримѣръ, чешскаго происхожденія.

Замкнутость семьи окрѣпла съ нарожденіемъ домашняго очага и развитіемъ частной собственности на инструменты, оружіе, запасы всякаго рода, переживавшіе своего владѣльца. Послѣ его смерти они переходили прежде всего къ тому, кто жилъ съ нимъ въ постоянномъ общеніи, и такимъ образомъ длительность такого общенія закрѣплялась до смерти этого послѣдняго.

Замкнутость же рода утвердилась благодаря собственности иного порядка, а именно, благодаря общности владѣнія отъ природы полученной землей. И животныя предпочитаютъ мѣста, гдѣ они выросли и чувствуютъ себя дома, гдѣ имъ доподлинно извѣстны всѣ пастбища, всѣ лазейки и опасныя уголки. Но все же границы такихъ мѣстъ не очерчены рѣзко, и тѣ, кому не хватаетъ пищи, или кто наталкивается на слишкомъ большія опасности, по-просту, удлиняютъ границы своихъ владѣній, пока, наконецъ, не находятъ подходящихъ мѣстъ.

Картина мѣняется при возникновеніи замкнутыхъ человѣческихъ обществъ. Переселяясь на новыя мѣста, люди наталкиваются на группы, съ которыми они не въ состояніи столковаться.

Приспособленность населенія къ средствамъ питанія еще не развита въ той мѣрѣ, когда отдѣльные индивиды изъ перенаселенныхъ округовъ перебираются въ слабо населенные — это явленіе встрѣчается на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры, да и то въ несовершенной формѣ. Нѣтъ, таборъ или родъ не разъединяются, а пытаются расширить свою округу на счетъ сосѣдей. Здѣсь — начало войны и массовыхъ убійствъ, какъ только военная техника достигаетъ соответствующаго развитія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что то, что мы называемъ „звѣрствомъ“, характеризуетъ не предковъ человѣка, а является продуктомъ его культурнаго развитія.

И самыя нравственныя воспріятія: чувство солидар-

ности, отзывчивость, состраданіе мѣняютъ при этомъ свой характеръ. У общественныхъ животныхъ они распространяются на всѣхъ индивидовъ даннаго рода, у людей — они ограничиваются лишь тѣснымъ кругомъ даннаго общества. Къ тѣмъ же, кто находится внѣ этого общества, человѣкъ относится по большей части равнодушно, безжалостно, часто враждебно.

Съ развитіемъ сношеній расширяется понятіе общества, членомъ котораго чувствуетъ себя отдѣльный человѣкъ. Теперь мы снова приближаемся къ исходному моменту человѣческаго развитія, наши социальныя, этические воспріятія снова начинаютъ распространяться на всѣхъ индивидовъ того же рода, на все человѣчество. Но все это пока — лишь идеаль, къ которому мы медленно движемся.

Въ то же время экономическое развитіе, благодаря раздѣленію труда и все растущему разнообразію социальныхъ отношеній, создало то, что каждое изъ замкнутыхъ обществъ, слагающихся въ конечномъ итогѣ въ форму государства, снова распадается на всевозможныя группы, которыя опять таки принимаютъ видъ болѣе или менѣе замкнутыхъ обществъ: семьи, церковныя приходы, цехи и т. д. Каждое изъ нихъ въ свою очередь вырабатываетъ свою собственную этику, которая распространяется только на сочленовъ даннаго подотдѣла. И эти подотдѣлы могутъ впасть во взаимную распрю. Они могутъ развитъ въ своихъ внутреннихъ узкихъ рамкахъ величайшую солидарность, взаимопомощь, состраданіе и въ то же время — величайшую безжалостность по отношенію къ другимъ. И чѣмъ рѣзче противорѣчія внутри общества, тѣмъ непримиримѣе они внутри отдѣльнаго человѣка. Дамы рабовладѣльцевъ были любезнѣйшими, очаровательнѣйшими созданіями среди себѣ подобныхъ, были щедры и отзывчивы и въ то же время — жесточайшими истязательницами своихъ рабовъ. Одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть образцомъ мягкосердечія въ своей семьѣ и одновре-

менно — неумолимымъ кредиторомъ и живодеромъ по отношенію къ своимъ рабочимъ.

Культура отнюдь не развиваетъ непрестанно растущаго смягченія нравовъ. Но было бы неменѣе ошибочно утверждать противное и первобытное состояніе размалевывать, какъ идиллію золотого вѣка, изъ котораго мы постепенно докатились до желѣзнаго.

Въ этомъ отношеніи мы можемъ скорѣе установить въ исторіи человѣчества двѣ противоположныхъ тенденціи, изъ коихъ въ зависимости отъ обстоятельствъ получаетъ преобладаніе то одна, то другая.

б) *Двѣ тенденціи.*

Съ одной изъ нихъ мы уже ознакомились. Въ прогрессѣ культуры она проявляется въ постоянномъ улучшеніи смертоноснаго оружія и увеличеніи противорѣчій среди людей. Въ размноженіи ихъ національныхъ противорѣчій: къ изначальному контрасту между перенаселенными и слабо населенными мѣстностями она добавляетъ противоположеніе между богатыми и бѣдными народами; между монополистами природныхъ богатствъ и загнанными въ безлюдныя пустыни; между высокоразвитыми и отсталыми въ индустріальномъ отношеніи. И наконецъ внутри націй тенденція эта ведетъ къ разнообразнѣйшимъ видамъ эксплуатаціи и порабощенія человѣка человѣкомъ и потому къ ненависти и ожесточенію среди нихъ.

Противотенденція проявляется съ началомъ земледѣлства. При предшествующихъ способахъ производства преобладаютъ охота и скотоводство, причемъ послѣднее неменѣе первой связано съ употребленіемъ оружія и пролитіемъ крови при отраженіи хищныхъ звѣрей, въ зачаточныя времена культуры являющихся грозой стадъ. Земледѣлство дѣлаетъ употребленіе оружія излишнимъ. Въ хищныхъ звѣряхъ оно видитъ часто своихъ друзей, истребляющихъ вредителей его урожаявъ.

Еще болѣе, чѣмъ для земледѣльцевъ, является ненужнымъ оружіе для ремесленниковъ и людей интеллигентнаго труда при ихъ способѣ производства. Затрата времени и матеріала для выдѣлки оружія и упражненій съ нимъ была бы для нихъ мотовствомъ.

Такимъ путемъ земледѣлецъ, ремесленникъ и интеллигентъ приобрѣтаютъ все болѣе мирный характеръ. Особенно послѣдніе. Ибо крестьяне и ремесленники нуждаются для своихъ дѣлъ въ мускульной силѣ. И она у нихъ — въ большомъ почетѣ, къ ней прибѣгаютъ не только въ работѣ, но и въ игрѣ, а пуще всего при стычкахъ.

Интеллигентъ въ ней не нуждается. Время, расходуемое другими на развитіе мускуловъ, онъ употребляетъ на умноженіе своихъ познаній или упражненіе своего остроумія. Кто изъ нихъ пытается литературную борьбу вести инымъ оружіемъ, кромѣ оружія мысли, показываетъ лишь свое ничтожество. Этотъ фактъ ни мало не колеблется оттого, что среди нѣмецкаго студенчества отъ поры до времени процвѣтаютъ приемы забіякъ — подъ вліяніемъ той огрубѣлости, которая воцарилась въ эпоху завершившихъ тридцатилѣтнюю религіозныхъ войнъ.

Уже жреческія касты древности, какъ и христіанское духовенство, покуда они не стали господствующимъ и эксплуатирующимъ классомъ, проявляли въ общемъ отвращеніе къ пролитію крови и насилію. То же самое можно сказать и объ интеллигенціи 18 вѣка.

Становясь эксплуататорами, интеллигенты далеко не всегда проявляютъ миролюбивыя наклонности. Но тамъ, гдѣ они не обращаются въ таковыхъ, о нихъ можно сказать то же самое, что о крестьянахъ, ремесленникахъ, пролетаріяхъ. Человѣкъ для нихъ — не средство для чужихъ цѣлей, а самоцѣль или средство для цѣлаго, а не для стремленій другихъ индивидовъ. Этика Канта какъ разъ соотвѣтствуетъ такому взгляду, но выступаетъ она у него не какъ этика опредѣленнаго класса или времени, но какъ потусторонній нравственный законъ, которому

подчиненъ самъ Господь Богъ, такъ какъ и ему не дозволено употреблять людей, какъ средство (для какихъ цѣлей?) (Срав. Кантъ „Критика практическаго разума“, „Бытіе Божіе, какъ постулатъ чистаго практическаго разума“).

И, какъ бы ни обосновывали этотъ взглядъ, но съ нимъ было связано глубочайшее уваженіе къ человѣческой личности, къ святости человѣческой жизни и человѣческаго благополучія. Но эти миролюбивыя тенденціи уже при начаткахъ землешествія и строительства городовъ обнаружили свои недостатки, ибо наиболѣе миролюбивые классы и націи были въ то же время наиболѣе беззащитными. Они были поработаны и стали предметомъ эксплуатаціи со стороны болѣе вооруженныхъ группъ, которыя возвысились надъ ними въ качествѣ военной аристократіи и затѣмъ еще съ большей исключительностью, чѣмъ то дѣлали охотническія и скотоводческія племена, отдались охотѣ и войнѣ, т. е. пролитію крови, и возвели въ принципъ методы и инстинкты хищныхъ звѣрей. Такъ звѣрство и человѣчность стали чертами одного и того же цивилизованнаго общества.

И въ зависимости отъ обстоятельствъ то одна, то другая изъ нихъ получала преобладаніе.

Въ древнемъ Римѣ все населеніе было вовлечено въ завоевательную политику. Благодаря военному перевѣсу, римлянамъ удалось подчинить себѣ всѣ прилегающія къ Средиземному морю страны. Все населеніе жило эксплуатаціей этихъ странъ, оно съ одушевленіемъ относилось къ войнѣ и ея беспощадному веденію. И такъ какъ война доставляла римлянамъ безчисленныя массы дешевыхъ рабовъ, то ихъ излюбленнымъ наслажденіемъ стало зрѣлище рабовъ, играющихъ въ циркахъ въ войну и на потѣху публики избивающихъ на смерть другъ друга. Игры гладиаторовъ, умерщвленіе людей для времяпрепровожденія праздною высокопоставленной и низшей черни являлись, конечно, вершиной отвратительнѣйшей жестокости. И все

же эти забавы характеризуют не Римъ варварскій, а на высотѣ его цивилизаціи. И гладіаторскія игры прекратились лишь тогда, когда подъ натискомъ варваровъ Римъ спустился съ вершины его культуры.

Наряду съ военной знатію въ періодъ экономическаго развитія образовался классъ капиталистовъ съ противорѣчивыми тенденціями. Какъ эксплуататоръ, капиталистъ смотритъ на людей, эксплуатацией которыхъ онъ живетъ, не какъ на самоцѣль, но какъ на средство для его личныхъ цѣлей. Уже одно это несетъ въ себѣ зародышъ безчеловѣчности и жестокости, и лишь отъ обстоятельствъ зависитъ, во что разовьется этотъ зародышъ. Колоніальная политика развернула невѣроятнѣйшіе кровавые ужасы. Съ другой стороны въ эпоху торговыхъ монополій выступило противорѣчіе между торговымъ и промышленнымъ капиталомъ. Торговый капиталъ въ этотъ періодъ является воинственнымъ и неразборчивымъ въ средствахъ. Онъ уничтожаетъ и грабитъ населеніе Индіи, ведетъ торговлю неграми, толкаетъ правительства на кровавыя, изнурительныя войны.

Промышленный капиталъ долженъ былъ оплачивать стоимость этихъ войнъ и потому относился къ нимъ не только отрицательно, но съ негодованіемъ. Его сочувствіе — всецѣло на сторонѣ черныхъ невольниковъ Западной Индіи, а у себя въ Англіи онъ безъ сожалѣнія терзаетъ бѣлыхъ женщинъ и дѣтей непосильной работой при голодномъ заработкѣ.

Но и пролетаріатъ не обнаруживаетъ въ этотъ періодъ единой тенденціи. Мы видѣли, что его жизненные условія требуютъ уваженія къ святости человѣческой жизни, ибо пролетаріатъ не только не эксплуатируетъ, но самъ является эксплуатируемымъ классомъ, который всѣхъ больше страдаетъ отъ презрѣнія къ человѣческой жизни. И война, за малыми исключеніями вродѣ древняго Рима, приноситъ ему лишь страданія и опасности, славу же и

добычу — лишь властвующимъ. Все это приводитъ пролетаріатъ къ отвращенію къ кровопролитію и жестокости всякаго рода.

На историческую сцену пролетаріатъ выступаетъ, однако, не сразу какъ пролетаріатъ промышленный. Онъ появляется въ массахъ еще до того, какъ созрѣваетъ современная крупная промышленность, благодаря разложенію феодализма, который возлагаетъ на крестьянъ все большія подати, такъ что крестьянское хозяйство приходитъ въ упадокъ, и его продуктивность понижается. Въ результатъ сельское хозяйство высвобождаетъ все большія рабочія силы, а тягота работы еще оставшихся при крестьянствѣ увеличивается. Въ промышленности того времени остающіяся безъ дѣла рабочія силы лишь частью находятъ примѣненіе, такъ какъ она сама связана цеховыми рамками. Безчисленныя массы безработнаго, голоднаго, доведеннаго до отчаянія пролетаріата разливаются по странѣ, и тѣ, кто не можетъ себѣ добыть пропитаніе въ производительномъ трудѣ, начинаютъ паразитическое существованіе, прибѣгая къ нищенству, воровству и грабежамъ. Проводя свои дни въ грязи и нищенствѣ, преслѣдуемые и презираемые, они уже по одному этому переполняются дикой ненавистью къ обществу. Но ненависть эта еще крѣпнеть благодаря тому, что властвующие, неспособные и несклонные устранить этотъ бичъ народный реформами, прибѣгаютъ къ средству, единственно доступному такой неспособности и несклонности, — къ террору. Устрашеніе должно удержатъ изголодавшихся отъ попрошайничества, кражъ, обмана, проституціи, разбоя. Невѣроятнѣйшія наказанія придумываются для несчастныхъ, — воистину „кровавое законодательство противъ бродяжничества“, какъ выражается Марксъ, приводящій въ своемъ „Капиталѣ“ многочисленныя иллюстраціи къ этому законодательству.

Результатъ былъ именно тотъ, какой даетъ всякое господство террора, который хочетъ устранить социальныя

результаты, не будучи способнымъ измѣнить производящую ихъ почву. Число преступниковъ не уменьшалось, сколько бы ихъ ни посылали на галеры, вѣшали и колесовали. Избѣгнувшимъ возмездія не оставалось иного выбора, какъ продолженіе воровского ремесла. И имъ занимались въ непрестанной борьбѣ съ полиціей. Единственно замѣтнымъ результатомъ было постоянное одичаніе пролетаріата, ненависть, злоба, кровожадность и жестокость котораго, въ отвѣтъ на жестокость и безсердечіе расправъ надъ нимъ, поднялись до крайнихъ предѣловъ.

Въ началѣ все это происходило, конечно, въ средѣ уголовной части пролетаріата. Но онъ былъ тогда столь многочисленъ, благодаря разнообразнымъ узамъ родства, сосѣдства, товарищества, въ такой тѣсной связи съ возникавшимъ тогда промышленнымъ пролетаріатомъ, низшими слоями мѣщанства и крестьянства, — одной ногой также стоявшими у черты бродяжничества, — что его чувства и помыслы окрашивали и ихъ настроенія.

Такимъ путемъ чувства человѣчности ко времени французской революціи были присущи ограниченному кругу интеллигенціи и находившейся подъ ея вліяніемъ части зажиточнаго мѣщанства, а также капиталистовъ-промышленниковъ. Въ пролетаріатѣ и близко стоявшихъ къ нему слояхъ взрожденное кровавымъ законодательствомъ одичаніе и огрубѣлость должны были тотчасъ же безпрепятственно вылиться наружу, какъ только потерпѣла крушеніе государственная власть, подъ давленіемъ которой эти чувства были загнаны въ подполье.

в) *Кровавые ужасы и терроръ.*

При такомъ (вызванномъ политикой господствующихъ классовъ) воспитаніи бѣднѣйшихъ слоевъ населенія, нечего удивляться, что революціонные элементы, получивъ свободу дѣйствій, придавали своей борьбѣ очень часто дикій и жестокий характеръ и тѣмъ обратили великую революцію въ одну изъ самыхъ кровавыхъ.

Нельзя, однако, всё кровавые ужасы революціи бросать въ одну кучу. Необходимо точно различать эксцессы, допускаемые огрубѣлой массой въ пылу борьбы изъ отчаянія или безсмысленнаго страха, и хорошо обдуманную систему террора, планомѣрно, въ формахъ закона вводимую владыками государства для насильственного устраненія элементовъ, кажущихся имъ опасными.

Кровавые эксцессы, внезапно овладѣвающіе массами, мы находимъ съ самаго начала революціи. Начало же террора можно отнести лишь къ лѣту 1793 г., когда были схвачены и умерщвлены жирондисты.

Звѣрства массъ обнаружались уже въ день взятія Бастиліи. Изъ гарнизона, который капитулировалъ, часть не только была перебита, но сверхъ того обезглавлена, причемъ отрубленные головы были насажены на пики и съ триумфомъ проносились по городу. И этотъ парадъ головъ на пикахъ неразъ затѣмъ повторялся въ теченіе революціи.

Жажда крови и жестокость стали еще настойчивѣе, когда открылась война революціи противъ монарховъ Европы, прусская армія двинулась на Парижъ, прусскій главнокомандующій герцогъ Брауншвейгскій издалъ манифестъ съ угрозой уничтожить Парижъ, и распространились слухи о заговорѣ аристократовъ для поддержки внѣшнихъ враговъ. Тогда парижане поднялись въ безмѣрномъ, исполненномъ страха бѣшенствѣ и бросились въ тюрьмы истреблять арестованныхъ политическихъ. То было 2 сентября 1792 г. Этотъ кровавый актъ, стоившій жизни 3000 человѣкъ, образуетъ вершину мерзостей великой революціи. Форменное кровавое опьяненіе овладѣло массой палачей; они не довольствовались убійствомъ, они съ наслажденіемъ купались въ крови.

Принцесса де-Ламбаль, все преступленіе которой состояло въ томъ, что она была подругой королевы, не только была умерщвлена, но ея трупъ былъ вскрытъ, и

сердце вырвано. Да, Мерсье рассказывает даже (см. *Le nouveau Paris*, стр. III), что животное, которое ее изувачило, вырвало у нея срамные волосы, чтобы смастерить себѣ изъ нихъ усы.

И ея голова, какъ и многихъ другихъ, была посажена на пику и принесена къ окну королевы, которая отъ такого зрѣлища упала въ обморокъ. И даже снисходительность принимала отвратительныя формы. Фактъ изъ жизни дѣвицы Сомбрюэль рисуешь такую картину. Во время сентябрьскихъ убійствъ Сомбрюэль была въ тюрьмѣ у своего арестованнаго отца. На глазахъ послѣдняго нѣкому Сень-Марту раскроили черепъ. Та же судьба должна была постигнуть Сомбрюэля. Тогда дочь покрыла отца своимъ тѣломъ, сопротивлялась убійцамъ долго, покуда ей удалось послѣ нанесенныхъ ей трехъ ранъ

тронуть сердца убійцъ. Одинъ изъ нихъ взялъ стаканъ, наполнилъ его кровью, струившейся изъ черепа Сень-Марта, смѣшалъ его съ виномъ и порохомъ и предложилъ дѣвицѣ Сомбрюэль выпить его за здоровье націи. Если она это сдѣлаетъ, тогда она можетъ считать отца спасеннымъ. Она безъ замедленія выпила и вслѣдъ затѣмъ была вынесена на рукахъ тѣми же самыми убійцами. (Это сообщеніе напечатано въ изданныхъ Густавомъ Ландауэромъ „Письмахъ изъ временъ французской революціи“, — книгѣ, законченной въ лѣто, предшествовавшее послѣдней германской революціи. Предисловіе, написанное въ іюнѣ 1918 г., заканчивается пожеланіемъ:

— Да послужить намъ предостереженіемъ интимное знакомство съ духомъ и трагедіей революціи въ предстоящее намъ отвѣтственное время.

Несчастный и не думаль, какъ быстро въ это „отвѣтственное время“ „трагедія революціи“ обрушится на него самого *).

Несомнѣнно, расправы возмущенныхъ и отчаявшихся массъ были страшны. Но не революцію слѣдуетъ обви-

*) Густавъ Ландауэръ былъ растерзанъ толпой солдатъ послѣ подавленія мюнхенской совѣтской республики. (Прим. переводч.)

нять въ этомъ, если вообще противъ стихійныхъ движеній такого рода можно воздвигать обвиненія. Они были результатомъ воспитанія, которое въ теченіе долгихъ лѣтъ непрерывно преподавалось народу высшими властями государства. Только одинъ примѣръ изъ безконечнаго ряда другихъ:

Въ 1757 г. нѣкій Дамьенъ покушался на Людовика XV и чѣмъ-то вродѣ перочиннаго ножа нанесъ ему царапину, оказавшуюся совершенно незначительной. Но месть была ужасная. Дамьену отрубили правую руку и сожгли ее у него на глазахъ. Ему нанесли раны на рукахъ, ногахъ и груди и въ нихъ лили кипящее масло и расплавленное олово. Затѣмъ его привязали къ двумъ лошадямъ и погнали ихъ въ разныя стороны, такъ что онѣ разорвали въ клочки его тѣло.

Эта наглая пытка была произведена публично, чтобы произвести впечатлѣніе на общественность. Какое впечатлѣніе она произвела, мы теперь знаемъ.

И такія гнусности свершались вплоть до самой революціи. Только она положила имъ конецъ. Еще 13 августа 1789 г. Готье де-Бюца сообщалъ изъ Версаля:

Въ послѣдній вторникъ, около полудня населеніе Версаля не допустило свершенія казни преступника, за отцеубійство присужденнаго къ колесованію и сожженію заживо (Ландауэръ, „Письма“).

Эти звѣрства сверху предшествовали звѣрствамъ снизу. Кровавыя расправы, внезапно исходившія отъ массъ, отнюдь не встрѣчали сочувствія сознательныхъ вождей революціи. Они глубоко сожалѣли о нихъ, какъ и о сентябрьскихъ убійствахъ, которыя фальсификаторы исторіи пытаются отнести на ихъ счетъ. Если имъ по этому поводу и можно сдѣлать упреки, то лишь въ томъ отношеніи, что они не препятствовали взрыву народнаго бѣшенства. Но проявленіе его дѣйствовало такъ устрашающе, что никто, въ томъ числѣ и жирондисты, не смѣли попасться ему подъ руку. Комиссары Коммуны съ

опасностью для жизни приложили всё стараніе спасти придворныхъ дамъ, что имъ и удалось — за исключеніемъ упомянутой выше принцессы де-Ламбаль. (Крапоткинъ, „Французская революція“. Т. II, стр. 5).

Къ тѣмъ, кто всего больше былъ возмущенъ сентябрьскими убійствами, принадлежалъ Робеспьеръ. Страдачески восклицалъ онъ:

Кровь, всегда кровь! Ахъ, несчастные кончатъ тѣмъ, что потопятъ революцію въ крови! (Луи-Бланъ, „Французская революція“, II, стр. 207).

И даже самъ Маратъ въ ужасѣ отшатнулся отъ сентябрьскихъ убійствъ.

Характерно, — что, насколько мнѣ извѣстно, не отмѣчено еще ни однимъ историкомъ, — что даже Маратъ отрекся или, по крайней мѣрѣ, сожалѣлъ о сентябрьскихъ убійствахъ, тотъ самый Маратъ, который въ своей газетѣ отъ 19 августа рекомендовалъ ихъ, и чье благодѣяніе онъ 2 сентября хотѣлъ видѣть распространеннымъ на всю Францію (Жанъ Жоресъ, „La Convention“, I, стр. 75).

Во всякомъ случаѣ Маратомъ въ его осужденіи сентябрьскихъ убійствъ руководили больше политическія соображенія, а не чувства человѣчности. Напротивъ того, Робеспьеръ принадлежалъ къ интеллигентамъ, въ которыхъ всякое кровопролитіе вызывало отвращеніе. Это показалъ онъ въ уже въ Національномъ Учредительномъ Собраніи, когда 30 мая 1791 г. при обсужденіи новаго уголовного уложенія рѣчь зашла о смертной казни. Робеспьеръ былъ изъ числа тѣхъ, кто рѣшительно боролся противъ нея, такъ какъ она преступниковъ не запугиваетъ, а въ населеніи воспитываетъ лишь свирѣпость и привычку къ насильничеству.

Его попытки оказались тщетными. Смертная казнь осталась, устранены были только ея жестокіе способы. Было сохранено одно обезглавленіе.

Это постановленіе побудило Марата, въ противовѣсъ Робеспьеру, привѣтствовать Національное собраніе. Два года спустя этотъ послѣдній призналъ себя вынужденнымъ

перейти на сторону Марата и преодолѣть въ себѣ отвращеніе къ смертной казни. Теперь она стала его излюбленнымъ средствомъ политической борьбы, даже по отношенію къ друзьямъ.

Мы уже указали, что планомѣрно проведенный и все-сторонне обдуманый терроръ нельзя смѣшивать съ эксцессами взбудораженной толпы. Эти эксцессы исходили изъ самыхъ некультурныхъ, грубѣйшихъ слоевъ населенія, терроръ же осуществлялся высоко-культурными, исполненными гуманности людьми.

Онъ возникъ подъ вліяніемъ обстановки совершенно инымъ путемъ, чѣмъ тѣ внезапныя проявленія жестокости. Эти послѣднія явились результатомъ кроваваго законодательства стараго режима противъ бѣдности, а терроръ былъ навязанъ якобинцамъ тѣмъ, что они при тягчайшихъ условіяхъ, въ разгаръ войны и совпавшей съ ихъ господствомъ нищеты массъ должны были разрѣшить неразрѣшимую задачу: укрѣпить основы буржуазнаго общества и частной собственности и устранить народныя бѣдствія. И они очутились въ отчаяннѣйшемъ положеніи, изъ котораго они не могли найти иного выхода, какъ только примѣняя то средство, которое вызывало въ нихъ омерзѣніе, и бесполезность котораго они возвѣстили сами. Нищета массъ побудила старый режимъ къ кровавому законодательству, служившему для него средствомъ террора. И та же нищета массъ породила кровавое законодательство — терроризмъ новаго. И разница была лишь въ томъ, что старое государство пыталось быть властелиномъ бѣдствующей массы при помощи обезглавленія и истязаній бѣдныхъ. Новое государство стремилось смягчить страданія массъ обезглавленіемъ — безъ истязаній — богачей и ихъ приспѣшниковъ.

И все же старый режимъ столь же далекъ былъ отъ своей цѣли, какъ и новый. Но и тутъ было нѣкое различіе. Существованіе стараго режима не зависѣло оттого, будетъ или не будетъ съ помощью его террора устраненъ

пролетаріатъ. Бесплодность террора была, конечно, для него неудобствомъ своего рода, но не представляла никакой опасности для стараго государства, ибо классъ, который оно держало въ черномъ тѣлѣ — люмпенъ-пролетаріатъ, собственной силой ни въ коемъ случаѣ не могъ подняться къ власти и экономически былъ совершенно ненужнымъ.

Новый режимъ, наоборотъ, оказался банкротомъ и потерпѣлъ крушеніе, какъ только его терроръ проявилъ свое безсиліе: ибо классъ, который этотъ режимъ стремился держать въ черномъ тѣлѣ — буржуазія — при данныхъ условіяхъ всего болѣе созрѣлъ для власти. И онъ былъ тогда и экономически необходимымъ. Насиліе надъ нимъ препятствовало общественному развитію, производительности, и порождало поэтому въ концѣ концовъ еще болѣшую нищету даже среди тѣхъ, кому имѣлось въ виду помочь при посредствѣ террора.

И еще одно различіе имѣется между старо- и новорежимнымъ терроромъ. Первый вполне соотвѣтствовалъ этикѣ круговъ, его насаждавшихъ. Имъ незначѣмъ было измѣнять самимъ себѣ для его проведенія въ жизнь. Для нихъ онъ былъ естественнымъ, само собой разумѣющимся явленіемъ.

Новый терроръ былъ созданъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ этикой класса, его осуществлявшаго. И уже съ самаго начала совѣсть террористовъ была неспокойна. Они усыпляли ее софистикой всякаго рода, но она все-же подрывала ихъ моральную стойкость, парализовала ихъ увѣренность, усиливала ихъ раздражительность и нѣкоторыхъ изъ нихъ довела до коррупціи.

Нѣтъ, конечно, какой-то абсолютной морали, которая пребываетъ гдѣ-то надъ звѣздами; мораль всякаго времени, каждой страны, каждаго класса есть нѣчто относительное, и все же этика является прочнѣйшей связью и сильнѣйшей опорой во всѣхъ осложненіяхъ и столкновеніяхъ жизни. Самое худшее — измѣнить самому себѣ, дѣйстви-

вать наперекоръ моральнымъ заповѣдямъ, которыя самъ призналъ для себя категорическимъ императивомъ.

И въ огромной мѣрѣ нужно приписать этому обстоятельству тотъ фактъ, что терроръ, какъ только онъ натолкнулся на энергичное противодѣйствіе, тотчасъ же треснулъ по швамъ безъ сопротивленія. И какъ быстро повернули оставшіеся въ живыхъ террористы къ инымъ воззрѣніямъ! Монархисты-легитимисты были болѣе опасны Наполеону, чѣмъ старые республиканцы. Доказательство, какъ тяжело страдало нравственное чувство послѣднихъ при режимѣ террора.

г) Смягченіе нравовъ въ 19 столѣтіи.

Великая французская революція принадлежитъ къ самымъ кровавымъ эпохамъ всемірной революціи. Многіе умозаключили отсюда, что кровопролитіе является неустранимой функціей истинной революціи и потому или проклинали революцію, или прославляли кровопролитіе. Въ дѣйствительности революція въ 1789 г. устранила важнѣйшія причины, сообщившія ей столь жестокой и насильственный характеръ, и подготовила для будущихъ революцій болѣе мягкія формы. Она достигла этого съ одной стороны устраненіемъ феодализма и поощреніемъ промышленнаго капитала, обратившаго массы пролетаріата изъ люмпенъ-пролетаріата въ наемныхъ рабочихъ. Съ другой стороны — раскрѣпощеніемъ движенія, которое повсюду ранѣе или позже закончилось побѣдой демократіи. И наконецъ — тѣмъ, что, благодаря изученію революціи и капитализма возникла теорія, которая партіи пролетаріата даетъ возможности во всякій моментъ ставить передъ собой только достижимую цѣль практическаго дѣйствія, такъ что она не обрекается на заходъ въ тупикъ, въ которомъ видитъ себя вынужденной къ примѣненію террора.

Благодаря революціи, крестьянинъ сталъ свободнымъ господиномъ своей земли. И крестьянское хозяйство поднялось на болѣе высокую ступень, доставляло большія вы-

годы, остававшіеся въ распоряженіи крестьянина. И такимъ путемъ уменьшилось количество излишнихъ рабочихъ рукъ, высвобождаемыхъ сельскимъ хозяйствомъ.

Съ другой стороны, потокъ ищущихъ работы изъ деревень теперь легче находилъ занятія въ городахъ. Цеховыя перегородки пали, ремесло могло развиваться свободно. Правда, одно за другимъ оно вытѣснялось растущимъ промышленнымъ капиталомъ, но онъ самъ вмѣстѣ со своимъ ростомъ увеличивалъ спросъ на рабочія силы.

Промышленный пролетаріатъ сталъ теперь особымъ классомъ со своимъ собственнымъ классовымъ сознаніемъ, все рѣзче отдѣлявшимся отъ люмпень-пролетаріата. Капиталъ ухудшилъ, положеніе промышленнаго пролетаріата по сравненію съ обстановкой самостоятельныхъ ремесленниковъ и ремесленныхъ мастеровъ въ эпоху процвѣтанія ремесленничества. Но по сравненію съ положеніемъ люмпень-пролетаріата онъ безъ сомнѣнія улучшилъ его жизненные условія. Люмпень-пролетаріатъ неспособенъ ни къ какой классовой борьбѣ. Промышленный пролетаріатъ, благодаря своей классовой борьбѣ, своимъ организаціямъ, своимъ успѣхамъ, поднялся прямо-таки на удивительную интеллектуальную и моральную высоту.

Вначалѣ промышленный пролетаріатъ былъ, конечно, задавленъ капиталомъ не только экономически, но и морально. Въ жилищныхъ условіяхъ, скудости и непрочности существованія, въ невѣжествѣ своемъ онъ не только не поднялся надъ люмпень-пролетаріатомъ, онъ стоялъ ниже его по монотонности своей жизни, постоянному принужденію фабричной дисциплины, исключавшей какую бы то ни было свободу, по мучительной изнурительности женскаго и дѣтскаго труда. Отважность болѣе сильной части люмпень-пролетаріата, благодаря всему этому, исчезла у наемныхъ рабочихъ, его тупоуміе увеличилось, а грубость не уменьшилась.

Въ этой стадіи своего развитія промышленный пролетаріатъ не былъ въ состояніи добиться освобожденія

собственными средствами. И лишь медленно удалось одному за другимъ слоямъ его выбраться изъ казавшагося безнадежнымъ болота. Чѣмъ дальше продолжался этотъ процессъ, тѣмъ болѣе заложенный въ основу его класса тенденціи становились гуманными, чему также благопріятствовало то обстоятельство, что подъ вліяніемъ революціи и ея результатовъ и уголовныя наказанія пролетаріата постепенно утрачивали свой прежній жестокой характеръ.

Таковы причины того факта, на который мы уже указали, что революціонная часть пролетаріата въ движеніяхъ 19 вѣка проявляетъ себя въ качествѣ исполненнаго величайшей гуманиности класса, все болѣе отдаляющагося отъ дикаго озвѣрѣнія, отмѣчавшаго его предшественниковъ въ великую французскую революцію и установленнаго Энгельсомъ еще въ сороковыхъ годахъ 19 вѣка среди фабричнаго пролетаріата Англіи.

Одновременно исчезали причины, ведшія къ террору. Уже вскорѣ послѣ его крушенія болѣе глубокіе изслѣдователи-друзья пролетаріата убѣдились, что освобожденіе его невозможно въ рамкахъ буржуазнаго общества. Они пришли къ выводу, что эта цѣль можетъ быть достигнута только путемъ устраненія частной собственности на орудія производства и введенія общественнаго способа производства. Но они не находили для этого необходимыхъ матеріальныхъ предпосылокъ у капитала и моральныхъ — среди пролетаріата и они не думали, что экономическое развитіе и классовая борьба могутъ создать эти предпосылки. Поэтому они добивались „разрѣшенія социальнаго вопроса“, плана или формулы, которые при всякихъ условіяхъ могутъ быть тотчасъ же проведены въ жизнь, какъ только необходимая для этого сила будетъ въ ихъ распоряженіи.

Когда революціонные пролетаріи увлекались этой идеей и „силу“ искали не въ нѣкоемъ возвышенно настроенномъ милліонерѣ, а въ политической диктатурѣ по образцу парижской коммуны, то всякій подобный опытъ, предпри-

нятый меньшинствомъ, долженъ былъ привести къ террору, какъ и господство этой коммуны. Правда, стремленія были на этотъ разъ болѣе раціональными. Рѣчь шла уже не о ликвидаціи результатовъ буржуазнаго общества при сохраненіи его самого, а объ устраненіи результатовъ чрезъ изъятіе ихъ первопричинъ. Но и это стремленіе при попыткѣ практически осуществить его должно было потерпѣть крахъ, покуда для устраненія основопричинъ не имѣлось общественныхъ предпосылокъ. Было бы равнозначаше съ опытомъ меньшинства — навязываніе большинству невозможнаго или нецѣлесообразнаго, его интересамъ противорѣчащаго, и это навязываніе было бы возможно лишь при помощи самыхъ насильственныхъ методовъ, которые въ концѣ концовъ съ необходимостью должны были бы завершиться кровавымъ ужасомъ.

То, что дѣло не дошло до этого, объясняется — помимо того, что рабочіе лишь постепенно усваивали идеи социализма, — тѣмъ, что въ продолженіе многихъ десятилѣтій пролетаріатъ нигдѣ не завоевывалъ столь господствующей позиціи, какую онъ въ союзѣ съ близко стоящими къ нему слоями мѣщанства завоевалъ въ Парижѣ послѣ 1789 г. и удержалъ до 1794 г.

Вторая Коммуна принесла ему, правда, господство надъ Парижемъ, но не надъ Франціей. Однако, и въ Парижѣ перевѣсъ былъ тогда не на сторонѣ социалистовъ. Наконецъ, эти послѣдніе какъ разъ тогда не располагали прочной теоретической основой и были поэтому осторожны и сдержанны.

Прочную основу они пріобрѣли послѣ Коммуны, когда марксизмъ сталъ проникать въ массы. То была система, которую Марксъ и Энгельсъ создали въ сороковыхъ годахъ, въ пятидесятихъ и шестидесятихъ углубили — система историческаго матеріализма. Они внесли идею законмѣрнаго развитія въ исторію, которое обусловлено по ихъ толкованію развитіемъ экономическимъ. Съ этой точки зрѣнія они установили, что капиталистическій способъ

производства дѣлаетъ необходимымъ и неизбежнымъ соціалистическій способъ производства, но они установили также бесплодность всякой попытки ввести этотъ второй способъ производства на мѣсто перваго, пока условія не созрѣли достаточно.

И для нихъ задача соціалистовъ заключалась не въ отысканіи плана или формулы немедленнаго введенія повсюду, при всякихъ обстоятельствахъ, соціализаціи, а въ изученіи экономическаго положенія съ тѣмъ, чтобы на основѣ этого изученія установить для даннаго общества необходимыя по времени достиженія и ихъ отстоять.

Задача соціалистовъ состояла такимъ образомъ не только въ проведеніи соціализма. Они должны были тамъ, гдѣ соціализмъ еще неосуществимъ, вмѣшаться въ процессъ капиталистическаго хозяйствованія и способствовать его развитію на благо пролетаріата.

Эти положенія были усвоены соціалистами слишкомъ медленно. Даже въ Интернаціоналѣ, и еще много лѣтъ спустя, соціалисты съ презрѣніемъ относились къ такимъ явленіямъ, какъ свободная торговля или стачка, такъ какъ они не затрачивали системы наемнаго труда. Марксъ и Энгельсъ учили рабочихъ уясненію, для дѣла освобожденія труда, экономическихъ проблемъ и конфликтовъ капиталистической современности.

Для марксистски воспитаннаго пролетаріата соціализмъ пересталъ отнынѣ быть чѣмъ-то, что тотчасъ же и повсюду при всякихъ условіяхъ можетъ быть осуществлено.

И тамъ, гдѣ пролетаріатъ завоевалъ бы политическую власть, онъ долженъ былъ бы лишь постольку проводить соціализмъ, поскольку это было бы возможно въ данной обстановкѣ и въ формахъ, соответствующихъ особымъ условіямъ. Осуществленіе соціализма по этому воззрѣнію не могло произойти по мановенію руки: оно становилось дѣломъ долгаго историческаго процесса. При этомъ вниманіе соціалистовъ постоянно обращалось на то, чтобы они въ каждый отдѣльный моментъ ставили предъ собой лишь

такія задачи, которыя при данномъ соотношеніи силъ и матеріальныхъ условіяхъ поддаются разрѣшенію. И если-бы компетентно вырабатывалась линія поведенія въ соотвѣтствіи съ изложенной точкой зрѣнія, — то исключена была бы возможность того, что социалисты терпѣли бы крахъ въ своихъ начинаніяхъ, или что они попадали бы въ такое отчаянное положеніе, которое принуждало бы ихъ вопреки духу пролетаріата и социализма къ кровавому массовому террору.

И, дѣйствительно, съ того времени, какъ социалистическое движеніе идетъ подъ знаменемъ марксизма, оно до самой всемірной войны при всякомъ своемъ огромномъ сознательномъ шагѣ было гарантировано отъ крупныхъ пораженій, и мысль утвердить себя при помощи террора исчезла изъ рядовъ социализма.

Большую роль сыграло при этомъ то обстоятельство, что въ то самое время, какъ марксизмъ сдѣлался господствующимъ социалистическимъ ученіемъ, демократія внидрилась въ Западной Европѣ и изъ объекта борьбы превратилась въ прочную основу политической жизни. Этимъ путемъ не только были облегчены организація и воспитаніе пролетаріата, но также углублено его пониманіе экономическихъ условій и соотношенія классовыхъ силъ, въ результатъ чего не стало мѣста для фантастическихъ авантюръ, и одновременно была отвергнута гражданская война, какъ методъ классовой борьбы.

Въ 1902 г. я писалъ въ моей работѣ „Соціальная революція“ (глава 6, „Демократія“):

Демократія уже потому является завоеваніемъ высшей цѣнности, что она дѣлаетъ возможными болѣе высокія формы революціонной борьбы. Она не будетъ уже, какъ въ 1789 и 1848 гг., борьбой неорганизованныхъ массъ безъ всякаго политическаго воспитанія, безъ всякаго пониманія соотношенія борющихся силъ, безъ всякой способности уяснить задачи борьбы и средства ихъ разрѣшенія, она не будетъ болѣе борьбой массъ, которыя каждый слухъ, каждая случайность приводятъ въ разстройство и замѣшательство.

То будетъ борьба организованныхъ, сознательныхъ массъ, и исполненныхъ стойкости и осмотрительности, которыя не слѣдуютъ каждому призыву, не воспламеняются по всякому поводу, но и не теряютъ мужества изъ-за каждой неудачи.

Съ другой стороны и избирательная борьба является средствомъ совершать подсчетъ своихъ и вражескихъ рядовъ, составлять такимъ образомъ ясное представленіе о соотношеніи классовыхъ силъ и партій, объ ихъ успѣхахъ и ослабленіи. Она, благодаря этому, удерживаетъ отъ не-своевременныхъ выступленій и предохраняетъ отъ пораженій. Она создаетъ въ то же время возможность того, что противникъ самъ сознаетъ слабость извѣстныхъ позицій и добровольно сдаетъ ихъ, если съ удержаніемъ ихъ не связаны вопросы его существованія. И такимъ образомъ борьба будетъ не столь жестокой, не будетъ требовать столько жертвъ и меньше будетъ зависѣть отъ слѣпыхъ случайностей.

Соединеннымъ усиліямъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ: образованію промышленнаго пролетаріата, поднятію его надъ уровнемъ люмпенъ-пролетаріата, развитію социалистической теоріи и укрѣпленію демократіи, всѣмъ этимъ факторамъ удалось все болѣе оттѣснить на задній планъ мрачное опасеніе, которое высказалъ Энгельсъ еще въ 1845 г. въ своемъ трудѣ „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“:

Если англійская буржуазія не образумится — а этого она по всѣмъ видимостямъ не сдѣлаетъ — то разразится революція, съ которой не сравнится ни одна изъ предшествующихъ. Доведенные до отчаянія пролетаріи зажгутъ пожаръ, народная месть разольется въ бѣшенствѣ, о которомъ 1793 г. не даетъ намъ ни малѣйшаго представленія. Война бѣдныхъ противъ богатыхъ будетъ самой кровавой, какихъ еще до сихъ поръ не было.

Впрочемъ, Энгельсъ писалъ это опасеніе только на случай, если революція, какъ онъ ожидалъ, разразится немедленно. Но и для сороковыхъ годовъ оно было уже нѣсколько преувеличеннымъ, несмотря на огромный приливъ къ промышленности въ высшей степени неразвитыхъ, а именно ирландскихъ, очень близко къ люмпенъ-пролета-

ріату стоящихъ элементовъ. Но и самъ Энгельсъ ожидалъ, что, въ случаѣ революціи разразится не такъ скоро, пролетаріатъ будетъ имѣть время развиться и исполниться социалистическаго духа, а революція, благодаря этому, приметъ болѣе мягкія формы:

Въ той мѣрѣ, въ какой пролетаріатъ вбираетъ въ себя социалистическіе и коммунистическіе элементы, въ этой, именно, мѣрѣ революція теряетъ въ кровопролитности, мстительности и бѣшенствѣ своемъ.

Революція, которую ожидалъ Энгельсъ, разразилась въ 1848 г., но не въ Англіи. Послѣ ея провала, во всѣхъ странахъ Европы началась эпоха капиталистическаго развитія, которое сопровождалось могущественнымъ экономическимъ, политическимъ, интеллектуальнымъ и моральнымъ подъемомъ рабочаго класса. И картина передовыхъ европейскихъ странъ быстро измѣнилась. Уже въ 1872 г., годъ спустя послѣ коммуны, Марксъ высказалъ надежду, что пролетарская революція въ такихъ странахъ, какъ Америка, Англія, Голландія, приметъ мирный характеръ.

Съ тѣхъ поръ подъемъ пролетаріата сдѣлалъ дальнейшіе успѣхи. Правда, никто изъ изучавшихъ вопросъ не могъ сомнѣваться, что военная монархія, подобная германской, австрійской, россійской, можетъ быть свергнута лишь силой, но при этомъ имѣлась въ виду не столько кровавая сила оружія, сколько присущее пролетаріату могучее средство прекращенія работы, массовая стачка. Правда, нельзя было упускать изъ виду, что господа стараго режима въ Германіи и Россіи всякую попытку ихъ устраненія потопятъ въ крови. Но что значительная часть пролетаріата, придя къ власти, снова, какъ 18 вѣкъ, выльетъ свою ярость въ кровопролитіи, мести и бѣшенствѣ, этого ожидать было нельзя. Это опрокинуло бы вверхъ ногами все развитіе.

Въ противовѣсъ возрѣнію Энгельса, автора работы „Развитіе социализма отъ утопіи къ наукѣ“, ожидавшаго прогрессивнаго ослабленія дикости и свирѣпости въ про-

летарской революціи, находится взглядъ, высказанный недавно въ разсужденіи, озаглавленномъ: „Развитіе социализма отъ науки къ дѣйствию“, — разсужденіи, составляющемъ предисловіе къ брошюрѣ Н. Бухарина „Коммунистическая программа“ (Цюрихъ, 1918 г.). Тамъ значится:

Чѣмъ сильнѣе капитализмъ развитъ въ странѣ, тѣмъ безпощаднѣе, тѣмъ болѣе лютой будетъ его оборонительная война, и тѣмъ кровопролитнѣе будетъ пролетарская революція, и тѣмъ безпощаднѣе будутъ тѣ мѣры, при посредствѣ которыхъ побѣдоносный рабочій классъ броситъ себѣ подъ ноги побѣжденный классъ капиталистовъ (с. XIX).

Это — какъ разъ полная противоположность тому, чего ожидали Марксъ и Энгельсъ. И это утвержденіе настолько ложно, насколько оно возводитъ 1½-годовую большевистскую практику во всеобщій законъ общественнаго развитія. И оно ложно также по тому, что мотивируетъ эту практику „безпощадностью и лютой оборонительной войны капиталистовъ“. Такой лютой они не проявляли ни въ ноябрѣ 1917 г. въ Петроградѣ и Москвѣ, ни еще менѣе недавно въ Будапештѣ.

Но фактъ остается фактомъ: пролетарская революція снова стала крайне кровавой. Причину этого обстоятельства я при моемъ „старческомъ упрямствѣ“ или моей „старческой безтолковости“ (Бухаринъ, с. XXII) вижу въ иныхъ факторахъ, а не въ капиталистической „лютой“, которая въ побѣжденныхъ странахъ въ мировую войну никогда не была меньшей, чѣмъ при возникновеніи послѣдней революціи.

д) *Вліяніе войны.*

Главную причину превращенія развитія человѣчности въ развитіе звѣрства надо искать въ мировой войнѣ. Но и до этого имѣли мѣсто тенденціи, которыя противодѣйствовали основной тенденціи смягченія нравовъ.

Главнѣйшая изъ нихъ была призвана къ жизни французской революціей. То была всеобщая воинская повинность, ставшая необходимой для революціоннаго прави-

тельства для того, чтобы численнымъ перевѣсомъ и постояннымъ пополненіемъ профессиональныхъ войскъ сравняться съ силами объединенныхъ монарховъ.

Только одно изъ монархическихъ государствъ переняло это установленіе, даже удержало и расширило его послѣ того, какъ Франція отказалась отъ него: Пруссія, самая маленькая и молодая среди великихъ державъ Европы, съ невыгодными границами, защита которыхъ требовала арміи, сравнительно съ небольшимъ населеніемъ куда большей, чѣмъ въ каждой другой странѣ. Къ тому же старая Пруссія являлась среди великихъ державъ самой обиженной по ея естественнымъ условіямъ, самой бѣдной. И если она хотѣла утвердиться среди нихъ, то арміи должны были быть принесены въ жертву всѣ другія соображенія. Такъ Пруссія съ момента своего вступленія въ ряды великихъ державъ стала военнымъ государствомъ по преимуществу.

Въ своей книгѣ о Германіи („Четыре года въ Германіи“. Лондонъ, 1917 г., стр. 44) американскій посолъ Жерардъ приводитъ изреченія, выпукло рисующія милитаристскій духъ Пруссіи:

125 лѣтъ тому назадъ при началѣ революціи великій ораторъ Мирабо сказалъ: „Война есть національная промышленность Пруссіи“. Позже замѣтилъ Наполеонъ: „Пруссія создана изъ пушечнаго ядра“, и незадолго до франко-прусской войны 1870 г. французскій военный атташе писалъ своему правительству: „Другія государства обладаютъ арміей; въ Пруссіи армія обладаетъ страной“.

Благодаря всеобщей воинской повинности и возвышенію милитаризма вообще, Пруссія въ войны 1866 и 1870 г. достигла своего могущественнаго положенія. И оно принудило и другія страны европейскаго континента ввести всеобщую воинскую повинность. Къ тому времени желѣзнодорожное дѣло стало рѣшительнымъ факторомъ при веденіи войны. Всѣ военные государства стремились развить его посильно, что обуславливало возможность, а при военномъ соревнованіи и — необходимость постоян-

наго увеличенія армій и такимъ образомъ — все болѣе растущую неуклонность при примѣненіи всеобщей воинской повинности, что въ концѣ концовъ привело насъ къ тому чудесному результату, когда все, относящееся къ мужскому населенію, за исключеніемъ тяжело-больныхъ и калѣкъ, втянуто въ военную службу.

Военная служба означаетъ привычку къ пролитію человѣческой крови, даже соревнованіе въ этомъ пролитіи. Она обозначаетъ умерщвленіе человѣчности, возвращеніе звѣрства. При малыхъ профессиональныхъ арміяхъ 18 вѣка народная масса была ограждена отъ такихъ воздѣйствій на ея мораль. Всеобщая воинская повинность втеченіе 19 столѣтія все болѣе подчиняла ее грубѣйшимъ вліяніямъ военной службы, — всего продолжительнѣй и распространеннѣй въ Пруссіи.

Гуманистическія тенденціи 19 вѣка, благодаря этому, если и не утратили своего вліянія, то были въ значительной мѣрѣ парализованы.

Всего ярче гуманистическія тенденціи сказались среди интеллигенціи. Ея представители были долѣе другихъ свободны отъ военной службы даже тогда, когда на мѣсто вербовочной арміи появился принудительный наборъ, системою конскрипцій задѣлавшей преимущественно крестьянъ, ремесленниковъ и наемныхъ рабочихъ и бережно относившійся къ буржуазіи и интеллигенціи. Однако всеобщая воинская повинность не могла дѣлать въ ихъ пользу исключенія, наоборотъ, она нуждалась въ нихъ, какъ въ офицерахъ для командованія резервами. Какъ и прежде, интеллигентъ занималъ исключительное положеніе въ отношеніи воинской повинности, но это не было положеніе внѣ арміи, но въ ея рядахъ — въ качествѣ привилегированнаго вольноопредѣляющагося или офицера запаса. Этимъ путемъ интеллигенція, еще больше чѣмъ другіе классы, была подвергнута воздѣйствію милитаризма на ея мысль и чувство. Ибо онъ создалъ для нея привилегированное положеніе и внушалъ ей такимъ образомъ рас-

положеніе къ военному дѣлу. Кромѣ того онъ вліялъ на ее чрезъ посредство кадровыхъ офицеровъ. Эти, создавшіе изъ военной службы задачу своей жизни, видящіе въ ней непреходящую случайность, обязанные проявлять инициативу во всѣхъ боевыхъ дѣлахъ, превосходить своихъ подчиненныхъ энергіей и находчивостью, эти развили характерныя черты милитаризма въ болѣе высокой степени чѣмъ обыкновенный рядовой, остающійся на службѣ лишь немногіе годы и по принужденію. Такъ интеллигенція подвергалась еще большому милитаристскому вліянію, чѣмъ остальное населеніе.

Тѣ интеллигенты, которые стали или хотѣли стать офицерами запаса и за образецъ для себя взяли кадровыхъ офицеровъ, легко опережали этихъ послѣднихъ остротой и рѣзкостью милитаристическаго мышленія. И такимъ образомъ приобщенные милитаризму слои интеллигенціи стали пионерами жестокости и насильственности, чрезъ всеобщую воинскую повинность охватившія народныя массы. И здѣсь Пруссія шла впереди другихъ государствъ, такъ какъ она первая ввела у себя вольноопредѣляющихся и офицеровъ запаса и этимъ послѣднимъ болѣе чѣмъ какое-нибудь другое государство создала привилегированное, почетное положеніе.

Если въ пролетаріатѣ, вопреки всеобщей воинской повинности, гуманизирующія тенденціи его класса пересиливали вліянія милитаризма, то среди интеллигенціи — и именно прусской — первыя были значительно отодвинуты на задній планъ вторыми, что немало увеличило остроту классовыхъ противорѣчій.

То, что сказано здѣсь объ интеллигенціи, въ первую очередь касается капиталистовъ, гуманные инстинкты которыхъ наталкиваются прежде всего на противотенденціи ихъ класса.

И когда разразилась всемірная война и за четыре года вобрала въ себя почти все здоровое мужское населеніе, когда огрубляющія тенденціи милитаризма достигли

вершинъ безчувственности и звѣрства, тогда и пролетаріатъ не могъ болѣе спастись отъ нихъ. Онъ былъ чрезвычайно зараженъ ими и возвращался домой одичалымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Демобилизованный слишкомъ часто, благодаря обычаямъ войны, находился въ душевномъ состояніи, дѣлавшемъ его готовымъ отстаивать свои интересы и требованія кровопролитіемъ и насиліемъ надъ соотечественниками въ обстановкѣ мира. И это стало элементомъ гражданской войны. А эта послѣдняя приносила съ собой дальнѣйшее одичаніе массъ. Все-же многіе изъ зрѣлыхъ людей, какъ только они высвобождаются отъ вліяній войны, возвращаются къ привычкамъ мысли и чувства мирнаго времени. Хуже обстоитъ дѣло съ юношествомъ, которое безъ учителей, безъ вождей, совершенно безъ всякаго противодѣйствія подвергалось въ высокой мѣрѣ звѣрскимъ воздѣйствіямъ войны и впитало въ себя впечатлѣнія, которыя всю ихъ жизнь не сотрутся окончательно.

Ко всему этому присоединяются глубокія измѣненія въ составѣ пролетаріата.

Война тяжело задѣла мелкое мѣщанство, многихъ изъ его рядовъ экспроприировала и бросила въ ряды пролетаріата. Эти элементы, до сихъ поръ бывшіе чуждыми пролетарской классовой борьбѣ, нетронуты воспитаніемъ, дисциплиной, безъ организаціонныхъ способностей, которыя становятся присущими пролетаріату тамъ, гдѣ классовая борьба происходитъ давно подъ руководствомъ социалистической партіи, работающей для просвѣщенія и сліянія массъ.

Въ прежней средѣ пролетаріата произошелъ крайне важный сдвигъ. Какъ и между другими рабочими, между наиболѣе обученными потери мертвыми, ранеными, больными за войну были гораздо выше, чѣмъ въ мирное время. А для прироста числа ихъ почти ничего не было сдѣлано. Не хватало ни силъ, ни времени для обученія, но отсутствовала также потребность въ немъ. На мѣсто

многообразной промышленности мирного времени пришла гораздо болѣе однотипная военная, поставлявшая лишь нѣсколько опредѣленныхъ шаблоновъ при помощи рабочихъ, каждый изъ которыхъ долженъ былъ знать одинъ-два приѣма, безъ особаго усилія доступныхъ любому новичку. Такъ уменьшилось значительно за время войны число обученныхъ рабочихъ, такъ много сдѣлавшихъ для процвѣтанія нѣмецкой промышленности, и на ихъ мѣсто пришли необученные, число которыхъ быстро росло.

Обученные были всего лучше организованными и освѣдомленными, яснѣе всѣхъ между рабочими мыслящими. Необученные — неорганизованы, невѣжественны, индифферентны.

Но индифферентность быстро исчезала подъ вліяніемъ войны. Это гигантское событіе съ его страшными спутниками расшевелило всѣхъ, даже остававшіеся въ тылу слои населенія и приводила ихъ въ лихорадочное возбужденіе. Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ число обученныхъ и социалистически воспитанныхъ рабочихъ по сравненію съ необученными во всѣхъ отношеніяхъ и недисциплинированными, какъ и по сравненію съ притокомъ пролетаризированнаго мѣщанства сильно понизилось, то это знаменовало собой тотъ фактъ, что болѣе развитое меньшинство, бывшее до тѣхъ поръ руководителемъ пролетаріата, все болѣе теряло свое вліяніе, и на его мѣсто вступила слѣпая страсть.

И это произошло тѣмъ быстрѣе, что война оставила по себѣ глубочайшія экономическія потрясенія, массовую безработицу, безмѣрную дороговизну и недостатокъ всего необходимаго.

Доведенныя до отчаянія массы требовали радикальнѣйшихъ измѣненій и сію же минуту, не для созданія новой, болѣе высокой общественности, о которой онѣ совершенно не размышляли, а для немедленнаго устраненія ихъ жестокой нужды.

Для пролетаріата избавленіе отъ бѣдственнаго положенія являлось всегда настоятельной практической задачей. Это — наряду съ необходимостью экономическихъ и историческихъ знаній, какъ предпосылки для пониманія марксизма, — является главной причиной, почему марксистское мышленіе нелегко укореняется въ рабочей средѣ. Массы инстинктивно предпочитаютъ ученіе, которое не ведетъ ихъ на путь развитія, а даетъ имъ формулу или планъ, осуществленіе коего общаетъ имъ при всякихъ условіяхъ немедленное избавленіе отъ страданій. Отъ пролетарія требуется извѣстное самоотреченіе для принятія ученія, которое конечно требуетъ отъ него не бездѣйственнаго ожиданія, а скорѣе побуждаетъ къ энергичной классовой борьбѣ, но ставить его окончательное освобожденіе въ зависимость отъ условій, которыя съ начала должны быть созданы въ исполненномъ труда развитіи. Все же, какъ тяжело ни приходилось пролетаріямъ, ихъ положеніе въ послѣднія десятилѣтія до войны было таково, что они могли вести жизнь такимъ образомъ, который не дѣлалъ для нихъ немедленное социалистическое преобразование общества вопросомъ жизни и смерти, — по крайней мѣрѣ для обученныхъ рабочихъ, этого основного ядра классовой борьбы и социалистическаго движенія.

Теперь эти рабочіе въ политической и экономической борьбѣ остаются позади необученныхъ. А ихъ нужда стала столь настойчивой, что они не могутъ больше ждать.

И зачѣмъ ждать, если исходъ войны наконецъ то далъ имъ въ руки политическую власть?

Война не только привела на фронтъ классовой борьбы самые отсталые элементы рабочаго класса, но она, благодаря развалу армій, какъ разъ въ наиболѣе экономически отсталыхъ областяхъ Европы создала въ городахъ изъ пролетаріата господствующій классъ, рядомъ съ которымъ безграмотное крестьянство, — какъ это наблюдается въ Россіи, — не въ состояніи представить самостоятельной политической силы.

Ни одинъ классъ не отказывается добровольно отъ власти, которую онъ завоевываетъ, каковы бы ни были обстоятельства, приведшія его на вершину. Было бы глупо требовать отъ російскаго или венгерскаго пролетаріата такого отказа ради отсталости ихъ странъ. Но въ дѣйствительно марксистскомъ духѣ ведомая соціалистическая партія соразмѣрила бы задачи, которыя она ставитъ побѣдоносному пролетаріату, съ тѣми матеріальными и моральными условіями, которыя она находитъ вокругъ, не декретировала бы безъ всякихъ колебаній немедленную всеобщую соціализацію въ странѣ неразвитаго капиталистическаго производства, подобной Россіи.

Конечно, сомнительно, могла-ли бы такая партія удержатъ за собой руководство массами. Реальнымъ политикамъ представляется болѣе важнымъ временно господствовать, чѣмъ временно подвергнуть себя неудачамъ, имѣя въ виду въ концѣ концовъ оказаться правыми. Реальному политику не приличествуетъ роль силы, которая, — выясняя неизбѣжный провалъ далеко за предѣлы возможнаго выступающей политики, — взваливаетъ на себя бремя отверженности, но выходитъ цѣлой изъ развала и оберегаетъ идеалъ отъ компрометированія.

Старый контрастъ между реальной политикой и политикой научной, между Лассалемъ и Марксомъ всплылъ снова въ Россіи послѣ революціи 1917 г.

Въ письмѣ къ Кугельману отъ 23 февраля 1865 г. (опубликованномъ мной въ „Соціалистѣ“ 1 мая 1918 г.) Марксъ указываетъ, что нѣмецкіе рабочіе были слишкомъ связаны въ своемъ развитіи реакціей 1849—59 г.г., чтобы не привѣтствовать одобреніями такого рыночно крикливаго спасителя (какъ Лассаль), который обѣщалъ имъ помочь однимъ прыжкомъ достигнуть обѣтованной земли.

Такіе прыжки и такіе спасители были не во вкусѣ Маркса. Но какъ во времена Лассаля, такъ и во время второй русской революціи, хотя и по другимъ причинамъ, положеніе не благоприятствовало марксистскому

мышленію. Марксистски обученные русскіе рабочіе умерли или оттѣснены притокомъ отсталыхъ массъ или, благодаря имъ, пошли по ложному пути мышленія.

Домарксистское мышленіе, отличавшее какого-нибудь Бланки, Вейтлинга, Бакунина, получило перевѣсъ.

Таковы были условія, въ которыхъ проходила революція сперва въ Россіи, а потомъ у ея сосѣдей. И нѣтъ ничего удивительнаго, что она не только воспитываетъ примитивные способы мышленія, но и даетъ просторъ кровавымъ, свирѣпымъ формамъ политической и экономической борьбы, о которыхъ мы думали, что онѣ преодолены интеллектуальнымъ и моральнымъ подъемомъ пролетаріата.

8. Коммунисты за работой.

а) Экспроприация и организация.

Всемирная война отбросила рабочий классъ назадъ не только благодаря тому, что она создала одичаніе почти всѣхъ слоевъ населенія, что она отсталыя части пролетаріата выдвинула на передовые посты его движенія, что она, наконецъ, его бѣдствія безгранично преумножила и тѣмъ на мѣсто спокойнаго сужденія отдала руководство отчаянію. Она способствовала упрощенію его взглядовъ тѣмъ, что сильно развила казарменное мышленіе, то мышленіе, которое очень доступно и невѣжественному, на поверхности жизни обрѣтающемуся человѣку, и которое сводится къ тому, будто голое насиліе является рѣшающимъ факторомъ во всемирной исторіи, будто достаточно обладать необходимой силой и беспощадностью, чтобы осуществить все, что угодно.

Марксъ и Энгельсъ постоянно боролись съ такимъ воззрѣніемъ. Въ классическомъ трудѣ „Господинъ Евгений Дюрингъ“ три главы посвящены исключительно „теоріи насилія“ (3 изд., стр. 162-192). Эта теорія насквозь противомарксистская. Энгельсъ не стѣснялся выступать противъ нея и тамъ, гдѣ она появлялась подъ революціоннымъ покровомъ. Онъ не придерживался нынѣ столь отстаиваемаго взгляда, будто не слѣдуетъ указывать на ошибки движенія, если оно — революціонное, пролетарское, ибо это можетъ ослабить революціонную стремительность.

Само собой разумѣется, не слѣдуетъ бить въ набатъ по поводу отдѣльныхъ ошибокъ и глупостей, совершаемыхъ

въ революцію. Самымъ тяжкимъ въ исторіи является положеніе революціи, въ которой приходится считаться съ совершенно новыми и до крайности неоглядными положеніями. Было бы дешевенькимъ фарисействомъ, если-бы наблюдатель пожелалъ изъ безопаснаго мѣста или издали строго осуждать промахи людей, которые находятся въ центрѣ борьбы и несутъ на себѣ всѣ ея тяготы и опасности.

Но зато настоятельно необходимо осуждать промахи, вытекающіе не изъ невѣрнаго или недостаточнаго освѣдомленія, а изъ ложнаго принципиальнаго сужденія, ихъ съ необходимостью обусловливающего. Они могутъ быть устранены только при преодолѣніи такого сужденія, и они являются угрозой каждому будущему революціонному движенію, если ихъ оставляютъ безъ критическаго разсмотрѣнія или даже приукрашиваютъ и чтутъ — ради мнимыхъ интересовъ революціи.

Маркса и Энгельса въ такой необходимой критикѣ революціи не останавливалъ ихъ „вулканическій, революціонный темпераментъ“.

Это, между прочимъ, показываетъ критика, съ которой Энгельсъ осенью 1873 г. отнесся въ лейпцигскомъ „Volksstaat“ къ возстанію, разразившемуся въ Испаніи 5 іюля этого года послѣ провозглашенія республики и подавленнаго въ значительной долѣ уже 26 іюля, — за немногими исключеніями. (Возстаніе въ Картагенѣ продержалось до января 1874 г.)

Такимъ образомъ, еще до того, какъ возстаніе было ликвидировано, Энгельсъ опубликовалъ уже свою очень жесткую критику „на эту исключительно позорную инсurreкцію... современникамъ въ назиданіе“.

Эта критика появилась въ рядѣ статей: „Бакунисты за работой“ („Volksstaat“, 31 октября, 2 и 5 ноября), вновь отпечатана въ 1894 г. въ „Internationales aus dem Volksstaat“ Фр. Энгельса (Берлинъ, изданіе „Vorwärts“).

Мы рекомендуемъ эту работу всѣмъ, интересующимся большевизмомъ. Онъ предвидѣнъ тамъ во многихъ мѣстахъ, такъ какъ положеніе испанской революціи давало много аналогій съ положеніемъ нынѣшнихъ коммунистовъ.

Энгельсъ начинаетъ съ указанія на то, что въ Испаніи интернаціоналисты въ большинствѣ принадлежали къ бакунинскому „Алліансу“ и продолжаетъ:

Когда въ февралѣ 1873 г. была провозглашена республика, испанскіе алліанисты очутились въ очень тяжеломъ положеніи. Испанія въ промышленномъ отношеніи является столь отсталой страной, что тамъ о немедленномъ полномъ освобожденіи рабочаго класса не можетъ быть и рѣчи. Прежде, чѣмъ дѣло дойдетъ до этого, Испанія должна будетъ пройти различныя предварительныя стадіи и устранить со своего пути цѣлый рядъ препятствій. Прохождение этихъ предварительныхъ стадій въ наикратчайшее по возможности время, быстрое устраненіе этихъ препятствій и давала случай установить республика. Этотъ случай могъ быть, однако, использованъ въ формѣ дѣятельнаго участія рабочаго класса въ политической жизни.

Это означало бы участіе въ выборахъ въ кортессы, въ Національное Собраніе и въ работѣ ихъ. Бакунисты же хотѣли немедленнаго, полного освобожденія рабочаго класса. Какъ средство для этого при тогдашнемъ положеніи Испаніи парламентская демократія была совершенно непригодной, сколь незамѣнимой она была для развитія и созрѣванія пролетаріата. Участіе „въ какихъ бы то ни было выборахъ казалось имъ достойнымъ смертной казни преступленіемъ“.

Что же хотѣли они ввести на мѣсто избирательной борьбы? Совѣты рабочихъ депутатовъ, какъ средства „немедленнаго, полного освобожденія рабочаго класса“ еще не были изобрѣтены. Бакунисты провозгласили генеральную стачку, расчлененіе Испаніи въ безконечныя маленькіе „кантоны“ и съ тѣмъ вмѣстѣ — распыленіе общаго движенія въ рядъ мѣстныхъ и провозглашеніе „перманентной революціи“.

Концомъ пѣсни былъ не только крахъ движенія, развалъ всего испанскаго интернаціонала, но и „отказъ бакунистовъ отъ провозглашенныхъ ими позицій“, которыя они подъ давленіемъ обстоятельствъ одну за другой должны были сдать.

Развѣ иначе обстоитъ теперь дѣло въ Россіи?

Несомнѣнно, при возникновеніи настоящей революціи среди рабочихъ Россіи преобладалъ марксизмъ, а не анархизмъ. Какъ соціалистическая теорія, онъ нигдѣ не получилъ такого признанія, какъ именно тамъ.

Въ продолженіе десятилѣтій русскіе соціалисты обращали нужду въ добродѣтель и въ отсталомъ земледѣльческомъ характерѣ своей страны усматривали преимущество. Они думали, что остатки ихъ деревенской общины особенно облегчаютъ введеніе современнаго соціализма.

То было большою заслугой русскихъ марксистовъ, которые подъ руководствомъ Плеханова и Аксельрода наперекоръ этому возрѣнію выработали и въ долгой, усиленной борьбѣ распространили убѣжденіе, что при неразвитости русскаго пролетаріата и русскаго общества вообще неизбежная революція приметъ прежде всего буржуазный характеръ, хотя бы на долю пролетаріата и выпала въ ней выдающаяся роль.

Этотъ взглядъ получилъ господствующее положеніе въ русскомъ соціалистическомъ движеніи, пока революція не привела пролетаріата къ власти, которая поставила вопросъ о немедленномъ освобожденіи въ порядокъ дня, и пока носителями соціализма была интеллигенція и высоко-развитая часть рабочаго класса.

Послѣдовательный марксизмъ оказался въ необычайно тяжеломъ положеніи, какъ только революція втянула въ свое движеніе огромныя массы русскаго народа, которыя знали лишь о своихъ нуждахъ, о своихъ стремленіяхъ, и которыя плевали на то, осуществимы или нѣтъ, общественно полезны или нѣтъ при данныхъ условіяхъ ихъ требованія.

И въ этомъ положеніи марксизмъ большевиковъ не выдержалъ испытанія. Массовая психологія овладѣла ими, они отдались на ея волю. Несомнѣнно, они стали благодаря этому господами въ Россіи. Другой вопросъ, что отъ этого въ концѣ концовъ получается и получиться должно.

Возводя народныя желанія на степень двигательной пружины революціи, они выбрасывали за бортъ марксистскую систему мышленія, для побѣднаго расцвѣта которой они сами раньше немало сдѣлали. При ихъ научной совѣтливости и популярности имени Маркса, они думали ограничиться его словечкомъ о „диктатурѣ пролетаріата“, — словечкомъ, которымъ они завладѣли. Съ этимъ словомъ они думали обрѣсти разрѣшеніе отъ всѣхъ грѣховъ и снова — духъ марксизма.

Революція возникла во время войны. Солдаты устали вести ее. Большевики обратились въ самыхъ рѣшительныхъ защитниковъ этого нерасположенія продолжать борьбу. Они поощряли всѣми мѣрами разложеніе арміи, ни мало не заботясь о томъ, оказываютъ-ли они этимъ содѣйствіе германской военной автократіи или нѣтъ. Если побѣдила не она, и дѣло поэтому дошло до германской революціи, то вина въ этомъ — не ихъ.

Полный развалъ арміи далъ низшимъ классамъ полнѣйшую свободу. Крестьяне потребовали немедленной разбивки крупныхъ имѣній и раздѣла ихъ между собой въ порядкѣ частнаго владѣнія. Что крупныя имѣнія перешли къ крестьянству, — было неизбѣжно, но при систематическомъ проведеніи, это движеніе могло пройти такъ, что техническія оборудованія крупныхъ имѣній не пострадали бы.

Для этого впрочемъ требовалось время, а крестьяне не хотѣли ждать.

Большевики расположили ихъ въ свою пользу тѣмъ, что, введя анархію въ странѣ, они предоставили каждой общинѣ полную свободу дѣйствій, и пошелъ разгромъ имѣній въ самыхъ первобытныхъ формахъ, съ уничтоже-

ніемъ многихъ средствъ производства и техническимъ обнищаніемъ. Крестьяне въ свою очередь предоставили большевикамъ полную свободу дѣйствій въ городахъ, гдѣ они расположили рабочихъ въ свою пользу тѣмъ, что считались лишь съ ихъ желаніями, а не дѣйствительными условіями.

Пролетаріатъ голодалъ, чувствовалъ себя угнетеннымъ и эксплуатируемымъ и настойчиво требовалъ немедленнаго сверженія капиталистическаго ярма. И, дѣлая ему угодное, большевики не имѣли времени ни для изученія, ни для размышленія. Немногими тяжелыми ударами все зданіе русскаго капитализма было разбито въ щепы.

Замѣна капиталистическаго производства социалистическимъ обнимаетъ два момента: она является съ одной стороны вопросомъ собственности, а съ другой — вопросомъ организаціи. Она требуетъ отміны частной собственности на орудія производства и перехода ихъ въ общественное достояніе въ формѣ государственной, коммунальной или кооперативной собственности. Но она требуетъ также замѣны капиталистической организаціи общественной организаціей производства и его функцій въ полномъ экономическомъ взаимосѣпленіи.

Изъ этихъ двухъ преобразованій простѣйшимъ является преобразованіе собственности. Нѣтъ ничего легче, какъ экспроприировать капиталиста. Это — лишь дѣло силы и не связано ни съ какими социальными гипотезами. Издавна, до возникновенія промышленнаго капитала, еще во времена однихъ только торговаго и ростовщическаго капиталовъ, мы встрѣчаемся съ такими экспроприаціями купцовъ, банкировъ, заимодавцевъ — феодалами, князьями, даже народной массой. Въ средніе вѣка были экспроприируемы не только евреи, но, не взирая на религіозность эпохи, при случаѣ и церковныя, и орденскія сокровища. Такъ Филиппъ IV экспроприировалъ во Франціи въ началѣ 14 вѣка необычайно богатый орденъ тамплиеровъ. Еще

до того, какъ возникъ современный социализмъ, наивныя души видѣли въ благородномъ разбойникѣ, грабившемъ богачей и надѣлявшемъ бѣдняковъ, благодѣтеля челоуѣчества. Этотъ способъ насажденія „социализма“ былъ до крайности простъ. Было въ соотвѣтствіи съ отсталостью русскаго пролетаріата, что Бакунинъ въ 1869 г., непосредственно предъ войной и Коммуной, въ воззваніи къ русской молодежи указалъ ей на путь, которымъ шелъ атаманъ Стенька Разинъ, собравшій шайку, съ которой онъ гулялъ по южной Россіи, пока правительство не захватило и не казнило его.

Не такъ просто, какъ экспропріація, проходить организація. Капиталистическое производство есть искусственный организмъ, мозгъ котораго находится въ капиталистѣ или его замѣстителѣ. И если хотять устранить капитализмъ, то нужно создать организмъ, который въ состояніи функціонировать и безъ капиталистическаго мозга такъ же хорошо, даже лучше. Это не такъ просто, какъ дѣйствія Филиппа IV или Стеньки Разина, это требуетъ ряда предпосылокъ матеріальнаго и моральнаго свойства, высокаго развитія капиталистической организаціи не только производства, но и сбыта и доставки сырья; требуетъ также наличія пролетаріата, сознающаго свои обязанности не только по отношенію къ ближайшимъ товарищамъ, а и ко всему обществу; выработавшаго въ себѣ привычки добровольной дисциплины и самоуправленія долготѣнимъ пребываніемъ въ массовыхъ организаціяхъ; достаточно интеллигентнаго наконецъ для того, чтобы отличать возможное отъ невозможнаго, научно образованнаго, стойкаго характеромъ вождя — отъ безсовѣстнаго, невѣжественнаго демагога.

Тамъ, гдѣ этихъ условій нѣтъ, капитализмъ не можетъ надолго и съ успѣхомъ быть замѣненъ социализмомъ. И въ тѣхъ областяхъ и развѣтвленіяхъ промышленности, гдѣ эти условія достаточно высоко развиты, социалистическая организація должна быть заботливо подготовлена

внимательнымъ изслѣдованіемъ фактической обстановки, ибо формы, которыя временно должна принять новая организація, не даны заранѣе для всѣхъ странъ, всѣхъ временъ, всѣхъ отраслей промышленности, не суть „совершенно готовыя“ утопіи или вѣчные „идеалы“, но подѣ влияніемъ обстоятельствъ могутъ быть очень различными и для успѣшнаго дѣйствія должны наиболѣе цѣлесообразно соответствовать условіямъ эпохи. Оба момента, устраненіе и организація, должны находиться въ тѣсной связи, дабы на мѣсто существующаго производства не наступилъ хаосъ и полная пріостановка дѣятельности. Какой-нибудь Филиппъ IV или Стенька Разинъ могли ограничиться одной экспроприаціей, ибо они не имѣли въ виду создать новый способъ производства. Переходъ къ социализму по такому простому рецепту построить невозможно.

Но массы были нетерпѣливы, онѣ не хотѣли ждать. Чтобы дать имъ удовлетвореніе, большевики, придя къ власти, разсѣкли процессъ социализаціи на двѣ части, раздѣлили оба ея момента, хотя ни одинъ изъ нихъ безъ другого неспособенъ создать ничего жизнеспособнаго. Они сначала поступили по преподанному Стенькой Разиннымъ образцу, а затѣмъ принялись восполнять организацію. Что было тѣсно связано и могло дѣйствовать лишь въ неразрывномъ единствѣ, было разорвано. Самъ Ленинъ въ своей брошюрѣ „Ближайшія задачи совѣтской власти“ въ апрѣлѣ 1918 г. признаетъ:

До сихъ поръ на первомъ мѣстѣ находились мѣропріятія по непосредственной экспроприаціи экспроприаторовъ. Теперь на первый планъ выступаетъ организанія учета и контроля въ производствахъ, въ которыхъ капиталисты уже экспроприированы, а также во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ хозяйства. (стр. 14)

Наша работа по организаціи подѣ руководствомъ пролетаріата всеобщаго учета и контроля производства и распредѣленія отстала отъ нашей работы по непосредственной экспроприаціи экспроприаторовъ... Съ социалистическимъ преобразованіемъ въ этихъ отрасляхъ (а области эти чрез-

вычайно важныя) мы очень сильно отстали и именно потому, что учетъ и контроль недостаточно организованы.

Производства и отрасли промышленности подвергались экспроприации, безъ предварительнаго изслѣдованія того, возможна-ли ихъ социалистическая организація. И въ областяхъ, гдѣ такая организація была-бы возможной, дозволялись прежде всего одной экспроприацией, ибо только она и могла быть осуществлена безъ подготовки, а рабочіе не хотѣли ждать.

Послѣдствія сказались быстро. Экономическая жизнь Россіи является отсталой въ томъ отношеніи, что ея промышленность занимаетъ по сравненію съ земледѣліемъ лишь ничтожную часть населенія. Но внутри этой промышленности преобладаютъ современныя формы колоссальнаго производства. Онѣ далеко переросли ту стадію, въ которой находилась парижская промышленность 1871 г. Для этой, поскольку вообще могла быть рѣчь о социализации, вопросъ могъ идти лишь о производительныхъ кооперативахъ. Русскія фабрики въ огромной долѣ были съ гигантскимъ производствомъ, когда послѣ устраненія капитала ближайшей ступенью для нихъ представлялся переходъ ихъ къ государству.

Въ производительныхъ кооперативахъ доходъ рабочаго зависитъ отъ работы его и его товарищей. Размѣръ этого дохода опредѣляется количествомъ продуктовъ, выносимыхъ ими на рынокъ. Они сами должны заботиться о сбытѣ и о приобрѣтеніи сырья. Въ перешедшихъ къ государству фабрикахъ рабочіе по-прежнему получаютъ заработокъ—только не отъ капиталиста, а отъ государства. Высота ихъ заработка зависѣла гораздо менѣе отъ продуктивности ихъ работы, чѣмъ отъ нажима на государственную власть. Эта послѣдняя должна была заботиться и о сбытѣ, какъ и о сырьѣ.

Нужна была бы прекрасно дисциплинированная и высоко интеллигентная рабочая масса, которая понимала бы, въ какой огромной степени отъ продуктивности ея

работы зависить общественное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея собственное благополучіе, чтобы при такихъ условіяхъ производство велось успѣшно. Но и при такой рабочей массѣ можно было бы ожидать потребной производительности, если-бы были приняты необходимыя организаціонныя мѣры, которыя помимо рабочихъ предоставляли бы вліяніе на отдѣльное производство и всю отрасль промышленности — также государственной власти и потребителямъ, и еслибы были введены побужденія къ работѣ, могущія съ лихвой замѣнить капиталистическія поощренія.

Но въ данномъ случаѣ отсутствовала не только эта организація, но и необходимая интеллигентность и дисциплина рабочей массы, — тѣмъ болѣе, что война съ ея послѣдствіями и безъ того невѣжественнѣйшую и наиболѣе неразвитую часть рабочихъ довела до самаго дикаго возбужденія.

Правда, русскій рабочій приносилъ изъ своей сельской общины высокое чувство солидарности, но объемъ его былъ такъ же ограниченъ, какъ и самая община. Оно распространяется только на небольшой кругъ его товарищей. Онъ относится равнодушно къ великому общественному цѣлому. На неутѣшительныя явленія, обнаружившіяся при этихъ условіяхъ, большевики должны были жаловаться сами. Троцкій въ своей брошюрѣ „Работа, дисциплина и порядокъ спасутъ социалистическую совѣтскую республику“ (стр. 17) говоритъ:

Революція, пробудившая въ самыхъ униженныхъ сознание человѣческой личности, естественно должна была на первыхъ порахъ придать этому возбужденію крайній, если хотите, анархическій характеръ. Это пробужденіе стихійныхъ инстинктовъ личности нерѣдко принимаетъ грубо эгоистическій, или, употребляя философское выраженіе, „эгоцентрический характеръ“... Человѣкъ стремится взять себѣ все, что онъ можетъ, онъ думаетъ только о себѣ и не проявляетъ склонности считаться съ общимъ классовымъ положеніемъ. Отсюда — наводненіе такого рода дезорганизирующихъ настроеній и индивидуалистическихъ, анархиче-

скихъ, грабительскихъ тенденцій, которыя мы особенно наблюдаемъ въ широкихъ кругахъ деклассированныхъ элементовъ страны, среди прежней арміи и затѣмъ между извѣстными элементами рабочаго класса.

То были совершенно иные элементы, не тѣ, что въ парижской Коммунѣ уменьшали свой заработокъ, чтобы содѣйствовать социализму.

Какъ при такихъ условіяхъ складывалось производство въ экспроприированныхъ предпріятіяхъ, ясно. Заработки взвинчивались такъ высоко, насколько это удавалось, а работы давалось минимальное количество. Чтобы еще сильнѣе закрѣпить такое положеніе, были отмѣнены аккордные работы. И вотъ обнаружили такіе результаты, какъ на Путиловскомъ заводѣ, поглотившемъ за опредѣленный срокъ 96 милліон. государственной субсидіи и давшимъ въ общемъ итогъ на 15 мил. фабрикатовъ.

Только безграничное пользованіе печатнымъ станкомъ для изготовленія денегъ позволило нѣсколько отдалить неизбежное банкротство такого хозяйствованія.

На фабрикахъ работали мало, и въ первую голову рабочіе уклонялись отъ непріятной, черной, докучной работы.

Вопросъ, какъ поставить эти работы въ социалистическомъ обществѣ, поскольку онѣ неустраимы, издавна занималъ социалистовъ. Фурье думалъ рѣшить его тѣмъ, что предоставлялъ возиться съ грязью „неряхамъ“, ребятамъ, любящимъ копошиться въ грязи.

Это юмористическое рѣшеніе было, конечно, недостаточнымъ. Единственное, отвѣчающее социалистическимъ основамъ и обѣщающее успѣхъ конечно, — то, которое требуетъ отъ техники устраненія изъ утомительныхъ, отталкивающихъ или нездоровыхъ работъ ихъ вредныхъ и отвратительныхъ сторонъ. И покуда это не достигнуто, остается сбалансировать эти стороны или особенно высокой платой или особенно короткимъ рабочимъ временемъ.

Новое рѣшеніе нашли большевики. Хотя оно и не

отвѣчало социалистическимъ основамъ, зато было въ соотвѣтствіи съ «массовой психикой» возбужденныхъ рабочихъ массъ. Они просто-напросто ввели трудовую повинность. Но трудовую повинность не для рабочихъ. Къ чему возлагать на нихъ повинность труда, когда подъ влияніемъ новыхъ условій закрывались фабрики одна за другой — изъ-за недостатка сырья, топлива или разстройства транспорта, такъ что непрерывно росло число безработныхъ.

Нѣтъ, трудовая повинность была возложена на тѣхъ, которыхъ подъ предлогомъ, что они не работали, объявили безправными — на «буржуевъ».

На мѣсто общей «формальной» демократіи республика совѣтовъ ввела пролетарскую демократію. Только рабочимъ предоставлены были права, только они должны были получать достаточное продовольствіе и охрану отъ государства. Трутни должны были оставаться безправными.

По внѣшности — совѣмъ социалистическая мысль, но лишь съ маленькимъ недостаткомъ. Почти два года существуетъ уже совѣтская рабочая республика, и до сихъ поръ не разрѣшена загадка на премію: что есть рабочій? Отъ различныхъ коммунистовъ мы слышимъ различные отвѣты.

Вначалѣ совѣты рабочихъ депутатовъ были не чѣмъ инымъ, какъ представительствомъ рабочихъ крупныхъ фабрикъ. Какъ таковыя, они являлись опредѣленными, строго ограниченными организаціями, бывшими очень важными для хода революціи. «Идея совѣтовъ» привела затѣмъ къ тому, что вышедшее изъ всеобщаго избирательнаго права Учредительное Собраніе должно было быть замѣненнымъ съѣздомъ совѣтовъ. Однако базисъ для этихъ съѣздовъ былъ бы слишкомъ узокъ, еслибы ограничились лишь совѣтами депутатовъ отъ крупныхъ фабрикъ. Но какъ только вышли за предѣлы этихъ послѣднихъ и пожелали исключить «буржуевъ» изъ закона объ избира-

тельномъ правѣ, такъ тотчасъ же очутились въ безбрежномъ пространствѣ.

Грань между буржуа и рабочимъ нельзя нигдѣ провести съ точностью, она влечетъ за собой нѣчто произвольное, что дѣлаетъ идею совѣтовъ очень податливой къ возведенію фундамента для диктатуры произвола и очень неподатливой — къ созданію ясно и систематически выработаннаго государственнаго устройства.

Именно что касается интеллигенціи, — вполне зависитъ отъ вкуса совѣтскихъ учреждений: относить-ли ее къ буржуазіи или нѣтъ; то же самое — въ отношеніи ея избирательныхъ правъ, обязанія ея къ трудовой повинности.

Въ совѣтской республикѣ у «буржуевъ» были отняты безъ всякаго вознагражденія ихъ производительныя и продовольственныя средства, не только всѣ ихъ политическія права, но одновременно на нихъ — и только на нихъ — возложили трудовую повинность! Они — единственные въ Россіи, которые должны работать и все-же безправные, ибо они не работаютъ!

Въ совѣтской Россіи въ категоріи рабочихъ и «буржуевъ» зачисляють не по тѣмъ функціямъ, какія выполняются въ настоящее время, а по тѣмъ, какія исполнялись до революціи. «Буржуи» въ совѣтской республикѣ рассматриваются, какъ особый сортъ людей, отпечатокъ которыхъ нельзя ничѣмъ смыть. Какъ негръ остается негромъ, монголъ монголомъ, гдѣ бы они ни появились, и какъ бы ни переодѣвались, такъ «буржуй» остается «буржуемъ», хотя бы онъ и сталъ нищимъ или живетъ работой. И какъ живетъ!

«Буржуи» обязаны работать но не имѣють права искать работу, которую они умѣють дѣлать, или которая имъ всего больше по душѣ. Они принуждаются дѣлать самую грязную и самую отталкивающую работу. И за это получаютъ не повышенные, а самые мизерные раціоны, которыми они далеко не могутъ утолить перваго голода. Ихъ продовольственный паекъ составляетъ четверть пайка

красноармейскаго или содержимаго совѣтской республикой на ея фабрикахъ рабочаго. Тамъ, гдѣ тѣ получаютъ фунтъ хлѣба, на ихъ долю приходится одна четверть, гдѣ для послѣднихъ 16 ф. картофеля, на ихъ долю — 4.

Изъ этихъ постановленій не вѣтъ духомъ стремленія поднять пролетаріатъ на болѣе высокую ступень, «создать болѣе высокія формы жизни», а лишь жажда мести пролетаріата въ ея первобытнѣйшихъ проявленіяхъ, — та мстительность, которая видитъ наслажденіе въ возможности потѣшиться наконецъ вволю надъ обласканными до сихъ поръ судьбой, лучше одѣтыми, лучше обставленными, лучше образованными.

При разнузданіи этой воли, какъ двигательной силы революціи, ея проявленія въ отдѣльныхъ случаяхъ идутъ, конечно, очень часто дальше, чѣмъ того хотѣли бы сами большевики. Такъ напримѣръ, идея, что бывшіе «буржуи» стали теперь безправными ломовиками тѣхъ, кто раньше были ихъ рабочими, вызвала къ жизни такое постановленіе мурзиловскаго совѣта рабочихъ депутатовъ:

Настоящимъ совѣтъ уполномочиваетъ товарища Григорія Зарева реквизиовать и доставить по его выбору и приказу въ казармы расквартированного въ Мурзилковѣ, брянскаго уѣзда, артиллерійскаго дивизіона 60 женщинъ и дѣвушекъ класса буржуазіи и спекулянтовъ. (Опубликовано д-ромъ [Нат. Винчъ-Малеевымъ. „What are the Bolschewists doing“. Lausanne, 1919 г., стр. 10).

Было бы несправедливо отнести это постановленіе на счетъ большевиковъ. Оно, навѣрное, было для нихъ столь же гнусно, какъ сентябрьскія убійства для членовъ Конвента.

Но ужасна мысль, что въ цѣлой мѣстной организаціи, хотя бы и единственной, ненависть и презрѣніе къ буржуазіи могли принять такіе размѣры, что за ея представителями не только не были признаны права политическія, но и простѣйшія человѣческія, но и всякое человѣческое достоинство.

б) *Зрѣлость пролетаріата.*

Естественно, что «массовой психикѣ», принимавшей такія формы, и большевики не могли слѣпо потворствовать. Послѣ того, какъ „буржуи“ были экспропрированы и объявлены внѣ покровительства закона, а пролетаріатъ былъ возведенъ во святые, стали большевики вслѣдъ затѣмъ подумывать о томъ, чтобы этихъ святыхъ довести до зрѣлости, которая явилась бы предпосылкой всякой социализаціи и экспроприаціи.

Мы заранѣе знали, говоритъ Троцкій — („Работа, дисциплина“ и т. д., стр. 16), что намъ не хватаетъ необходимой дисциплины и исторической школы. Мы знали все это, но это ничуть не мѣшало намъ съ открытыми глазами идти къ завоеванію власти. Мы были увѣрены, что мы всему научимся и все создадимъ.

Осмѣлится-ли Троцкій взобраться на локомотивъ и пустить его въ ходъ въ увѣренности, что онъ ужъ тамъ, на ходу „все изучить и создать?“ Несомнѣнно, у него оказались бы надлежащія способности, но хватило-ли бы у него времени? Не сошелъ-ли бы сразу локомотивъ съ рельсъ, или не взорвался-ли бы паровикъ? Прежде, чѣмъ взять на себя веденіе локомотива, надо овладѣть его особенностями. Такъ, если пролетаріатъ, долженъ взять на себя руководство производствомъ, онъ долженъ сначала овладѣть особенностями, дѣлающими его способнымъ для такой роли. Производство не терпитъ перерыва, состоянія пустоты, остановки и особенно въ томъ положеніи, до какого довела война, поглотившая всѣ наши запасы, такъ что мы вынуждены питаться, чѣмъ Богъ послалъ, и остановкой производства будетъ буквально обречены на голодную смерть.

Самъ Ленинъ считаетъ необходимымъ затормозить процессъ экспроприаціи:

Если мы захотимъ дальнѣйшую экспроприацію капитала повести въ прежнемъ темпѣ, то потерпимъ поражение, такъ какъ наша работа по организации пролетарскаго учета ясно, самоочевидно для каждого мыслящаго человѣка

остається позади роботи по непосредственной експропріації експропріаторовъ. („Ближайшая задача совѣтской власти“, стр. 14).

Но Ленинъ не унываетъ, а наоборотъ возвѣщаетъ, что, несмотря ни на что, совѣты „выиграють кампанію противъ капитала“, такъ какъ процессъ созрѣванія пролетаріата идетъ гигантскими шагами впередъ. Онъ говоритъ:

Условіемъ поднятія продуктивности труда является ростъ культуры и образованія народныхъ массъ. Этотъ подъемъ совершается теперь съ необычной быстротой, благодаря „порыву къ свѣту и инициативѣ“, возникающему въ глубинахъ народа при посредствѣ совѣтской организаціи (стр. 33).

Подъемъ образованія народныхъ массъ можетъ быть двоякаго рода. Онъ можетъ проходить планомѣрно, систематически путемъ школьнаго обученія. Въ этой области въ Россіи предстоитъ еще колоссальная работа. Но вполнѣ достаточная школьная сѣть требуетъ большихъ средствъ, цвѣтущаго производства, дающаго значительные излишки. Русское производство даетъ такіе жалкіе результаты, что школьное дѣло страдаетъ до крайней степени. Большевики, несомнѣнно, прилагають усилія, чтобы сдѣлать все возможное для искусства и науки и ихъ распространенія среди массъ. Но эти возможности крайне ограничены экономическими оковами. Со стороны такимъ образомъ нельзя ожидать быстрого „подъема образованія“, облегчающаго скорый и достаточный ростъ производительности. Наоборотъ, этотъ ростъ является предпосылкой подъема образованія.

Однако взрослые люди учатся большей частью не въ школахъ, устраиваемыхъ государствомъ или общинами, а въ школахъ жизни. Лучшая возможность получить образованіе предоставляется имъ демократіей, къ существеннѣйшимъ установленіямъ которой принадлежитъ свобода преній и изложенія фактовъ, но которая несетъ съ собой обязательство для каждой партіи и направленія, борющихся за вліяніе надъ душой народа, — предостав-

лать каждому члену народнаго цѣлаго право изслѣдовать аргументы всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ и вырабатывать такимъ образомъ самостоятельность суждений. Наконецъ демократія сообщаетъ классовой борьбѣ высшія ея формы. Ибо при ней каждая партія обращается къ народу въ его совокупности. Каждая борется за опредѣленные классовые интересы, но вынуждена выдвигать тѣ стороны этихъ интересовъ, которые связаны съ общими интересами всего народа. Такъ современная государственная демократія превозмогаетъ узость приходской политики, какъ эта послѣдняя — узость цеховой. Привлекая массы къ участию въ политикѣ, демократія необычайно расширяетъ ихъ горизонтъ.

Всѣ эти возможности образованія народа оказываются похороненными, когда, какъ это дѣлаетъ совѣтская республика, демократія устраняется для замѣны ея рабочими совѣтами, обращающими „буржуевъ“ въ безправныхъ и прекращающими свободу печати. Спеціальные интересы наемныхъ рабочихъ такимъ путемъ изолируются отъ интересовъ общественнаго цѣлаго, и одновременно рабочій лишается возможности самостоятельно оцѣнивать аргументы борющихся классовъ и партій. Ибо эта оцѣнка изготавляется для него попечительнымъ начальствомъ, боязливо устраняющимъ всякую мысль, всякій фактъ, которые могли бы поселить въ груди рабочаго сомнѣніе въ божественномъ происхожденіи совѣтской власти.

Это, конечно, совершается въ интересахъ истины. Бѣдный, невѣжественный народъ долженъ быть огражденъ отъ лжи и отравы буржуазной печати съ ея могущественнымъ аппаратомъ. Но гдѣ въ современной Россіи этотъ могущественный аппаратъ, дающій буржуазной печати перевѣсъ надъ большевистской? Но вѣдь остріе большевистскаго удушенія печати направлено не исключительно на буржуазную печать, а на всякую прессу, которая не присягаетъ на вѣрность существующей правительственной системѣ.

Оправданіе этой системы коренится въ наивномъ взглядѣ, будто существуетъ какая-то абсолютная истина, и только коммунисты владѣютъ ею. Не менѣ того такое оправданіе опирается на другой взглядъ, по которому всѣ писатели — лжецы отъ рожденія, и только коммунисты суть фанатики правды. Въ дѣйствительности лжецовъ и фанатиковъ того, что признается ими за непогрѣшимую истину, можно найти въ любомъ лагерѣ. Но ложь пышнѣ всего процвѣтаетъ тамъ, гдѣ она не боится никакого контроля, гдѣ можетъ говорить лишь пресса одного-единственного направленія. Такимъ путемъ она получаетъ открытый листъ на ложь, поднимающій духъ во всѣхъ, кто лгать мастеръ, и тѣмъ усиленнѣе используемый, чѣмъ отчаяннѣе положеніе властвующихъ, чѣмъ больше они страшатся правды.

Правдивость извѣстій такимъ образомъ ни сколько не выигрываетъ, а наоборотъ страдаетъ отъ уничтоженія свободы печати.

Что же касается правдивости сужденій, то приходится повторить вслѣдъ за Пилатомъ: „что есть истина?“ Абсолютной правды не существуетъ, есть лишь процессъ познанія, ему, какъ и всему сокровищу человѣческихъ знаній, наносится огромный ущербъ, когда опредѣленная партія пользуется своей властью для монополіи своихъ воззрѣній, какъ единоспасительной правды, и для подавленія всякихъ иныхъ мнѣній.

Несомнѣнно, идеалисты среди руководителей большевизма дѣйствуютъ по доброй вѣрѣ, что они одни обладаютъ истиной, и что только нечестивые могутъ думать иначе. Однако, ту же самую добрую вѣру мы должны признать и за отцами священной испанской инквизиціи. „Культурный и образовательный подъемъ народныхъ массъ“ при такомъ режимѣ ничего не выигралъ. Конечно, есть разница между отцами священной инквизиціи и вождями совѣтской республики. Тѣ нисколько не домогались матеріальнаго и духовнаго процвѣтанія массъ на этой грѣш-

ной землѣ. Они хотѣли только обезпечить душамъ спасеніе въ иномъ мірѣ. Совѣтскіе же дѣятели думаютъ методами инквизиціи привести массы къ процвѣтанію во всѣхъ направленіяхъ. И они совершенно не замѣчаютъ, какъ они толкаютъ эти массы къ огрубѣнію.

Наряду съ высокимъ уровнемъ народнаго образованія предпосылкой для социализма является высокая мораль массъ, — мораль, проявляющаяся не только въ могучихъ социальныхъ инстинктахъ: чувствѣ солидарности, самоотреченія, преданности, но и въ способности эти чувства распространять за предѣлы узкаго круга товарищей на все общество.

Такую сильно развитую мораль мы уже наблюдали среди пролетаріевъ парижской Коммуны. И она незнакома массѣ, которая нынѣ задаетъ тонъ у большевиковъ.

Она должна быть создана теперь во что бы то ни стало. Такъ Троцкій взываетъ:

Эту коммунистическую мораль, товарищи, мы обязаны немедленно проповѣдовать, поддерживать, развивать и укрѣплять. Это — благороднѣйшая задача нашей партіи на всѣхъ путяхъ ея дѣятельности („Работа, дисциплина“ и т. д., стр. 21).

Да, думаетъ-ли Троцкій что новую мораль можно создать за сутки? Лишь медленно нарастаетъ она. А обновленіе производства не терпитъ отлагательства. И если коммунистическая мораль не возникла до начала социализаціи, поздно думать о ея насажденіи лишь послѣ экспропріаціи.

И какимъ путемъ хотятъ насадить ее? Ее хотятъ проповѣдовать. Какъ будто когда-нибудь отъ проповѣдей морали получался толкъ. Если марксисты возлагаютъ свои надежды на проповѣдь морали, то это показываетъ лишь, въ какой тупикъ они забрались.

Впрочемъ, новая мораль должна быть не только проповѣдуема, а и поддерживаема. Но какъ? Мораль есть продуктъ нашей жизни и нашихъ стремленій, въ нихъ она находитъ свое питаніе, по ихъ образу она складывается.

Высокая мораль, развиваемая борющимся пролетариатомъ, зависитъ отъ двухъ моментовъ. Какъ самые бѣдные и слабые въ обществѣ, пролетаріи могутъ отстоять себя лишь въ самомъ тѣсномъ единеніи. Преданность и самоотреченіе въ рядахъ пролетаріата цѣнятся выше всего, въ противоположность классу капиталистовъ, гдѣ уваженіе окружающихъ зависитъ отъ размѣра богатствъ, какимъ бы путемъ они ни были нажиты.

Однако одно могучее чувство солидарности не наполняетъ социалистической морали, на которой должно быть построено новое общество. Такое чувство солидарности можетъ оказаться противообщественнымъ, когда оно ограничено узкимъ кругомъ, добывающимъ своихъ выгодъ насчетъ остального общества, напр. родовитаго дворянства, бюрократіи, корпуса офицеровъ.

Что поднимаетъ солидарность современнаго пролетаріата на высоту социалистической морали, это — прежде всего распространеніе ея на все человѣчество, обусловленное сознаніемъ, что пролетаріатъ не можетъ добиться своего освобожденія, не освобождая въ то же время всего людскаго рода.

Уже молодой Энгельсъ ожидаетъ отъ признанія этого факта величайшаго подъема пролетарской морали. Въ своемъ трудѣ „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“ (2 изд., стр. 299) онъ приходитъ къ заключенію:

Въ той мѣрѣ, въ какой пролетаріатъ вбираетъ въ себя социалистическіе и коммунистическіе элементы, въ этой именно мѣрѣ революція теряетъ въ кровопролитности, мстительности и бѣшенствѣ своемъ. Коммунизмъ по принципу своему стоитъ надъ раздоромъ между буржуазіей и пролетариатомъ. Онъ признаетъ его лишь въ его историческомъ значеніи для настоящаго, а не для будущаго. Онъ стремится устранить какъ разъ этотъ раздоръ. Онъ признаетъ поэтому, пока раздоръ существуетъ, ожесточеніе пролетаріата противъ своихъ угнетателей, какъ необходимость, какъ важнѣйшій рычагъ возникающаго рабочаго движенія, но онъ возвышается надъ этимъ ожесточеніемъ, ибо онъ есть дѣло человѣче-

ства, а не однихъ рабочихъ. Кромѣ того ни одному коммунисту не придетъ голову проявлять месть надъ отдѣльными единицами или вообще думать, что отдѣльный буржуа могъ бы въ новой обстановкѣ поступать иначе, чѣмъ поступаетъ онъ самъ. Поэтому чѣмъ больше англійскіе рабочіе проникнутся социалистическими идеями, тѣмъ больше ихъ теперешнее ожесточеніе, — которое, оставаясь такимъ же напряженнымъ, какъ теперь, все-же ни къ чему не приведетъ, — окажется излишнимъ, тѣмъ больше ихъ шаги противъ буржуазіи утратятъ характеръ дикости и свирѣпости. Еслибы вообще можно было сдѣлать весь пролетаріатъ коммунистическимъ, пока не разразилась борьба, она протекала бы очень мирно. Но это уже невозможно, уже слишкомъ поздно. (Энгельсъ ожидалъ въ 1845 г. скорого наступленія революціи, которая и разразилась въ 1848 г., но не въ Англіи, а на континентѣ и не какъ пролетарское возстаніе. Каутскій.) Я все-же думаю, что до начала совершенно открытой войны бѣдныхъ противъ богатыхъ, ставшей въ Англіи неотвратимой, среди пролетаріата распространятся ясныя понятія о социальномъ вопросѣ, по крайней мѣрѣ, въ такомъ объемѣ, что коммунистической партіи удастся преодолѣть длительный ужасъ жестокой революціонной стихіи и предотвратить 9-ое Термидора.

Девятое Термидора было днемъ, когда Робеспьеръ палъ и парижское господство террора рушилось. Подобное крушеніе хотѣлъ предотвратить Энгельсъ, въ этомъ направленіи должны были дѣйствовать коммунисты, удаляя изъ классовой борьбы элементы свирѣпости и звѣрства противъ буржуазіи и выдвигая на первый планъ всечеловѣческіе интересы.

Какъ видно, Энгельсъ понималъ подъ коммунизмомъ нѣчто иное, чѣмъ теперь большевики. Чего хотѣлъ Энгельсъ, того добивались какъ разъ тѣ русскіе социалисты, съ которыми большевики находились въ непримиримомъ противорѣчій. Большевики одержали верхъ надъ своими социалистическими противниками, благодаря тому, что они дикость и свирѣпость „возникающаго рабочаго движенія“ обратили въ двигательную силу своей революціи. Благодаря тому, что они вульгаризировали социа-

листическое движеніе, обративъ дѣло человѣчества въ дѣло „однихъ только рабочихъ“. Благодаря тому, что они возвѣстили всевластіе наемныхъ рабочихъ (наряду съ бѣднѣйшимъ крестьянствомъ въ деревняхъ), и ихъ господство началось съ объявленія всѣхъ, кто не плясалъ подъ ихъ дудку, безправными и опрокинутыми на дно нищеты. Благодаря тому, что они уничтоженіе классовъ связали съ созданіемъ новаго класса рабовъ изъ рядовъ прежней буржуазіи. И, превративъ соціалистическую борьбу за освобожденіе и поднятіе всего человѣчества на высшую ступень во взрывъ ожесточенія и мстительности противъ отдѣльныхъ лицъ, преданныхъ истязаніямъ и пыткамъ, — большевики не подняли рабочаго класса на высшую ступень, а развратили его. Они еще увеличили деморализацію тѣмъ, что экспропріацію экспропріаторовъ оторвали отъ ея тѣснѣйшей зависимости съ созданіемъ новой общественной организаціи, лишь въ связи съ которой эта экспропріація образуетъ соціалистическую стихію. Оторванная отъ этой связи, экспропріація со средствъ производства перекинулась на средства продовольствія. Отсюда — къ бандитизму, идеализированному въ образѣ Стеньки Разина, всего лишь одинъ шагъ.

Отрицательную программу большевизма массы восприняли безъ всякихъ затрудненій: ненужно ни бороться, долой всякія обязанности, нужно только брать, хватать и присваивать, что можно, или, какъ удивительно формулировалъ Ленинъ: „грабь награбленное“ (Гавронскій, „Балансъ русскаго большевизма“. Берлинъ, 1919, стр. 39.)

Въ соотвѣтствіи съ такими воззрѣніями атаманъ Стенька Разинъ увѣковѣченъ совѣтской республикой въ памятникъ.

Въ такомъ родѣ «поддерживаль» и проповѣдовалъ большевизмъ новую коммунистическую мораль, безъ которой невозможно соціалистическое строительство. Это означало лишь растущую деморализацію дальнѣйшихъ частей русскаго пролетаріата.

Таковы были послѣдствія, ужаснувшія идеалистовъ-большевиговъ, но они были въ состояніи замѣтить лишь результаты, а не ихъ причины, ибо это послѣднее знаменовало бы собой необходимость выбросить за сортъ всю ихъ правительственную систему.

Отчаянно искали они средства привить массамъ коммунистическую мораль. И ничего ясного отыскать не могли они, марксисты, отважные революціонеры, новаторы, какъ только жалкую увертку стараго общества, съ помощью которой оно пытается смыть съ себя свои собственные грѣхи: трибуналъ, каторга, казнь. То есть терроръ.

Ленинъ пишетъ въ цитированной уже нѣсколько разъ брошюрѣ о ближайшихъ задачахъ совѣтской власти, стран. 47:

Трибуналъ является инструментомъ возстанія дисциплины. Еще недостаточно уясненъ простой и очевидный фактъ, что, если главное несчастье Россіи — голодъ и безработица, то это бѣдствіе можно побѣдить не мечами и пареніемъ въ заоблачныхъ высотахъ, а всесторонней, всеохватывающей организаціей и дисциплиной..., что поэтому въ мукахъ голода и безработицы повиненъ всякій, кто нарушаетъ рабочую дисциплину въ любомъ предпріятіи. въ любомъ дѣлѣ, — что надо умѣть виновнаго розыскать, поставить предъ трибуналъ и безжалостно покарать.

Безжалостными карами русскому пролетаріату должна быть вбита коммунистическая мораль, дабы онъ такимъ образомъ созрѣлъ для социализма. Но нигдѣ еще «безжалостными карами» не поднималась мораль, или лишь убивался послѣдній остатокъ ея. Безжалостныя кары являются неизбѣжнымъ зломъ стараго порядка, ибо ему заказаны пути къ созданію лучшей морали при помощи лучшихъ жизненныхъ условий. Соціалистическій режимъ, не видящій иного пути для пробужденія въ пролетаріатѣ болѣе высокой морали, какъ только безжалостный трибуналъ, обнаруживаетъ тѣмъ лишь свое собственное банкротство.

в) Диктатура.

Въ сущности, какъ кажется, и самъ Ленинъ не ожидаетъ особаго подъема морали отъ своихъ трибуналовъ, ибо тотчасъ же вслѣдъ за требованіемъ этихъ трибуналовъ онъ выдвигаетъ новое — „о надѣленіи диктаторскимъ и неограниченнымъ полномочиемъ руководителей производствъ“ (стр. 49):

Всякая механическая крупная промышленность — а это какъ разъ означаетъ источникъ производства и фундаментъ социализма — требуетъ безусловнаго и строжайшаго единства воли... Но какъ можетъ быть гарантировано строжайшее единство воли? Подчиненіемъ воли тысячъ волъ немногихъ.

Это подчиненіе при идеальномъ сознаніи и дисциплинированности участниковъ общей работы напоминаетъ мягкое руководство дирижера оркестра. Оно можетъ получить жестокую форму диктаторства, если отсутствуютъ идеальная дисциплинированность и сознаніе.

До сихъ поръ мы исходили изъ того, что сознаніе и дисциплинированность рабочаго класса являются предпосылкой зрѣлости пролетаріата, безъ которой невозможенъ истинный социализмъ. Самъ Ленинъ въ предисловіи къ цитированной брошюрѣ говоритъ (стр. 6):

Подобная революція можетъ быть успѣшно осуществлена лишь при самостоятельномъ историческомъ творествѣ большинства населенія и прежде всего большинства трудящихся.

И послѣ того, какъ онъ засвидѣтельствовалъ, что социализмъ не есть продуктъ меньшинства, а лишь большинства населенія и только „прежде всего“, а не исключительно „трудящихся“ и такимъ образомъ противъ воли призналъ неотъемлемость демократіи, — онъ продолжаетъ:

Лишь тогда, когда пролетаріатъ и бѣднѣйшее крестьянство найдутъ въ себѣ достаточно сознательности, идейности, самоотреченія, стойкости, будетъ обезпечена побѣда социалистической революціи.

А пока что побѣда должна быть обезпечена трибуналами и руководителями производствъ:

Революція только-что разбила старѣйшія, крѣпчайшія и тягчайшія оковы, въ которыя массы были загнаны кнутомъ. Это было вчера. Сегодня та же революція требуетъ, и именно въ интересахъ социализма, безпрекословнаго подчиненія массъ единой волѣ руководителей трудового процесса. (стр. 52).

Свобода, вчера лишь завоеванная, сегодня снова отнимается, ибо массы не нашли въ себѣ достаточной сознательности, идейности, самоотреченія и стойкости“. Но на стр. 7 изъ отсутствія этихъ особенностей выводится невозможность проведенія социализма, а на стр. 52 „въ интересахъ социализма“ требуется безпрекословное подчиненіе незрѣлыхъ массъ диктатору-руководителю. Этимъ ихъ положеніе низводится на степень, на которой онѣ находились при капиталистическомъ производствѣ. Тамъ онѣ были подчинены капиталу, но все-же не безпрекословно подчинены.

Но Ленинъ утѣшаетъ себя и свою публику, конечно, тѣмъ, что эта диктатура въ отличіе отъ капиталистическаго руководства „осуществляется массами трудящихся и эксплуатируемыхъ“, „осуществляется также организаціями, которыя построены такъ, что ими массы пробуждаются и поднимаются къ историческому творчеству. Совѣтскія организаціи принадлежатъ къ организаціямъ такого рода“ (стр. 51).

Какъ, именно, устраненіе и удушеніе всякой критики способствуетъ пробужденію массъ и поднятію ихъ къ историческому творчеству, было только-что показано. Совѣтская организація ничего не мѣняетъ въ этомъ смыслѣ. Но какъ можетъ желѣзная диктатура немногихъ при „безпрекословномъ подчиненіи массъ“ повести къ свободной самодѣятельности чрезъ организацію этихъ массъ? Кто массами избирается, ими можетъ быть смѣщенъ, въ сво-

емъ переизбраніи долженъ съ ними считаться, — всегда является зависимымъ отъ нихъ, не можетъ провести ничего, что не встрѣчаетъ ихъ одобренія. Онъ можетъ сломить упорство отдѣльныхъ членовъ избравшей его организаціи, если они идутъ наперекоръ большинству, но его премудрости наступитъ скорый конецъ, какъ только онъ попытается навязать имъ вопреки ихъ желанію свои законы.

Поэтому личная диктатура и демократія — несовмѣстимы. Это относится также и къ совѣтской демократіи. Ленинъ заявляетъ, конечно, что „такой способъ сужденія не выдерживаетъ критики“. Но крутостью своихъ выраженій онъ пытается возмѣстить слабость аргументаціи, ибо онъ не находитъ ничего лучшаго для возраженія, какъ только то, что

если мы — не анархисты, мы должны признать неотъемлемость государства, т. е. принужденія, въ переходное время отъ капитализма къ социализму.

Здѣсь, несомнѣнно, наши точки зрѣнія совпадаютъ. Демократія также не исключаетъ принужденія; но единственный видъ принужденія, который она допускаетъ, есть принужденіе большинства надъ меньшинствомъ. Принужденіе въ переходную эпоху отъ капитализма къ социализму есть принужденіе большинства трудящихся надъ меньшинствомъ капиталистовъ. Но во второй стадіи революціи, о которой говоритъ Ленинъ, когда рабочіе сбросили съ себя цѣпи, рѣчь идетъ не объ этомъ. Здѣсь рѣчь идетъ о принужденіи отдѣльныхъ лицъ надъ рабочими массами. Что этотъ родъ принужденія несовмѣстимъ съ демократіей, — Ленинъ не опровергаетъ ни единымъ словомъ. Онъ пытается сдѣлать его пріемлемымъ при помощи фокусъ-покуса, выводя изъ принужденія массъ надъ отдѣльными капиталистами для проведенія социализма — въ высокой степени совмѣстимаго съ демократіей — даже если оно означаетъ самовластіе отдѣльныхъ лицъ надъ массами.

Онъ утверждаетъ:

Поэтому нѣтъ рѣшительно никакой принципиальной разницы между совѣтской (т. е. социалистической) демократіей и примѣненіемъ диктаторской власти отдѣльныхъ лицъ.

Можетъ быть, и такъ. Но въ такомъ случаѣ „совѣтскій демократизмъ» является своеобразнымъ растеніемъ, къ которому можно привить любой произволъ, если онъ только прикрытъ именемъ социализма.

Если рабочіе извѣстнаго производства должны безпрекословно подчиняться руководителю, то онъ не можетъ быть избираемъ ими, а долженъ быть имъ навязанъ стоящей надъ ними инстанціей. И совѣтъ фабричныхъ депутатовъ въ такомъ случаѣ теряетъ право голоса. Тогда центральный исполнительный комитетъ, насаждающій диктаторовъ, долженъ самъ добиваться диктаторской власти, совѣты должны превратиться въ тѣнь, а представленные въ нихъ массы потерять всякое вліяніе.

Съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ Мюнхгаузенъ вытаскивалъ себя за собственную косу изъ болота, можетъ рабочая масса, лишенная «сознательности, идейности, самоотреченія и стойкости», сама избирать для себя диктатора съ тѣмъ, чтобы онъ поднималъ ее на высшую ступень развитія, и безвольно склоняться предъ нимъ, когда онъ требуетъ отъ нея дѣйствій, связанныхъ съ сознательностью, идейностью, самоотреченіемъ и стойкостью.

И откуда явятся эти диктаторы не только съ интеллектуальнымъ, но и моральнымъ превосходствомъ? Всякій произволъ заключаетъ въ себѣ зародышъ развращенія власти, олицетворяетъ-ли ее отдѣльная личность или группа, безразлично. Только исключительныя натуры въ состояніи уберечься отъ такихъ разлагающихъ послѣдствій. Должны-ли мы думать, что именно російскіе диктаторы сплошь являются такими исключительными натурами? Ленинъ общаетъ, что они будутъ заботливо просѣяны:

Мы не уклонимся отъ нашего пути, если попытаемся съ возможной заботливостью и терпѣніемъ испытать и затѣмъ признать истинныхъ организаторовъ, людей со здоровымъ смысломъ и практической жилкой, людей, которые

преданность социализму соединяють со способностями без шума (и не взирая на сумятицу) сомкнуть массы въ стойкой единодушной работѣ въ рамкахъ совѣтской организаціи. Только такіе люди должны послѣ десятикратнаго испытанія, послѣ того, какъ они отъ простѣйшихъ заданій перешли къ наиболѣе сложнымъ, получать назначеніе на отвѣтственные посты руководителей управленія. Мы еще этому не научились. Мы этому научимся. (Стр. 41. 42.)

Кто разумѣется подъ этими „мы“—неясно. Очевидно, не невѣжественныя, недисциплинированныя, безтолковыя массы. Скорѣе высшіе чины, центральный исполнительный комитетъ. Но и они еще «не научились» искусству правильного избранія руководителей народнаго труда. Дано обѣщаніе изучить его. Срока для прохожденія курса не установлено. Безспорно лишь то, что теперь выборъ руководителей производится въ высокой мѣрѣ несовершенно.

Такимъ образомъ, отсутствуетъ не только необходимая зрѣлость массъ, но и необходимая зрѣлость руководителей. Послѣ того, какъ экспроприація произведена, и нужно перейти къ организаціи, дѣлають открытіе, что сначала всему нужно научиться, — даже выбору высшихъ руководителей государственнаго хозяйства.

г) *Коррупція.*

И что за элементы примазываются къ новому режиму!

Ни одно глубокое и могущественное народное движеніе не прошло въ исторіи безъ слѣда грязи — безъ того, что къ неопытнымъ новаторамъ не присасывались авантюристы и жулики, хвастуны и крикуны, безъ бессмысленной суетни, безголовья, пустой хлопотливости, безъ попытокъ отдѣльных „вождей“ хвататься за двадцать дѣлъ и ни одного не доводить до конца (Ленинъ, „Ближайшія задачи“, стр. 40).

Безспорно, всякому великому народному движенію приходится страдать отъ такихъ вредныхъ явленій. Мы чувствуемъ ихъ теперь въ Германіи. Но русскій совѣтскій режимъ проявляетъ при этомъ кой-какія своеобразныя черты.

Прежде всего, нигдѣ „новаторы“ не являются столь „неопытными“, какъ тамъ. При царизмѣ всѣмъ передовымъ элементамъ было заказано всякое сужденіе, а тѣмъ болѣе участіе въ государственномъ и коммунальномъ управленіи, а также всякое крупное организаціонное начинаніе. Интересъ революціонеровъ, особенно наиболѣе нетерпѣливой и энергичной ихъ части, сосредоточивался на борьбѣ съ полиціей и подпольной, заговорщической дѣятельностью. Упрека въ неопытности, когда они внезапно очутились у власти, имъ дѣлать нельзя. Но эта неопытность снова показываетъ, какъ незрѣла была Россія при возникновеніи революціи для социализма, который тѣмъ менѣе могъ быть осуществленъ невѣжественными, недисциплинированными массами, чѣмъ менѣе опытни были новаторы, указывающіе этимъ массамъ путь. Все болѣе становится яснымъ, что воспитаніе массъ и ихъ вождей въ демократіи является предпосылкой социализма. Нельзя однимъ скачкомъ перепрыгнуть изъ абсолютизма въ социализмъ.

Но совѣтскій режимъ отличается отъ прежнихъ великихъ народныхъ движеній тѣмъ, что онъ устранилъ лучшее средство вывести на чистую воду „авантюристовъ и жуликовъ, хвастуновъ и крикуновъ“ — свободу печати. Эти элементы такимъ путемъ освободились отъ критики знатоковъ дѣла. Имъ приходилось имѣть дѣло только съ невѣжественными рабочими и солдатами, а также съ неопытными новаторами. И они всходили, какъ на дрожжахъ.

Но вотъ вожди большевиковъ рѣшили научиться, какъ отдѣлать пшеницу отъ плевеловъ, истинныхъ, самоотверженныхъ организаторовъ отъ мошенниковъ и жуликовъ. Не задолго до того, какъ они этому „научились“, производительность при отсталости русскихъ рабочихъ даетъ осѣчку и грозитъ полной пріостановкой. И только диктатурой руководителей надѣются положить конецъ бѣдѣ. Приходится раздавать диктатуры, даже не будучи въ со-

стояніи сдѣлать необходимый выборъ. И такая диктатура, — къ которой и безъ того имѣется неустранимое недовѣріе, — можетъ вліять лишь зловредно. И такъ сначала произвели экспроприацію, а потомъ только стали думать объ организаціи, такъ сначала насаждаютъ диктаторовъ, а потомъ отыскиваютъ способы ихъ избранія.

Этотъ „шиворотъ-навыворотъ“ былъ неизбѣженъ съ того момента, когда порѣшили ввести социализмъ, опираясь лишь на желанія, а не на реальныя условія.

Но совѣтскому режиму вредитъ не только наплывъ „авантюристовъ и жуликовъ“, критику которыхъ онъ сдѣлалъ почти невозможной. Неменѣе грознымъ является для него то, что онъ оттолкнулъ отъ себя наиболѣе стойкихъ и одаренныхъ представителей интеллигенціи.

Безъ участія интеллигенціи въ теперешней стадіи производства социализмъ неосуществимъ. Покуда социализмъ находился въ стадіи пропаганды, покуда дѣло шло о ясномъ сознаніи пролетаріатомъ его мѣста въ обществѣ и вытекающихъ отсюда историческихъ его задачахъ, социализмъ нуждался въ интеллигентахъ — безразлично кто они были: академически образованные буржуа или самоучки-рабочіе — лишь для выработки и популяризаціи его теорій. Тогда дѣло шло не о количествѣ, а о качествѣ силъ.

Совсѣмъ иное теперь, когда мы вступили въ полосу практическаго осуществленія социализма. Какъ капиталистическое производство и капиталистическое государство не могутъ существовать безъ помощи многочисленныхъ, надежныхъ, трудолюбивыхъ и научно-образованныхъ силъ, такъ и общественное производство и государственная власть рабочаго класса не могутъ обойтись безъ нихъ. Безъ нихъ, а въ особенности вопреки имъ, социализмъ невозможенъ.

Для ихъ практическаго сотрудничества при введеніи социализма не требуется страстная преданность великому дѣлу освобожденія человѣчества, какъ при развитіи и про-

пагандѣ социалистической теоріи. Но по меньшей мѣрѣ необходимо, чтобы по крайней мѣрѣ значительная часть интеллигенціи пришла къ убѣжденію въ возможности и выгоды социалистическаго производства и такимъ образомъ не вынуждена была поступаться своимъ интеллектомъ при работѣ на пользу социализма. Если и въ области мускульной работы болѣе тонкое производство несовмѣстимо съ принудительнымъ трудомъ, то еще въ болѣе сильной степени это правило относится къ области умственнаго труда.

Отсутствіе сомнѣній у интеллигенціи въ осуществимости социализма и готовность ея работать надъ его проведеніемъ съ момента, когда ему принадлежитъ власть, являются предпосылками социалистическаго производства, условіями, до которыхъ общество должно дорасти, если оно хочетъ быть зрѣлымъ для социализма.

Это условіе само наступить съ тѣмъ болѣею скоростью, чѣмъ болѣе остальные условія социализма будутъ налицо, такъ что дѣйствительность сама приведетъ колеблющихся интеллигентовъ къ социалистическимъ убѣжденіямъ.

Эту важность интеллигенціи большевики постигли не сразу, ибо они прежде всего слѣпо отдались потоку солдатской, крестьянской и рабочей массы.

Интеллигентская масса съ самаго начала относилась къ нимъ враждебно, какъ и социалисты среди нея, такъ какъ имъ было ясно, что Россія не созрѣла для того рода немедленной всеобщей социализаціи, которую предприняли большевики. Другіе, ничего не думавшіе по этому поводу, отшатнулись при зрѣлищѣ истязаній, выпавшихъ на долю интеллигенціи. Тотъ былъ изгнанъ изъ фабрики, которой рабочіе хотѣли руководить сами, этотъ оказался политически безправнымъ, ибо всевластные рабочіе совѣты предоставляли избирательное право только мускульнымъ рабочимъ. Иной былъ экспропрированъ, поскольку имѣлъ кой-какое имущество, и лишенъ возможности вести куль-

турный образъ жизни. Въ концѣ концовъ даже присужденъ къ принудительной работѣ и голодной смерти.

Вначалѣ большевики думали обойтись безъ интеллигенціи, безъ „спеціалистовъ“. Царизмъ держался убѣжденія, что каждый генералъ способенъ безъ всякой спеціальной подготовки занять любой постъ. Совѣтская республика наряду со многимъ другимъ позаимствовала у царизма и это убѣжденіе, — съ той только разницей, — что на мѣсто генерала она поставила пролетарія. Теоретики большевизма называли этотъ процессъ „развитіемъ соціализма отъ научнаго міровоззрѣнія къ практическому осуществленію“. Скорѣе бы можно было назвать его „развитіемъ отъ научнаго міровоззрѣнія къ дилетантизму.“

Какъ въ совѣтской республикѣ принято за правило — во всемъ руководиться желаніемъ, а не изученіемъ обстановки, — послѣ того, какъ дитя уже упало въ колодезь, постепенно пришли къ признанію того, что было необходимо сдѣлать: попытались закрыть колодезь, привлечь интеллигенцію къ работѣ, помимо той принудительной, о которой уже была рѣчь, — къ работѣ, для которой она была пригодна, которую она знала. Интеллигенты, поступившіе на правительственную службу, не почитались уже „буржуями“, не подвергались гоненіямъ, какъ таковые. Они поднялись въ ряды „трудоваго“ населенія, производящаго „продуктивную“ и „полезную“ работу, были гарантированы отъ экспроприацій и получали достаточное содержаніе.

И такъ какъ не убѣжденіе, а страхъ предъ нищетой и издѣвательствами погналъ большинство изъ нихъ на правительственную службу, то и работа ихъ въ дѣйствительности была ни очень продуктивной, ни очень полезной.

Троцкій, напримѣръ, жалуется на это въ уже цитированной брошюрѣ „Работа, дисциплина“ и т. д. Онъ говоритъ:

Первый періодъ борьбы съ саботажемъ (интеллигенціи) заключался въ томъ, что мы организаціи саботажниковъ

разрушили безжалостно. Это было необходимо и потому справедливо.

Теперь, когда власть совѣтовъ укрѣплена, борьба съ саботажемъ должна выразиться въ томъ, что вчерашніе саботажники должны быть обращены въ слугъ, исполнителей, руководителей тамъ, гдѣ этого требуетъ новый режимъ.

Троцкій полагаетъ такимъ образомъ, что „необходимый и потому справедливый“ путь обращенія интеллигентовъ въ слугъ и руководителей социализаціи прежде всего ведетъ къ „безжалостному“ давленію на нихъ.

Что происходитъ при этомъ, рассказываетъ онъ самъ:

Мы раздавили старый саботажъ и большинство прежнихъ чиновниковъ вымели желѣзнымъ вѣникомъ. Замѣстители этихъ прежнихъ чиновниковъ показали себя въ дальнѣйшемъ далеко не всегда въ качествѣ первокласснаго матеріала. Ни въ одной области управленія. Съ одной стороны на освободившіяся мѣста пошли наши партійные товарищи, лучшіе элементы, борцы честнѣйшіе, безкорыстнѣйшіе. Съ другой стороны появились карьеристы, интриганы, свихнувшіеся, остававшіеся при старомъ режимѣ не у дѣль. Когда сразу обнаружилась необходимость привлеченія десятковъ тысячъ новыхъ, квалифицированныхъ рабочихъ, ничего не было удивительнаго въ томъ, что многимъ мародерамъ удалось проникнуть въ поры новаго режима.

Нужно къ этому добавить, что многіе товарищи, работающіе въ различныхъ вѣдомствахъ и учрежденіяхъ, до сихъ поръ еще не проявляютъ способностей къ органическому, творческому, настойчивому труду. Мы шагъ за шагомъ наблюдаемъ такихъ товарищей, особенно изъ рядовъ октябрьскихъ большевиковъ, въ министерствахъ, гдѣ они работаютъ четыре-пять часовъ и притомъ не особенно интенсивно и это — въ такое время, когда все наше положеніе требуетъ отъ насъ напряженнѣйшаго труда не за страхъ, а за совѣсть. (с. 18, 19).

Таковъ былъ «необходимый», но посему отнюдь не «справедливый» результатъ политики, которая пыталась привлечь интеллигенцію не убѣжденіемъ, а пинками сапога.

Вслѣдъ затѣмъ перешли къ другому средству, дабы достичь выдающейся исполнительности. Парижская Ком-

муна 1871 г. сократила высокіе оклады государственныхъ должностей и установила, какъ высшее жалованье, 6 тыс. франковъ въ годъ. Совѣтская республика хотѣла послѣдовать ея примѣру. Но дѣло не пошло. И тутъ она вынуждена была поступить «шиворотъ-на-выворотъ». Ленинъ замѣчаетъ по этому поводу:

Мы должны были обратиться къ старому буржуазному средству и согласиться на очень высокую оплату крупнѣйшихъ изъ буржуазныхъ специалистовъ за ихъ „служебныя услуги“... Ясно, что такая мѣра является компромиссомъ, отклоненіемъ отъ принциповъ Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти... Ясно, что такая мѣра означаетъ не только остановку—въ извѣстной области и въ извѣстной степени — наступленія на капиталъ, но и шагъ назадъ нашей социалистической совѣтской власти („Ближайшія задачи совѣтской власти“, стр. 19).

Но Ленинъ думаетъ, что ничего другого не оставалось. И онъ правъ. Необходимость высокихъ окладовъ можетъ быть вызвана двумя причинами. Чѣмъ больше производство, чѣмъ многочисленнѣе его рабочіе, тѣмъ значительнѣе — при одинаковыхъ вообще обстоятельствахъ — масса вырабатываемой имъ добавочной стоимости. Доставляетъ одинъ рабочій 5 мар. въ день такой стоимости, и производство съ 100 рабочими дастъ 500 мар. въ день, съ 1000 рабочими — 5000 мар. — Чѣмъ обширнѣе производство, тѣмъ труднѣе его организовать и вести, тѣмъ рѣдкостнѣе нужныя для этого силы, тѣмъ крупнѣе однако средства, которыми располагаютъ владѣльцы предпріятія для покупки такой избранной силы. И по мѣрѣ роста крупныхъ предпріятій растутъ и оклады ихъ руководителей и достигаютъ порой невѣроятныхъ размѣровъ. Съ этимъ обстоятельствомъ приходится считаться и государству.

Если оно не повышаетъ соотвѣтственно жалованья своихъ высшихъ чиновниковъ, то должно ожидать, что частная промышленность переманитъ ихъ къ себѣ, — поскольку они чего-нибудь стоятъ и не являются простыми владѣтелями синекуръ. Этимъ путемъ государственное

управленіе бѣднѣетъ духовно, и тутъ — одна изъ причинъ, почему государственное хозяйство такъ часто не въ состояніи выдержать конкуренцію частнаго.

И еще большой вопросъ, смогла-ли бы Коммуна остановиться на фиксированномъ ею высшемъ окладѣ въ 6 т. франковъ, — еслибы при ней развилось крупное капиталистическое, а не социализированное производство (что очень допустимо). Ея декретъ отъ 2 апрѣля свидѣтельствуется поэтому о мелко-мѣщанскомъ характерѣ тогдашней парижской промышленности. Во всякомъ случаѣ о — безкорыстіи членовъ Коммуны. На извѣстный примѣръ министра финансовъ Журда было уже указано.

Конкуренція цвѣтущей и мощной частной промышленности не является въ совѣтской Россіи причиной чрезвычайныхъ окладовъ выдающихся „спеціалистовъ“. Ибо эта промышленность или экспроприрована, или разрушена и не даетъ болѣе частнымъ предпринимателямъ добавочной стоимости. Высокими окладами преслѣдуется тамъ одна лишь цѣль: побороть антипатію способнѣйшихъ среди интеллигентовъ къ совѣтской республикѣ. Такъ какъ убѣжденіе не дѣйствуетъ, бичемъ голода не удалось достичь замѣтныхъ результатовъ, остается одно: купить людей возобновленіемъ для нихъ, по меньшей мѣрѣ, капиталистическихъ условій существованія.

Мы видимъ теперь, что за элементы подбираются въ совѣтской Россіи на роли руководителей социалистическаго производства. Съ одной стороны — нѣсколько старыхъ заговорщиковъ, честныхъ борцовъ, безпорочнаго образа мыслей, но все-же въ дѣловомъ смыслѣ „неопытныхъ новаторовъ“. Съ другой стороны — много численные интеллигенты, противъ своихъ убѣжденій поступающіе въ распоряженіе новой власти въ качествѣ карьеристовъ, — какъ они поступили бы въ распоряженіе всякой иной власти, или гонимые страхомъ голода и издѣвательствъ, или наконецъ соблазняемые высокими окладами. Однимъ словомъ, какъ признается Троцкій „далеко не перwokлас-

сные элементы“. И даже поскольку они кой-что знают, они все же не наиболее типичные въ своей области. Люди, одновременно и съ выдающимися характерами, и съ выдающимися знаніями, среди нихъ—что бѣлые вороны.

Для спасенія социализма въ руки такихъ элементовъ передается диктаторская власть, которой рабочіе должны подчиняться безпрекословно. Власть, развращающая лучшихъ. Здѣсь она заурядъ ввѣряется людямъ, уже и безъ того развращеннымъ.

Среди всеобщаго обнищанія, всеобщей экспроприаціи въ ихъ рукахъ скопляются основы для созданія новаго капитализма. Производство товаровъ продолжается дальше и должно продолжаться, такъ какъ крестьянское хозяйство является производителемъ товаровъ и занимаетъ господствующее положеніе. При этомъ крестьянское хозяйство поставляетъ все меньше излишковъ. Совѣтская республика вручаетъ всю власть въ деревнѣ бѣднѣйшему крестьянству, не имѣющему возможности добывать такъ много, чтобы получались излишки для рынка. Состоятельные крестьяне должны безъ вознагражденія отдавать въ продовольственные склады свои излишки. Эта практика, если она вообще осуществима, можетъ быть проведена лишь однажды. Къ слѣдующему году состоятельный крестьянинъ воздержится добывать больше, чѣмъ нужно ему самому. И продуктивность сельскаго хозяйства падетъ. Тѣ же излишки, которые все же окажутся у крестьянина, онъ припрятетъ и изъ-подъ полы сбудетъ спекулянту.

Въ то же время парализуется промышленность, — и государственные расходы при такихъ условіяхъ могутъ покрываться лишь безграничнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ. Въ такой обстановкѣ, — какъ во время французской революціи, какъ теперь въ Германіи, хотя и не въ такомъ размѣрѣ, — вырастаютъ спекуляціи на валютѣ, контрабандная торговля, ростовщичество. Высшую форму капитализма, ту, что даетъ просторъ производительности труда и улучшаетъ матеріальныя основы массъ, прежде-

временно исковеркали, а его паразитическимъ, низшимъ формамъ дали возможность пышно процвѣтать.

Само собой разумѣется, совѣтскій режимъ подобно французскому террору пытается положить конецъ этимъ бичамъ уничтоженіемъ спекулянтовъ, торговцевъ изъ-подъ полы, ростовщиковъ. Тогда ихъ гильотинировали, теперь въ модѣ разстрѣль. А результатъ — одинъ. Единственный результатъ — тотъ же, что и въ 1793 году: растеть премія за рискъ, взимаемый жульническимъ капиталомъ, и соотвѣтственно повышается размѣръ взятокъ, требуемыхъ и получаемыхъ новыми диктаторами съ неосторожныхъ, попадающихъ въ ихъ сѣти. И здѣсь накаплиются новыя состоянія.

Желающихъ ознакомиться болѣе съ этимъ взяточническимъ хозяйствованіемъ новой російской бюрократіи мы отсылаемъ къ книгѣ Гавронскаго „Балансъ русскаго большевизма“, гдѣ, начиная со стр. 58 приводятся случаи подкупа.

Какъ обуздать этихъ „диктаторовъ“, которымъ рабочіе выданы на безпрекословное подчиненіе?

Какъ для моральнаго подъема массъ, такъ и для нравственнаго оздоровленія своихъ руководителей, совѣтская власть знаетъ одно только средство — терроръ трибуналовъ. И если диктатуру пролетаріата бьетъ козырь его „организаторовъ“, то карту послѣднихъ бьетъ въ свою очередь козырь диктатуры трибуналовъ.

Создается сѣть революціонныхъ трибуналовъ и чрезвычайныхъ комиссій по „борьбѣ съ контръ-революціей, спекуляціей и взяточничествомъ“, и эти учрежденія расправляются по произволу со всякимъ, на кого поступаетъ доносъ, разстрѣливаютъ любого, кто имъ оказывается не по нраву, а также всякаго захваченнаго спекулянта и мѣшечника, какъ и ихъ пособниковъ среди совѣтскихъ чиновниковъ. Но они не останавливаются на этомъ, а накладываютъ свою руку на каждого честнаго критика этого страшнаго распорядка. Подъ общимъ наименованіемъ

„контръ-революціи“ въ одну кучу сваливается всякая оппозиція, изъ какихъ бы круговъ и побужденій она ни исходила, какими бы средствами она ни боролась, какія бы цѣли она ни преслѣдовала.

Но къ сожалѣнію и этотъ образъ дѣйствій ничему не помогаетъ. Къ ужасу своему честные большевики все больше проникаются убѣжденіемъ, что чрезвычайныя комиссіи, эта послѣдняя надежда на оздоровленіе революціи, также нравственно развращены. Гавронскій цитируетъ (стр. 6) слѣдующій крикъ сердца „Извѣстій чрезвычайныхъ комиссій“:

Со всѣхъ сторонъ несутся къ намъ извѣстія, что въ губернскія и особенно въ уѣздныя комиссіи пытаются проникнуть не только недостойные, но прямо преступные элементы.

Гавронскій приводитъ также (стр. 62) свидѣтельства того, что эти элементы не только пытаются, но и проникаютъ въ комиссіи. Такъ, напр., вотъ что сообщаетъ центральный органъ революціоннаго коммунизма отъ 10 октября 1918 г.

Въ воспоминаніяхъ всѣхъ еще живы случаи, когда мѣстные совѣты были буквально терроризированы „чрезвычайками“. Происходилъ естественный подборъ: въ совѣтахъ оставались лучшіе элементы, въ то время, какъ въ „чрезвычайкахъ“ скоплялись бродяги, падкіе до всякаго рода бандитизма.

И отъ программы обновленія человѣчества социализмомъ при большевистскихъ методахъ въ концѣ концовъ остается лишь группка честныхъ борцовъ среди растущаго потока невѣжества, развращенности и отчаянія, поднимающагося все выше и грозящаго окончательно затопить ихъ.

д) Превращенія большевизма.

Многіе революціонеры Запада съ триумфомъ указываютъ на то, что большевизмъ такъ долго держится у власти и въ то время, когда пишутся эти строки (май

1919 г.), еще чрезвычайно крѣпокъ. Критики же его предсказывали ему быстрый развалъ еще при началѣ его господства.

Къ этому развалу дѣло пришло бы уже давно, еслибы большевики оставались вѣрны своей программѣ. Они удержались лишь благодаря тому, что они сдавали одну за другой свои позиціи и въ концѣ концовъ пришли къ отрицанію того, что намѣревались завоевать.

Чтобы придти къ власти, они выкинули за бортъ свои демократическіе принципы. И, чтобы удержать за собой власть, они свои социалистическіе принципы отравили вослѣдъ демократическимъ. Они отстояли себя персонально, но принесли въ жертву свои принципы и этимъ проявили себя въ качествѣ истинныхъ оппортунистовъ. Большевизмъ побѣдилъ въ Россіи, но социализмъ потерпѣлъ тамъ поражение.

Стоить только присмотрѣться къ формѣ общественности, развившейся подъ режимомъ большевизма, фатально развившейся съ момента примѣненія большевистскихъ методовъ.

Подведемъ нѣкоторые итоги.

Въ теперешней большевистской Россіи мы находимъ крестьянство на основѣ неограниченной частной собственности и безусловнаго товарнаго производства. Оно ведетъ совершенно обособленную жизнь безъ всякой органической связи съ городской промышленностью. И такъ какъ эта промышленность не производитъ никакихъ излишковъ для деревни, то и добровольная, легальная поставка сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ города все больше замираетъ. Она замѣняется частью насильственными реквизиціями, грабежами безъ вознагражденія, съ другой стороны — незаконнымъ мѣшечничествомъ, извлекающимъ изъ городовъ послѣдніе остатки накопленныхъ прежде издѣлій промышленности.

Крестьянамъ послѣ разрушенія крупныхъ помѣстій большевизмъ ничего не въ состояніи предложить. Ихъ

привязанность къ нему превращается въ ненависть, — ненависть къ городскимъ рабочимъ, ничего не дѣлающимъ, ничѣмъ не снабжающимъ деревни, въ ненависть къ властвующимъ, посылающимъ въ деревню красноармейцевъ для реквизиціи продовольствія, въ презрѣніе къ городскимъ ростовщикамъ и спекулянтамъ, пытающимся выманить у крестьянъ излишки обманными сдѣлками всякаго рода.

Рядомъ съ этимъ чисто мелко-мѣщанскимъ хозяйничаньемъ въ деревняхъ — въ городахъ возникаетъ общество, желающее стать социалистическимъ. Оно начало съ униженія и разгрома высшихъ классовъ и заканчивается въ качествѣ новаго классоваго общества. Оно включаетъ въ себя три класса.

Низшій изъ нихъ обнимаетъ собой прежнихъ „буржуевъ“, капиталистовъ, мѣщанство, интеллигенцію, поскольку они настроены оппозиціонно. Политически обезправленные, лишенные всякихъ средствъ, они отъ поры до времени посылаются на принудительныя, самаго отталкивающаго характера работы и за это получаютъ продовольственные раціоны, представлявшіе собой мизернѣйшій или вѣрнѣе — голодный паекъ. Адъ этого рабства можно сравнить лишь съ мерзвѣйшими ростками, когда бы то ни было поднимавшимися на почвѣ капитализма. Созданіе этого ада является первороднымъ, насильственнымъ актомъ большевизма, его первымъ великимъ шагомъ на пути къ освобожденію человѣчества.

Надъ этимъ классомъ въ качествѣ средняго класса находятся наемные рабочіе. Они политически привилегированы. Только они по буквѣ совѣтской конституціи располагаютъ въ городахъ избирательнымъ правомъ, свободой печати и коалиціи. Они могутъ избирать сами родъ своихъ занятій и за работу, которую они сами устанавливаютъ, получаютъ достаточное вознагражденіе. Вѣрнѣе, такъ все это было, ибо съ теченіемъ времени выяснилось, что при данномъ уровнѣ широкихъ массъ русскихъ на-

емныхъ рабочихъ промышленность въ такихъ условіяхъ все больше замирала.

Чтобы спасти промышленность, пришлось надъ рабочими создать новый классъ чиновничества, которое все болѣе и болѣе присваивало себѣ власть, а свободы рабочихъ обратило въ тѣнь. Это произошло, конечно, не безъ сопротивленія рабочихъ, которое росло тѣмъ сильнѣе, что при всеобщемъ развалѣ промышленности и транспорта и все увеличивающейся изоляціи деревни отъ города и пропитаніе рабочихъ, несмотря на высокіе заработки, стало отчаяннымъ.

Восхищеніе рабочихъ большевиками исчезало у одной категоріи рабочихъ за другой, но ихъ оппозиція была неорганизованной, распыленной и невѣжественной — лицомъ къ лицу съ замкнутой фалангой ихъ сравнительно болѣе образованной бюрократіи. Съ ней они ничего не могли подѣлать.

Такъ изъ самодержавія рабочихъ совѣтовъ возникаетъ самодержавіе бюрократіи, частью вышедшей изъ этихъ совѣтовъ, частью ими назначенной, частью имъ навязанной, — бюрократіи, являющейся высшимъ изъ трехъ классовъ города, этимъ классомъ господъ, растущимъ подъ руководствомъ старыхъ коммунистическихъ идеалистовъ и борцовъ.

Самовластіе „чина“, старой бюрократіи, возрождается, но, какъ мы видѣли, нисколько не въ лучшемъ изданіи. И изъ него, и рядомъ съ нимъ прорастаютъ, уже прямо благодаря преступнымъ дѣйствіямъ, зародыши новаго капитализма, по своей сущности стоящаго гораздо ниже прежняго, промышленнаго.

И только старый феодальный помѣщикъ не возрождается. Для его устраненія Россія созрѣла. Но не для устраненія капитализма. Послѣдній отпраздновалъ свое возрожденіе, но въ формахъ, еще болѣе угнетающихъ и мучительныхъ для пролетаріата, чѣмъ прежнія. Частный капитализмъ вмѣсто высокихъ, индустріальныхъ формъ

принимаетъ жалчайшія, презрѣннѣйшія формы мѣщеничества и ростовщичества. Промышленный капиталъ изъ частнаго обратился въ государственный капитализмъ. Въ прежнія времена бюрократія правительственная и капиталистическая относились одна къ другой критически, зачастую — враждебно. И рабочій то у одной, то у другой находилъ свое право. Теперь правительственная и капиталистическая бюрократія слиты воедино: таковъ заключительный аккордъ великаго соціалистическаго преображенія, принесеннаго большевизмомъ. Это означаетъ самую мучительную тиранію, когда-либо выпадавшую на долю Россіи. Замѣна демократіи произволомъ рабочихъ совѣтовъ, долженствовавшая служить на пользу экспропріаціи экспропріаторовъ, приводитъ къ произволу новой бюрократіи и дѣлаетъ возможнымъ то, что демократія становится для рабочихъ мертвой буквой, — въ то время какъ они одновременно попадаютъ въ экономическую зависимость, какой имъ до сихъ поръ не приходилось выносить.

При этомъ потеря свободъ не балансируется для нихъ увеличеніемъ ихъ благосостоянія. Новая экономическая диктатура функционируетъ нѣсколько лучше, чѣмъ предшествовавшая ей экономическая анархія, которая привела бы къ самоскорѣйшему концу. Этотъ конецъ диктатурой отсроченъ, но не устраненъ, такъ какъ экономически не хозяйствуешь и новая бюрократія.

Какъ до сихъ поръ неудовлетворительно функционируетъ новая организація, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій тревожный призывъ комиссара путей сообщенія Красина, опубликованный недавно „Правдой“. Вотъ его содержаніе:

1. Существующая система желѣзнодорожнаго управленія, наряду съ создавшимися въ теченіе пяти лѣтъ войны объективными осложненіями, привела транспортъ къ полному развалу, граничащему съ окончательнымъ его прекращеніемъ.

2. Развалъ вызванъ не только ложными организаціонными формами и методами управленія, не только упавшей

трудоспособностью персонала, но и слишкомъ частой смѣной формъ и органовъ управленія.

3. Стоящую предъ нами задачу — возстановленіе транспорта въ объемѣ, достаточномъ, по крайней мѣрѣ, для потребностей голоднаго питанія и доставки для промышленности топлива и сырья, — эту задачу мы можемъ разрѣшить лишь при героическомъ напряженіи всѣхъ желѣзнодорожныхъ силъ.

4. Эта работа должна быть сдѣлана тотчасъ же, ни одинъ часъ не долженъ пропасть даромъ, ибо иначе всѣмъ завоеваніямъ революціи грозитъ опасность уничтоженія.

5. На мѣсто коллегіальнаго, въ дѣйствительности безответственнаго управленія, вводятся принципы единоличнаго управленія и повышенной ответственности: всѣ отъ стрѣлочника до члена коллегіи, должны точно и безпрекословно исполнять всѣ мои предписанія. Реформы пріостановить и всюду, гдѣ только можно, возстановить старыя должности и старый техническій аппаратъ въ центральномъ управленіи и на линіяхъ.

6. Введеніе аккордныхъ работъ — необходимо.

Красинъ — одинъ изъ немногихъ значительныхъ, практически и научно образованныхъ организаторскихъ талантовъ совѣтскаго правительства. И желѣзнодорожники всегда составляли избранную часть русскаго рабочаго класса. Еще во времена царизма они развили хорошую организованность и показали высокую интеллигентность. И все-же — такіе порядки!

Возваніе показываетъ ясно, что не одни послѣдствія войны виновны въ тяжелой разрухѣ, какъ это часто утверждается. Эти послѣдствія лишь обострили разруху. То — незрѣлость условій, вызывающихъ „угрозу уничтоженіемъ всѣмъ завоеваніямъ революціи“. Для спасенія революціи представляется настоятельно необходимымъ „пріостановить всѣ реформы, возстановить старыя должности и старый техническій аппаратъ“, такимъ образомъ революцію системы сдѣлать какъ бы не происшедшей, чтобы спасти м у ж е й революціи.

И, конечно, этотъ декретъ также мало преобразить людей, которые должны провести его въ жизнь, какъ это мало удавалось другимъ декретамъ.

Подобно старому капитализму, производить и этотъ новый „коммунизмъ“ самъ своихъ могильщиковъ. Но старый капитализмъ производилъ не только ихъ, но и новыя производительныя силы, позволяющія его могильщикамъ насаждать на мѣсто отмирающихъ новыя, болѣе высокія формы жизни. Коммунизмъ въ теперешнихъ условіяхъ Россіи можетъ только исказить продуктивныя силы, которыя онъ находитъ. Его могильщики не смогутъ перейти къ новымъ формамъ жизни, но должны будутъ начинать все заново въ опять возвратившихся формахъ варварства.

Даже какъ преходящее явленіе, подобный режимъ можетъ держаться, лишь опираясь на средства насилія, на слѣпе повинующуюся армію. Ее создали большевики, но и въ этой области для самосохраненія подготовивъ пораженіе своимъ собственнымъ принципамъ.

Они начали съ того, что разрушили „готовую государственную машину“ съ ея военнымъ и бюрократическимъ аппаратомъ. Свершивъ это, они нашли себя вынужденными въ интересахъ самосохраненія заново создать такой же аппаратъ.

Они пришли къ власти, какъ проповѣдники роспуска арміи черезъ солдатскіе совѣты, избирающіе и отставляющіе своихъ офицеровъ и подчиняющіеся имъ, когда сами того пожелаютъ. Солдатскіе совѣты наряду съ рабочими совѣтами были альфой и омегой большевистской политики. Имъ должна была принадлежать вся власть. „Но послѣ пира пришло похмѣлье“.

Какъ только большевики наткнулись на сопротивленіе, они почувствовали потребность въ арміи, способной къ борьбѣ и во всѣхъ отношеніяхъ стоящей къ ихъ услугамъ, не въ арміи бѣгущей или состоящей изъ частей, гдѣ каждый батальонъ ведетъ операціи по своему усмотрѣнію.

Поначалу воодушевленіе могло замѣнить повиновеніе. Ну, а затѣмъ что? Когда воодушевленіе рабочихъ пошло на убыль, добровольцы являлись все рѣже, а отдѣльныя части перестали проявлять вѣрнопопданство?

Въ промышленности демократически поставленное производство требуетъ извѣстной матеріальной и умственной зрѣлости. Въ боеспособной арміи уже по самому ея существу демократія исключается. Война всегда была могилой демократіи. Также и гражданская война, если она бушуетъ долго. Большевизмъ фатально привелъ къ гражданской войнѣ и такъ же фатально — къ уничтоженію солдатскихъ совѣтовъ. Большевистская диктатура низвела на степень тѣни рабочіе совѣты, затруднивъ новые выборы и исключивъ изъ нихъ всякую оппозицію. Отъ солдатскихъ совѣтовъ эта диктатура отобрала все важнѣйшія функціи, а также выборъ офицеровъ. Какъ и до того, они назначаются правительствомъ. И такъ какъ добровольцевъ мало, то снова, какъ и до большевизма, вводится насильственный рекрутскій наборъ. Это ведетъ къ новымъ конфликтамъ между населеніемъ и правительствомъ. Многочисленныя крестьянскія возстанія, возникающія на этой почвѣ, требуютъ опять-таки увеличенія арміи. Массовое дезертирство влечетъ за собой массовый разстрѣлъ.

„Humanité“ въ № отъ 29 мая 1919 г. приводитъ въ очень дружественномъ для большевизма тонѣ сообщеніе, опирающееся на наблюденіи очевидца изъ Россіи и заканчивающееся слѣдующимъ образомъ:

Красная армія есть произведеніе Антанты. Большевистскій режимъ повторно провозглашалъ свой антимилитаризмъ. Миротлюбивый русскій народъ питаетъ къ войнѣ сегодня такое же отвращеніе, какъ вчера и какъ всегда. Онъ жестоко противодѣйствуетъ набору. Въ красной арміи наблюдается такое же дезертирство, какъ прежде въ царскихъ войскахъ. Нерѣдко полкъ не приходитъ на назначенный ему пунктъ, такъ какъ по дорогѣ люди разбѣгаются.

Своеобразная у красной арміи манера выражать свое одушевленіе большевизмомъ!

Если строго держаться фактовъ, безъ всякой ихъ апологіи, то получится выводъ, что и въ области милитаризма возвращаются старыя царистскія условія, лишь еще ухудшенныя, ибо новый режимъ развиваетъ безспорно большую энергію, чѣмъ старый, — несмотря на провозглашеніе антимилитаристическихъ принциповъ. Тутъ повторяется обстановка, подготовившая во французскую революцію превращеніе республики въ имперію Наполеона.

Однако Ленину не предназначено закончить русскимъ Наполеономъ. Корсиканецъ-Бонапартъ завоевалъ сердца Франціи тѣмъ, что ея знамена пронесъ побѣдоносно по всей Европѣ. Это давало удовлетвореніе однимъ, думавшимъ, что именно принципы революціи завоевываютъ Европу; другимъ, находившимъ еще большее удовлетвореніе въ томъ, что французскія арміи грабятъ всю Европу и обогащаютъ Францію.

Россія сильна только въ оборонѣ. Тѣ самыя трудности сообщенія, которыя останавливаютъ вторгающуюся въ нее армію, мѣшаютъ ей свою собственную армію двинуть побѣдоносно за предѣлы страны. И Ленинъ очень хотѣлъ бы пронести черезъ Европу побѣдоносно знамена своей революціи, но видовъ на это у него нѣтъ. Революціонный милитаризмъ большевиковъ не обогатитъ Россіи, онъ можетъ стать лишь новымъ источникомъ ея обнищанія. Нынѣ русская промышленность, поскольку она снова приведена въ движеніе, работаетъ преимущественно на нужды армій, а не для продуктивныхъ цѣлей. Русскій коммунизмъ сталъ воистину социализмомъ казармы.

Экономическій, а потому и моральный крахъ большевистскихъ методовъ неизбеженъ. Онъ могъ бы быть затушеваннымъ, еслибы разразился въ военномъ крушеніи.

Никакая всемірная революція, никакая помощь извнѣ не могутъ устранить параличъ большевистскихъ методовъ.

Задача европейскаго социализма по отношенію къ „коммунизму“ — совершенно иная: заботиться о томъ, чтобы моральная катастрофа одного, опредѣленнаго метода социализма не стала катастрофой социализма вообще; чтобы была проведена рѣзкая различительная грань между этимъ и марксистскимъ методомъ, и чтобы массовое сознание восприняло это различіе. Та радикальная социалистическая пресса понимаетъ очень плохо интересы социальной революціи, которая полагаетъ, что служить имъ, внушая массамъ мысль объ идентичности большевизма и социализма и поддерживая въ нихъ вѣру, что теперешняя форма совѣтской республики — только потому, что она совершаетъ плаванье подъ флагомъ всевластія рабочихъ и социализма — дѣйствительно осуществляетъ социализмъ.

е) Терроръ.

Изображенное здѣсь развитіе возникло, конечно, не по желанію большевиковъ. Наоборотъ, оно явилось совершенно инымъ, чѣмъ то, чего они хотѣли, и они пытались всѣми мѣрами бороться противъ него. Но мѣры эти въ концѣ концовъ сводились къ тому же рецепту, по которому большевистскій режимъ дѣйствуетъ съ самаго начала, — къ насилію, къ произволу нѣсколькихъ диктаторовъ, по отношенію къ коимъ даже самая скромная критика невозможна. Терроръ, режимъ ужаса сталъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ коммунистическихъ методовъ. Это — отчаянная попытка устранить ихъ результаты.

Среди явленій, обнаруженныхъ большевизмомъ, терроръ, начатый съ уничтоженія всякой свободы печатнаго слова и возславленный системой массовыхъ разстрѣловъ, — самое поразительное и отталкивающее, то явленіе которое вызываетъ къ большевикамъ наибольшую ненависть. И все же явленіе это — лишь ихъ трагическій рокъ, не вина ихъ, — поскольку вообще при такомъ гигантскомъ массовомъ движеніи можетъ идти рѣчь о виновности, которая, въ сущности говоря, всегда можетъ быть только личной.

Кто желаетъ обсуждать вопросы вины, тотъ долженъ изслѣдовать нарушеніе моральныхъ заповѣдей отдѣльными лицами, — ибо и воля, беря вопросъ глубоко, всегда можетъ исходить лишь отъ отдѣльныхъ лицъ. Масса, классъ, нація въ дѣйствительности не могутъ имѣть волю, для этого у нихъ нѣтъ соотвѣтствующаго органа, поэтому они не могутъ и грѣшить. Масса или организація могутъ собственно дѣйствовать, но все-же мотивы каждаго изъ участниковъ дѣйствія остаются весьма различными. А мотивы между тѣмъ играютъ рѣшающую роль въ опредѣленіи вины.

Мотивы большевиковъ были навѣрное наилучшими. Въ началѣ своего владычества они проявили себя исполненными идеаловъ гуманности, порожденныхъ классовымъ положеніемъ пролетаріата. Ихъ первый декретъ отмѣнялъ смертную казнь. И все-же, если говорить о винѣ съ ихъ стороны, то она возникаетъ какъ разъ въ періодъ этого декрета, когда они рѣшили ради власти поступиться принципами демократіи и историческаго матеріализма, которые они десятилѣтіями непреклонно защищали. Ихъ вина падаетъ на тотъ періодъ, когда они подобно бакунистамъ Испаніи въ 1873 г. провозгласили „немедленное полное освобожденіе рабочаго класса“, — не взирая на отсталость Россіи и для этой цѣли, — такъ какъ демократія „оказалась безсильной“, — ввели собственную диктатуру подъ фирмой диктатуры пролетаріата.

Здѣсь нужно искать корень ихъ вины. Какъ только они вступали на эту стезю, они уже не могли не практиковать террора. Мысль о мирной дѣйствительной диктатурѣ есть не болѣе, какъ иллюзія.

Созданіями террора стали революціонные трибуналы и чрезвычайныя комиссіи, о которыхъ мы уже говорили. Какъ одни, такъ и другія хозяйничали страшно, не говоря уже о карательныхъ экспедиціяхъ, число жертвъ которыхъ невозможно установить. И количество павшихъ отъ руки „чрезвычайекъ“ также врядъ-ли когда-нибудь будетъ

выяснено. Во всякомъ случаѣ оно достигаетъ тысячъ. Минимальная статистика опредѣляетъ ихъ въ 6000. Нѣкоторые указываютъ двукратное, даже троекратное этого числа. Къ тому же безконечный рядъ брешенныхъ по произволу въ темницы, замученныхъ на смерть и приконченныхъ пытками.

Защитники большевизма ссылаются на то, что ихъ противники, бѣлая гвардія Финляндіи, балтійскіе бароны, царскіе генералы и адмиралы поступаютъ не лучше. Но развѣ воровство можетъ быть оправдано тѣмъ, что и другіе веруютъ?

Но другіе не унимаютъ своихъ принциповъ, когда они по собственному произволу жертвуютъ человѣческой жизнью для удержанія за собой власти. Большевики же могутъ это дѣлать, лишь измѣняя принципамъ святости человѣческой жизни, которые они сами возвѣстили, которые ихъ самихъ подняли и оправдывали. Развѣ мы не боремся со всѣми этими баронами и генералами какъ разъ потому, что для нихъ человѣческой жизни — грошъ цѣна, что она для нихъ — лишь средство для ихъ властныхъ цѣлей?

Слѣдуетъ, конечно, возраженіе, что въ цѣломъ-то и есть разница. Высшая цѣль освящаетъ средства, которыя въ рукахъ властителей становятся злодѣйскими, ибо ихъ цѣли — злодѣйскія. Но вѣдь цѣль освящаетъ не всякое средство, а лишь такое, какое находится въ полномъ созвучіи съ ней. Недостойное цѣли средство не можетъ быть освящено этой цѣлью. Какъ нельзя отстаивать жизнь принесеніемъ въ жертву всего, что составляетъ ея содержаніе и смыслъ, такъ нельзя защищать свои принципы нарушеніемъ ихъ.

Доброе намѣреніе можетъ служить извиненіемъ для тѣхъ, кто примѣняетъ неправильныя средства, но сами эти средства остаются все же недостойными. И тѣмъ болѣе недостойными, чѣмъ огромнѣе вредъ, ими причиняемый.

Но и сами-то цѣли большевистскаго террора далеко не безупречны. Ихъ ближайшая задача — удержать созданный ими милитаристски-бюрократическій аппаратъ. Во что бы то ни стало это должно быть осуществлено истребленіемъ коррупціи внутри самаго аппарата.

Въ „Правдѣ“ отъ 1 апрѣля этого года профес. Дукельскій требовалъ очищенія большевизма и правительственныхъ учрежденій отъ всѣхъ попутчиковъ, бандитовъ и авантюристовъ, примазавшихся къ коммунизму для эксплуатаціи его ради собственныхъ преступныхъ цѣлей. На это Ленинъ возразилъ:

Авторъ письма требуетъ, чтобы мы очистили нашу партію отъ авантюристовъ и бандитовъ, — совершенно справедливое требованіе, которое мы уже давно выставили и проводимъ. Бандитовъ и авантюристовъ мы разстрѣливаемъ и будемъ и впредь разстрѣливать. Но чтобы эта чистка пошла быстрѣе и основательнѣе, намъ нужна помощь искренней и безпартійной интеллигенціи.

Разстрѣлъ — онъ сталъ альфой и омегой коммунистической правительственной мудрости. Но развѣ Ленинъ не призываетъ интеллигенцію на помощь въ борьбѣ съ бандитами и авантюристами? Да, но онъ лишаетъ ее единственнаго дѣйствительнаго оружія — свободы печати. Контроль неограниченной свободы печати самъ по себѣ способенъ держать на уздѣ бандитовъ и авантюристовъ, которые непремѣнно втискиваются во всякій самовластный, безконтрольный правительственный аппаратъ, которые уничтоженіемъ свободы печати воспитываются и возвращаются.

А русская печать находится теперь исключительно въ рукахъ правительственныхъ учреждений, въ которыхъ расположились авантюристы и бандиты. И какими гарантіями располагаетъ Ленинъ, что бандиты и авантюристы не проникли также въ революціонные трибуналы и „чрезвычайки“, съ помощью которыхъ они поставятъ къ стѣнкѣ „искреннюю и безпартійную интеллигенцію“, способную вывести ихъ на чистую воду?

И какъ разъ чрезвычайныя комиссій по борьбѣ со взяточничествомъ обладаютъ самой неограниченной властью, совершенно свободны отъ всякаго контроля и такимъ образомъ дѣйствуютъ въ условіяхъ, порождающихъ то, для борьбы съ чѣмъ онѣ созданы. Революціонный трибуналъ 1793 года также обладалъ уже неслыханной властью произвола. Правовыя гарантіи обвиняемыхъ были ничтожны. Но все-таки онъ судилъ публично, и нѣкоторый контроль его дѣйствій былъ возможенъ. Чрезвычайки совѣтской республики судятъ тайно, безъ соблюденія какихъ бы то ни было правовыхъ гарантій обвиняемыхъ. Не считается безусловно необходимымъ выслушать ихъ, не говоря уже объ ихъ свидѣтеляхъ. Достаточно доноса, простого подозрѣнія, — и расправа готова.

Эта мерзость приняла такія размѣры, что пришлось распорядиться объ ея уничтоженіи. Было постановлено, что „чрезвычайки“ не должны постановлять приговоры о разстрѣлѣ безъ слѣдствія и суда. Но произволь такъ спаянъ съ диктатурой, что его нельзя устранить, когда диктатура остается. Указанное постановленіе сводить само себя на нѣтъ въ ту минуту, когда оно допускаетъ исключеніе при „открыто контръ-революціонныхъ заговорахъ“. Этимъ, понятно, открываются широкія возможности для любого произвольнаго разстрѣла. И если это постановленіе будетъ точно исполняться, то оно будетъ охранять лишь разбойниковъ и бандитовъ, а не „искреннюю и безпартійную интеллигенцію“, при сотрудничествѣ которой должны быть очищены правительственныя учрежденія. Ибо что же такое эта самая чистка, какъ не „контръ-революція“?

Самыя смиренныя выраженія недовольства вызываютъ такія же угрозы, какъ и бандитизмъ. И эти угрозы не ограничиваются уже никакими постановленіями, ибо они касаются области, гдѣ честные коммунисты и бандиты одинаково заинтересованы. Противъ критики совѣтскаго режима они выступаютъ единодушно и тутъ уже нѣтъ рѣчи о снисхожденіи

Такъ совсѣмъ недавно всероссійская комиссія по борьбѣ съ контръ-революціей объявила :

Рядъ волненій, разразившихся въ послѣднее время, свидѣлствуютъ о томъ, что лавры Краснова не даютъ покоя лѣвымъ социалистамъ-революціонерамъ и лѣвымъ меньшевикамъ.

Вся ихъ дѣятельность направлена исключительно на развалъ нашей арміи (Брянскъ, Самара, Смоленскъ), на разрушеніе нашей промышленности (Петроградъ, Тула), нашего транспорта и желѣзнодорожнаго дѣла (желѣзнодорожныя стачки).

Всероссійская чрезвычайная комиссія настоящимъ доводитъ до свѣдѣнія, что она не будетъ дѣлать никакого различія между бѣлогвардейцами изъ рядовъ красновскихъ войскъ и бѣлогвардейцами изъ партіи меньшевиковъ и социалистовъ-революціонеровъ лѣваго крыла.

Карающая рука чрезвычайной комиссіи съ одинаковою беспощадностью опустится на головы какъ однихъ, такъ и другихъ.

Арестованные лѣвые социалисты-революціонеры и меньшевики будутъ служить заложниками, и судьба ихъ будетъ зависѣть отъ поведенія обѣихъ партій.

Предсѣдатель всероссійской чрезвычайной комиссіи

Р. Дзержинскій.

(Взято изъ „Извѣстій“ всероссійскаго центрального исполнительнаго комитета, № 59 отъ 1 марта 1919 г.).

Итакъ, потому, что въ арміи обнаружались признаки разложенія, среди фабрично-заводскихъ рабочихъ и желѣзнодорожниковъ растеть недовольство, — руководящіе элементы неболшевистскаго социализма взяты подъ арестъ, чтобы при малѣйшихъ признакахъ дальнѣйшей пролетарской оппозиціи быть разстрѣлянными.

Держаніе на привязи недовольнаго пролетаріата — такова та возвышенная цѣль, которая теперь въ Россіи должна освящать нечестивыя средства массовыхъ убійствъ. Но экономическаго развала эти средства не превратятъ въ экономическое процвѣтаніе.

же) Виды советской республики.

Правительству Ленина угрожает 9 Термидора. Но может случиться и иное. Исторія не повторяется. Правительство, ставящее предъ собой недостижимую въ данной обстановкѣ цѣль, можетъ потерпѣть крушеніе двоякаго рода: оно или будетъ свергнуто, если будетъ держаться и и падетъ со своей программой, или можетъ утвердиться, если соотвѣтственно будетъ измѣнять свою программу въ концѣ концовъ откажется отъ нея. Для дѣла на одномъ пути, какъ и на другомъ — тотъ же результатъ, т. е. тотъ же провалъ. Но для участвующихъ лицъ огромная разница: удержать-ли они въ своихъ рукахъ государственную власть, или какъ поверженные знаменитости будутъ выданы на расправу врагамъ.

Робеспьеръ палъ 9 Термидора. Но не всѣ якобинцы раздѣлили его участь. Умнымъ подлаживаніемъ къ обстоятельствамъ многіе изъ нихъ поднялись высоко. Самъ Наполеонъ принадлежалъ къ террористамъ, былъ въ дружбѣ съ братьями Робеспьеръ. Сестра ихъ Марія рассказывала позже:

Бонапартъ былъ республиканцемъ; я хочу сказать даже, что онъ былъ на сторонѣ монтаньяровъ. Его благоговѣніе предъ моимъ старшимъ братомъ, его дружба къ моимъ младшимъ братьямъ и можетъ быть участіе къ моему горю принесли мнѣ во времена консульства пенсію въ 3600 франковъ.

Не только отдѣльные люди, но и цѣлыя партіи могутъ видоизмѣняться и такимъ путемъ выбираться изъ отчаяннаго положенія со здоровой головой, даже съ властью и почетомъ. Не исключена возможность того, что крахъ коммунистическихъ опытовъ въ Россіи заставитъ и большевизмъ измѣнить свою окраску и сохранить его, какъ правительствующую партію, отъ гибели. На путь этотъ онъ уже вступилъ. Какъ истинные реальные политики, большевики за время своего господства показали большое искусство приспособленія къ обстоятельствамъ.

Первоначально они были ратоборцами Учредительнаго собранія, созваннаго на основѣ всеобщаго и прямого избирательнаго права, и разогнали его, какъ только оно стало на ихъ пути. Они были принципиальными противниками смертной казни и ввели кровавое господство. Послѣ уничтоженія демократіи въ государствѣ они были пламенными адвокатами демократіи внутри пролетаріата. И они постепенно оттѣснили ее назадъ, замѣняя ее личной диктатурой. Они отмѣнили аккордную систему и ввели ее снова. Они провозгласили вначалѣ своего властвованія своей задачей искорененіе бюрократическаго аппарата стараго государства. И на мѣсто разрушеннаго они ввели новый. Они пришли къ власти путемъ разрушенія дисциплины въ арміи и ея самой въ итогѣ. Они создали новую огромную армію, дисциплинированную въ мертвой покорности. Они хотѣли уничтожить классы и ввели новыя классовыя различія, создали классъ внизу пролетаріата, а его самого приподняли до положенія привилегированнаго класса, надъ нимъ же возвели новый классъ съ огромными доходами и привилегіями. Они хотѣли связать по рукамъ состоятельное крестьянство въ деревнѣ тѣмъ, что политическіе права предоставили исключительно бѣднѣйшимъ крестьянамъ. И снова предоставили представительство состоятельному крестьянству. Они начали съ безпощадной экспропріаціи капитала, а теперь готовы отдать американскимъ капиталистамъ земельныя сокровища половины Россіи, чтобы заручиться ихъ помощью и всячески пойти навстрѣчу иностранному капиталу.

Военный французскій корреспондентъ Людовикъ Нодо недавно сообщалъ въ „Temps“ о бесѣдѣ съ Ленинымъ, въ которой послѣдній, между прочимъ, повѣдалъ слѣдующее о своихъ дружественныхъ капиталу намѣреніяхъ:

Мы охотно согласились бы признать внѣшніе займы и уплачивали бы проценты по нимъ и именно, за отсутствіемъ другихъ платежныхъ средствъ, поставкой пшеницы, нефти и всякаго рода сырья, которыми мы безъ сомнѣнія будемъ обладать въ изобиліи, какъ только откроется возможность

возобновить въ Россіи работу въ полномъ объемѣ. Мы готовы также на основѣ договоровъ, которые во всякомъ случаѣ должны быть совершены дипломатическимъ путемъ, предоставить подданнымъ Антанты концессіи по эксплуатаціи лѣсовъ и горныхъ богатствъ, — конечно съ оговоркой, что существенныя основы російской совѣтской республики будутъ признаны. Мы знаемъ, что англійскіе, японскіе и американскіе капиталисты горячо добиваются такихъ концессій.

Интервью, конечно, — не документы, на которыхъ можно приносить клятвы. Но намѣренія Совѣтской республики, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, подтверждаются цѣлымъ рядомъ другихъ достовѣрныхъ корреспондентовъ изъ Россіи. Они свидѣлствуютъ о крѣпкой привязанности къ реальнымъ благамъ жизни, но говорятъ также объ отказѣ отъ коммунистической программы, осуществленіе которой откладывается на довольно продолжительный срокъ, — если чужимъ капиталистамъ отрѣзывается кусокъ Россіи на 80 лѣтъ.

Коммунизмъ, какъ средство немедленнаго освобожденія російскаго пролетаріата, уже теперь потерпѣлъ крахъ, рѣчь идетъ лишь о томъ, объявитъ ли правительство Ленина въ замаскированной формѣ о банкротствѣ большевистскихъ методовъ, или какая-нибудь контръ-революціонная власть опрокинетъ это правительство и въ жестокой формѣ объявитъ объ указанномъ банкротствѣ.

Мы предпочли бы первый исходъ, — исходъ, при которомъ большевизмъ сознательно возвратится на путь марксистскаго эволюціонизма, понимающаго, что закономѣрныя фазы развитія нельзя миновать при помощи скачковъ. Этотъ исходъ былъ бы наименѣе болѣзненнымъ и для международнаго пролетаріата наиболее выгоднымъ. Но — увы! Ходъ всемірной исторіи совершается не по нашимъ желаніямъ.

Наслѣдственный грѣхъ большевизма — вытѣсненіе демократіи правительственными формами диктатуры, имѣющей одинъ только смыслъ: неограниченное самовластіе одного лица или небольшой, крѣпко связанной организаціи.

Съ диктатурой — то же самое, что съ войной, и это слѣдовало бы замѣтить тѣмъ въ Германіи, кто подъ вліяніемъ русской моды играетъ съ мыслью о диктатурѣ, не додумывая ея до конца. Какъ и войну, можно легко объявить и диктатуру, если для этого въ распоряженіи имѣется государственная власть, но какъ только послѣдовало объявленіе, нельзя прекратить по желанію ни ту, ни другую. Остается выборъ: побѣдить или кончить катастрофой.

Россія настойчиво нуждается въ помощи иностраннаго капитала. Но она не будетъ ей оказана безъ созыва Учредительнаго Собранія и свободы печати. Не потому, конечно, что иностранные капиталисты — завзятые демократическіе идеалисты. Безъ всякихъ колебаній они ссудили царизмъ многими милліардами. Но они не питаютъ довѣрія къ революціонному правительству, они сомнѣваются въ его прочности, когда оно не выноситъ никакой критики въ печати и не имѣетъ за собой яснаго большинства населенія.

Будетъ-ли и сможетъ-ли совѣтское правительство оказаться въ состояніи обезпечить свободу печати и созывъ Учредительнаго Собранія?

Нѣкоторые изъ большевиковъ утверждаютъ, что совѣтскому правительству нестрашны ни то, ни другое. Почему же они не возстановливаютъ ихъ въ такомъ случаѣ? Почему пренебрегаютъ они средствомъ, которое могло бы неизмѣримо увеличить ихъ моральную силу и поднять довѣріе къ нимъ? Въ упомянутомъ уже предисловіи къ Бухаринской „Программѣ коммунистовъ“ говорится:

Условіе, которое ставятъ революціи Каутскій и Ко., состоитъ въ томъ, что хотя революція и имѣетъ право диктовать буржуазіи свою волю, но все-же обязана дать ей возможность, при посредствѣ свободы печати, приносить жалобы предъ Учредительнымъ Собраніемъ. Это остроумное требованіе профессиональнаго сутяги, — которому неважно: осуществляется его право или нѣтъ, лишь бы была возбуждена жалоба, — могло бы, говоря аб-

страктно, быть исполненнымъ безъ вреда для революціи. Но революція и состоитъ въ томъ, что она есть гражданская война, и классы, борющіеся при помощи пушекъ и пулеметовъ, съ презрѣніемъ относятся къ гомерической словесной дуэли. Революція не ведетъ диспутовъ со своими врагами, она уничтожаетъ ихъ; контръ-революція то же самое, и обѣимъ имъ не страшенъ упрекъ въ томъ, что они нарушили дѣлопроизводство германскаго рейхстага.

Это оправданіе кровавыхъ мерзостей — заодно и контръ-революціи — дѣйствуетъ особенно утѣшительно при знакомствѣ съ тѣмъ, что авторъ говоритъ нѣсколькими страницами раньше:

Соціалистическая революція есть долгій процессъ, который начинается низверженіемъ капиталистическаго класса, но заканчивается лишь преображеніемъ капиталистическаго хозяйства въ трудовую общественность. Этотъ процессъ во всякой странѣ займетъ, по крайней мѣрѣ, поколѣніе, и этотъ періодъ и является періодомъ диктатуры пролетаріата, когда пролетаріатъ долженъ одной рукой неустанно повергать классъ капиталистовъ, и лишь другой можетъ проводить созидательную соціалистическую работу.

Итакъ, революція есть не что иное, какъ гражданская война, — война, гдѣ нѣтъ мѣста снисхожденію, гдѣ одна сторона уничтожаетъ другую, но безъ длительного успѣха, ибо этотъ чудесный процессъ „займетъ, по крайней мѣрѣ, поколѣніе“.

Опустошительная гражданская война, веденная съ пулеметами и удушающими газами, разоряющая страну еще болѣе ужасно, чѣмъ тридцатилѣтняя, косящая населеніе, доводящая огрубѣніе до самаго дикаго варварства, разрушающая окончательно источники производства — вотъ путь для „созиданія болѣе высокихъ формъ жизни“, которыя знаменуютъ собой соціализмъ!

Это „остроумное“ пониманіе соціальной революціи принадлежитъ несомнѣнно не „сутягѣ по призванію“, а конечно — революціонеру по призванію. для котораго вооруженное возстаніе является синонимомъ революціи, для

котораго жизнь теряетъ смыслъ и содержаніе, если революція переходитъ въ форматъ демократіи, а не гражданской войны.

Одно, впрочемъ, совершенно вѣрно: существуютъ только двѣ возможности — или демократія, или гражданская война. Кто устраняетъ первую, долженъ придти ко второй. Диктатура лучше всего, какъ на дрожжахъ, выходитъ тамъ, гдѣ имѣетъ дѣло съ безнадежнымъ и апатичнымъ населеніемъ — самымъ худшимъ матеріаломъ для созданія соціалистическаго общества.

Такъ какъ передъ нами альтернатива: демократія или гражданская война, я заключаю отсюда, что тамъ, гдѣ социализмъ невозможенъ на демократической основѣ, гдѣ большинство населенія отвергаетъ его, — тамъ не пришло еще для него время вообще. Большевизмъ же считаетъ, что социализмъ повсюду долженъ быть навязанъ меньшинствомъ большинству, и что это можетъ осуществить диктатура и гражданская война.

И тотъ фактъ, что большевизмъ чувствуетъ себя въ народѣ въ меньшинствѣ, дѣлаетъ понятнымъ его свирѣпое отклоненіе демократіи, — вопреки его увѣреніямъ, что демократія „не повредитъ революціи“. Если бы онъ чувствовалъ за собой большинство, ему не за чѣмъ было бы отказываться отъ демократіи, даже если бы онъ считалъ, что единственный революціонный путь борьбы есть борьба съ пушками и пулеметами. И даже такая борьба была бы для большевизма облегчена, — какъ была она облегчена для революціонныхъ парижанъ 1795 г. — если бы позади него стоялъ революціонный Конвентъ.

Но въ томъ то и дѣло, что онъ не стоялъ бы позади него. Когда большевики получили власть, они были на высотѣ своего господства надъ массами, рабочими, солдатами, значительной частью крестьянства. И все же они не осмѣливались тогда апеллировать ко всеобщему избирательному праву. Въмѣсто того, чтобы распустить Учредительное Собраніе и назначить новые выборы, они разогнали его.

Вслѣдъ затѣмъ, со дня на день, росла оппозиція противъ большевиковъ, какъ это показываетъ постоянно растущая нервность ихъ сторонниковъ по поводу всякой неофициальной прессы, исключеніе социалистическихъ критиковъ изъ совѣтовъ, переходъ къ террору.

Въ этой стадіи едва-ли возможны отказъ отъ диктатуры и возвратъ къ демократіи. Всѣ попытки, сдѣланныя до сихъ поръ, быстро терпѣли крушеніе. Большевики согласны для удержанія за собой власти предоставить всевозможныя концессіи бюрократіи, милитаризму, капитализму. Но уступка демократіи равносильна для нихъ самоубійству, и все же только она открываетъ возможность прекратить гражданскую войну и снова направить Россію на путь экономического возрожденія и здороваго развитія высшихъ жизненныхъ формъ.

Безъ демократіи Россія погибнетъ. Съ ней погибнетъ большевизмъ. Результатъ предвидѣть нетрудно. Необходимости какъ разъ 9 Термидора нѣтъ, но я боюсь, что дѣло отъ этого недалеко.

3) Видь на всемірную революцію.

Большевики сами не проявляютъ особой увѣренности въ своей конечной побѣдѣ. Но на нѣкій якорь спасенія они возлагаютъ еще всѣ свои надежды. Если Россія перестанетъ быть избраннымъ народомъ революціи, тогда всемірная революція должна стать Мессіей, который будетъ спасителемъ русскаго народа.

Что же такое, однако, всемірная революція? Ее можно понимать двояко: съ одной стороны — какъ такое наростаніе социалистической мысли при одновременномъ усиленіи пролетаріата и обостреніи классовой борьбы, которые изъ социализма создадутъ міровую двигательную силу, все болѣе опредѣляющую жизнь всѣхъ государствъ. Съ другой стороны — революціонизированіе міра въ большевистскомъ смыслѣ, завоеваніе пролетаріатомъ политической власти во всѣхъ великихъ державахъ

уже въ ближайшее время — иначе всемірная революція не спасетъ російской совѣтской республики — все стороннее насажденіе республики совѣтовъ, лишеніе правъ всѣхъ коммунистическихъ элементовъ, диктатуру коммунистической партіи и, благодаря всему этому, разнузданіе гражданской войны во всемъ мірѣ на цѣлое поколѣніе.

Въ дѣло пущена энергичная пропаганда для достиженія такой цѣли. Создать всемірную революцію въ большевистскомъ смыслѣ ей не удастся. Но она могла бы, если бы ей это удалось, оказать на Западную Европу дѣйствительное вліяніе и способствовать всемірной революціи въ томъ смыслѣ.

Ибо главная задача проповѣдниковъ всемірной революціи въ русскомъ смыслѣ сводится къ разнузданію братоубійства среди пролетаріевъ.

Съ самаго зарожденія своего, дитя партійнаго раздора, пришедшій къ господству чрезъ борьбу съ другими социалистическими партіями своей страны, большевизмъ пытается удержаться въ Россіи при помощи гражданской войны, которую онъ превращаетъ въ войну братскую. И, какъ послѣднее средство своего господства, онъ присоединяетъ стремленіе вызвать расколъ во всѣхъ другихъ социалистическихъ партіяхъ, еще оставшихся едиными, — поскольку онѣ не обнаруживаютъ большевистскаго большинства. Таковъ смыслъ „Третьяго Интернаціонала“. Такъ думаетъ этотъ Третій Интернаціоналъ осуществить всемірную революцію.

И это обусловлено не капризомъ, не злой волей, но самимъ существомъ большевизма, непримиримаго съ „вышими формами жизни“, уже „высвободившимися“ въ Западной Европѣ.

Въ Западной Европѣ демократія — не со вчерашняго дня, какъ въ Россіи. Она завоевава въ рядѣ революцій, какъ результатъ многовѣковой борьбы, вошла въ плоть и кровь массъ. И тамъ совершенно невозможно огромные общественные классы объявить политически неправ-

ными. Во Франціи крестьянство является силой, которую нельзя презирать, и которая ревностно оберегает частную собственность. Буржуазія во Франціи, а еще больше въ Англіи, — закаленный въ бояхъ классъ. Пролетаріатъ въ Россіи слабѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ, но еще значительно слабѣе русская буржуазія.

Въ Россіи, какъ и вообще въ странахъ сильной военной автократіи она, воспитана въ трусливомъ страхѣ предъ государственной властью, какъ и въ слѣпомъ довѣріи къ ея защитѣ. Отсюда — ничтожество таможняго либерализма. Крахъ государственной власти, ослабленіе защитнаго военнаго вала, переходъ власти къ пролетаріату такъ устрашили непривычную къ энергичной политической борьбѣ буржуазію, что она совершенно растерялась и сдала всѣ позиціи безъ боя.

Въ Западной Европѣ низшіе классы въ вѣковой классовой борьбѣ воспитали не только себя, но и высшіе классы. Эти послѣдніе пріобрѣли должное уваженіе къ пролетаріату, но въ свою очередь стали мастерами въ искусствѣ своевременно встрѣчать его натискъ уступками и тѣмъ избѣгать катастрофы. Въ англо-саксонскихъ странахъ буржуазія издавна должна была сама помогать себѣ, безъ содѣйствія постоянной сильной арміи, она научилась полагаться на собственную силу при столкновеніяхъ съ государственной властью, какъ и съ пролетаріатомъ и не такъ — то легко позволить согнуть себя въ бараній рогъ при первой опасности.

И эти страны вышли изъ войны побѣдителями. Война не уничтожила и не разложила изъ армій, какъ въ державахъ центральной Европы и въ Россіи. Въ восточной Европѣ солдаты разложившихся армій, — къ какимъ бы классамъ населенія они ни принадлежали, — были элементомъ переворотовъ. Эта могучая сила, — ускоряющая революцію, но въ то же время способствующая тому, что слабые революціонные факторы преждевременно приходятъ къ власти и сталкиваются съ проблемами, до которыхъ

они не доросли, — въ странахъ побѣдителей отсутствуетъ. Тамъ социализмъ лишь тогда получить государственную власть, когда онъ будетъ достаточно сильнымъ, чтобы въ рамкахъ демократіи взять перевѣсъ надъ другими партіями, тамъ у него нѣтъ ни малѣйшей причины совершить клятвопреступленіе надъ демократіей, тамъ какъ разъ высшіе слои пролетаріата будутъ противъ замѣны демократіи диктатурой, которая неизмѣнно сводится къ личному диктаторству.

Правда, среди французскихъ социалистовъ симпатіи къ большевикамъ очень сильны. Но онѣ объясняются очень понятнымъ стремленіемъ оказать противодѣйствіе всяческимъ попыткамъ собственнаго капиталистическаго правительства силой опрокинуть чужое социалистическое правительство. Многіе думаютъ кромѣ того, что Россіи подходятъ большевистскіе методы. Но они ни мало не думаютъ при этомъ о перенесеніи такихъ методовъ во Францію. Тамъ все-же неокончательно исчезли бланкистскія традиціи вооруженныхъ вспышекъ и прудонистскія — противопарламентскія. Оба эти враждебныя теченія въ очень рѣдкостномъ смѣшеніи въ синдикализмѣ обрѣли для себя новую жизнь. Они могутъ дать почву большевизму.

Но совершенно исключена возможность, что большевизмъ захватитъ собой весь пролетаріатъ Франціи или особенно Англіи и Америки. Онъ могъ добиться тамъ лишь раскола среди пролетаріата и какъ разъ въ дни, когда ему предстоятъ великія, рѣшительныя сраженія, въ которыхъ онъ могъ бы занять твердую позицію лишь при условіи тѣснѣйшей сплоченности. Большевистская пропаганда всемірной революціи не могла, какъ уже указано, содѣйствовать дѣйствительно подготавливающейся всемірной революціи. Она можетъ только тормозить ее.

Коммунизмъ мѣшаетъ уже въ Германіи революціи своей тенденціей раскола. Германская социаль-демократія до войны была самой могучей въ мірѣ социалистической партіей. Тѣсно объединенная общностью взглядовъ на

общественное развитіе она была готова включить въ себя большинство населенія, какъ только ей удалось бы привлечь къ себѣ католическихъ рабочихъ, идущихъ подъ знаменемъ центра. Если бы она имѣла за собой большинство, — борьба за демократію именно за избирательное право въ Пруссіи, стала бы борьбой за политическую власть. И будь эта власть завоевана, она немедленно дала бы самые блестящіе результаты — при томъ богатствѣ, которое развилъ и накопилъ германскій капитализмъ и которое давало возможность быстро и значительно улучшить положеніе массъ.

Всемирная война основательно посократила это богатство. Миръ застаеъ Германію въ самомъ отчаянномъ положеніи, исключаящимъ возможность немедленно создать благополучіе массъ, какой бы способъ производства ни господствовалъ. Но та же всемирная война распадомъ и роспускомъ арміи обусловила то, что социаль-демократія пришла къ власти, не благодаря своей силѣ, а благодаря банкротству своихъ противниковъ въ такой моментъ, когда она сама чувствительно ослаблена расколомъ, созданнымъ войной.

И если бы социаль-демократія хотѣла утвердиться въ качествѣ властвующей партіи, — ея немедленное воссоединеніе было неотложнѣйшей необходимостью. Можно было думать, что это велѣніе тогдашнихъ дней будетъ исполнено тѣмъ скорѣе, что самый поводъ раскола — отношеніе къ войнѣ — пересталъ существовать.

Но къ сожалѣнію съ момента возникновенія совѣтской республики въ социалистическіе ряды Германіи былъ вогнанъ новый клинъ, вбитый большевистской пропагандой, которая требовала, чтобы наша партія отказалась отъ своихъ принципиальныхъ требованій демократіи и провела диктатуру рабочихъ совѣтовъ, какъ форму государственности. Чтобы замаскировать, что такимъ путемъ создается измѣна неотдѣлимому отъ существа нашей партіи принципамъ, большевики перестали именоваться социаль-демократами. Они начали называть себя коммунистами якобы

для того, чтобы придти къ истинному, возвѣщенному въ коммунистическомъ манифестѣ марксизму. Они забыли, что Марксъ и Энгельсъ, составившіе въ концѣ 1847 г. коммунистическій манифестъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя и приступили къ изданію „Новой Рейнской Газеты“, какъ органа демократіи. Такъ мало по ихъ взглядамъ противорѣчили одно другому понятія: демократія и коммунизмъ.

Противорѣчіе между диктатурой и демократіей вызвало въ Германіи къ жизни наряду съ обѣими социалистическими партіями, существовавшими въ моментъ революціи, еще третью — коммунистическую. Противорѣчіе это внесло въ политику каждой изъ обѣихъ социалистическихъ партій расколъ и неувѣренность; у независимыхъ породило сильныя большевистскія тенденціи, а у части правыхъ социалистовъ — реакцію противъ этихъ тенденцій, которая стрѣляла мимо цѣли и обусловила сближеніе съ буржуазными партіями. Съ этими послѣдними правые социалисты были въ извѣстномъ общеніи, уже благодаря военной политикѣ гражданскаго мира. Революція 9 ноября сломила эту коалицію съ буржуазіей и замѣнила ее общей работой съ независимыми. Къ сожалѣнію, то было лишь переходящее явленіе.

Такъ же мало, какъ въ Западной Европѣ, можетъ и въ Германіи паролъ диктатуры породить истинную, продолжительную, все государство охватывающую, творчески дѣйствующую диктатуру. Слишкомъ далеко ушло отъ этого населеніе. Всѣ попытки отдѣльныхъ пролетарскихъ слоевъ добиться диктатуры могутъ имѣть лишь временный, мѣстный успѣхъ съ однимъ общимъ результатомъ: ростъ политическаго и экономическаго обнищанія государства и контръ-революціонной военной диктатуры.

Но и эта послѣдняя не можетъ добиться твердаго и повсемѣстнаго владычества. Противъ воли рабочихъ въ Германіи невозможно больше господствовать. Эксцессы „гвардіи Носке“ въ Берлинѣ, отталкивающее бѣшенство въ Мюнхенѣ показываютъ не диктаторскую силу прави-

тельства, а его безсиліе противъ имъ же вызванныхъ духовъ, которые имѣютъ возможность безнаказанно творить акты свирѣпой мести, но не руководить государствомъ.

Стремленіе къ диктатурѣ справа и слѣва не можетъ привести къ дѣйствительной диктатурѣ, а лишь къ анархіи и полному разрушенію, каковыя на мѣсто „высшихъ формъ жизни“, якобы „вырабатываемыхъ“ на этомъ пути, несутъ съ собой каннибализмъ, когда всякая производительность замреть, и продовольственные средства будутъ исчерпаны.

И еще прежде, чѣмъ дѣло зайдетъ такъ далеко, всяческія попытки ввести диктатуру дадутъ лишь, какъ единственный результатъ, ростъ одичанія и жестокости, съ которыми будутъ проведены политическіе и экономическіе бои, увеличеніе числа жертвъ и невозможность какого бы то ни было положительнаго творчества. Это относится одинаково какъ къ кровавому режиму Носке, такъ и къ диктатурѣ совѣтовъ.

Въ данное время пропагандируется диктатура, которая должна продолжаться короткое время и пройти безъ насилій. Это — одно изъ печальнѣйшихъ заблужденій. Въ странѣ, гдѣ всѣ классы пробуждены къ дѣятельной политической жизни, ни одна партія, добивающаяся диктатуры, не можетъ обойтись безъ насилій. Какъ бы миролюбивы ни были ея намѣренія, какъ бы ни сильна была ея воля при помощи диктатуры создать силы лишь для положительной работы, отъ этой диктатуры — немедленно послѣ того, какъ такая партія возьметъ въ свои руки власть, — ничего не останется кромѣ насилій.

Единственный путь избѣжать насилія и придти къ спокойному, положительному труду, даетъ демократія, которая теперь теоретически съ лѣваго, а практически съ праваго социалистическаго фланка подвергается насилію. Національное Собраніе само по себѣ не является еще демократіей. Но, конечно, никакая демократія невозможна безъ народнаго представительства, вышедшаго изъ всеобщаго, прямого голосованія.

Единственное учрежденіе, которые до извѣстной степени можетъ еще удержать государство отъ распада, — не рабочіе совѣты, не диктаторское правительство, а лишь выбранное всѣми частями государства Учредительное Собраніе.

Конечно, теперешнее Учредительное Собраніе являетъ собой крайне безрадостную картину, но кто избралъ его большинство? „Рабочее“ населеніе, то самое, которое должно избрать рабочіе совѣты, если они будутъ обработаны въ нѣкую систему. Голоса независимыхъ социалъ-демократовъ въ Учредительномъ Собраніи не составляютъ и десятой части его. Рабочіе классы составляютъ девять десятыхъ націи.

Рабочіе совѣты даютъ существенно иную картину, чѣмъ Учредительное Собраніе, лишь до тѣхъ поръ, пока они охватываютъ собой только наемныхъ рабочихъ крупной промышленности. Какъ таковые, они могутъ быть двигательной силой политики, если они твердо стоятъ за социализацію. Но съ другой стороны они одни не могутъ замѣнить собой Учредительное Собраніе. Чѣмъ больше система совѣтовъ будетъ распространена за предѣлы рабочихъ крупной промышленности, чѣмъ больше они будутъ охватывать все рабочее населеніе, тѣмъ болѣе ихъ центральный совѣтъ будетъ ближе къ существу Учредительнаго Собранія, однако безъ той авторитетности его большинства, которымъ располагаетъ большинство Учредительнаго Собранія уже по тому одному, что оно открыто является предъ всѣмъ міромъ, какъ большинство націи.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе утвержденія, снова всплывшаго на поверхность и принятаго на послѣднемъ конгрессѣ „третьяго“ Интернаціонала въ Москвѣ, будто парламентаризмъ и демократія по существу своему являются „буржуазными“ учрежденіями. Они суть формы, которыя могутъ имѣть любое содержаніе, въ зависимости отъ рода и слоя населенія. Имѣютъ въ парламентѣ перевѣсъ „буржуазныя“ партіи, и „парламентаризмъ“ — буржуазенъ. И если эти партіи никуда не годятся, и ихъ парламента-

ризмъ ничего не стоитъ. Но все это должно въ основѣ стать инымъ, какъ только большинство парламента принадлежитъ социалистамъ.

Но, — слѣдуетъ возраженіе, — этого не можетъ быть даже при самомъ свободномъ и тайномъ избраніи, такъ какъ капиталисты владѣютъ прессой и подкупаютъ рабочихъ. Но если они въ состояніи подкупать рабочихъ и послѣ такихъ революцій, какъ нынѣшняя, то они должны были бы съ тѣмъ же успѣхомъ вліять на избирателей и въ совѣты рабочихъ.

Утвержденіе, будто для социалистовъ исключена возможность получить большинство даже при самомъ свободномъ и тайномъ избирательномъ правѣ и при перевѣсѣ наемныхъ рабочихъ среди населенія, въ виду денежнаго вліянія капиталистовъ на пролетаріевъ, — означаетъ признаніе пролетаріевъ безграмотной бандой продажныхъ и трусливыхъ людей, означаетъ объявленіе пролетарскаго дѣла обанкротившимся. Если бы пролетаріатъ дѣйствительно былъ столь презрѣннымъ, ему не могло бы помочь ни одно учрежденіе, — какъ бы тонко оно не было задумано, — въ достиженіи побѣды вопреки его моральному и интеллектуальному безсилію.

Если теперешнее Національное Собраніе носитъ буржуазный характеръ, то вина въ этомъ не въ малой мѣрѣ въ большевистской пропагандѣ, внушившей напередъ широкимъ рабочимъ кругамъ даже среди независимыхъ недоувѣріе къ Національному Собранію, понизившей ихъ интересъ къ выборамъ, а другіе рабочіе слои, именно католическіе, готовые было освободиться отъ буржуазныхъ помочей, снова толкнувшей въ объятія буржуазіи.

Несомнѣнно, при теперешнемъ Національномъ Собраніи Германія не можетъ оправиться. Но процессъ оздоровленія будетъ не облегченъ, а напротивъ задержанъ, если борьба противъ теперешняго Національнаго Собранія будетъ обращена въ борьбу противъ демократіи, всеобщаго избирательнаго права, Національнаго Собранія вообще.

Этимъ мѣшаютъ тому, что борьба концентрируется на томъ пунктѣ, откуда можетъ явиться оздоровленіе: на избраніи Національнаго Собранія, въ которомъ представители пролетаріата образуютъ большинство, готовое энергично осуществить социализацію, поскольку она доступна немедленно, а также только теперь начавшуюся демократизацію Германіи, а именно въ администраціи ея.

Это, а не диктатура пролетаріата должно бы быть программой чисто социалистическаго правительства. Такимъ путемъ оно привлекло бы на свою сторону и массы католическихъ рабочихъ, даже широкіе буржуазные круги, которые въ такой программѣ видѣли бы средство вывести республику изъ стадіи гражданской войны.

Если коммунисты утверждаютъ, что демократія является методомъ буржуазнаго господства, то имъ слѣдуетъ возразить, что альтернатива демократіи — диктатура ведетъ ни къ чему иному, какъ къ методу догражданскому, варварскаго кулачнаго права. Демократія, съ ея всеобщимъ, прямымъ избирательнымъ правомъ обозначаетъ не господство буржуазіи. Эта послѣдняя въ ея революціонный періодъ ввела не прямое избирательное право, а цензовое — во Франціи, Англіи, Бельгіи и т. д. Лишь въ утомительныхъ и долгихъ бояхъ пролетаріатъ завоевалъ всеобщее и прямое избирательное право, — общеизвѣстный фактъ, повидимому совершенно забытый всѣми коммунистами и ихъ друзьями. Демократія со всеобщимъ, прямымъ избирательнымъ правомъ есть методъ, при помощи котораго классовая борьба изъ кулачной превращается въ борьбу мыслей, гдѣ можетъ побѣдить только тотъ классъ, который интеллектуально и морально переросъ своего противника. Демократія есть единственный методъ, при помощи котораго могутъ быть выработаны высшія формы жизни, для культурнаго человѣка воплощаемыя социализмомъ. Диктатура ведетъ лишь къ такого рода социализму, который называютъ азіатскимъ. Совершенно несправедливо, ибо Азія дала человѣчеству Кон-

фуція и Будду. Скорѣе его слѣдовало бы называть татарскимъ социализмомъ.

Помимо ужасныхъ послѣдствій войны, на которыя падаетъ главная вина, — главнымъ образомъ въ разлагающей дѣятельности коммунистовъ, въ ихъ распыленіи силъ пролетаріата въ безплодныхъ авантюрахъ лежитъ причина того, что рабочій классъ Германіи извлекъ до сихъ поръ такъ мало выгодъ изъ своей побѣды и не сумѣлъ демократію превратить въ инструментъ своего освобожденія.

Значительно лучшія перспективы открываетъ демократія для социализма въ Западной Европѣ и Америкѣ. Эти страны, особенно англосаксонскія, вышли изъ войны менѣе потрясенными экономически. Каждый поступательный шагъ, каждое завоеваніе власти пролетаріатомъ должны тамъ принести ему немедленно улучшеніе жизненныхъ условій, должны высвободить „вышія формы жизни“.

Одновременно борьба пролетаріата съ буржуазнымъ міромъ должна принять тѣмъ болѣе интенсивныя формы, чѣмъ это имѣло мѣсто до войны. Время патріотическаго опьяненія, созданнаго войной и затѣмъ побѣдой быстро идетъ къ концу. Уже теперь начался поворотъ, и онъ пойдетъ неудержимымъ темпомъ, какъ только наступитъ миръ, который не можетъ, какія бы тяготы онъ не возложилъ на побѣжденных, чувствительно смягчить жертвы побѣдителей и который повсюду интересъ къ внѣшней политикѣ перенесетъ снова на задачи внутренней.

Оппозиція пролетаріата приметъ тамъ тѣмъ болѣе энергичныя формы, что его сознаніе своей силы повсюду поднялось невѣроятно. Германская, а особенно русская революція дѣйствовали въ этомъ отношеніи очень зажигательно.

Какого бы взгляда не держаться на большевистскіе методы, нужно признать, что тотъ фактъ, что пролетарское правительство не только стало у власти, но, несмотря на тягчайшія обстоятельства, удержалось почти два года, необычайно поднимаетъ самосознаніе пролетаріевъ всѣхъ странъ. Для истинной социальной революціи большевики

этимъ свершили великое, гораздо больше, чѣмъ при посредствѣ своихъ эмиссаровъ, принесшихъ пролетарскому дѣлу больше зла, чѣмъ революціоннаго воздѣйствія.

Пролетаріатъ всего міра пришелъ въ движеніе, и его интернаціональное давленіе будетъ достаточно сильно, чтобы отнынѣ всякій экономическій прогрессъ проходилъ не въ капиталистическомъ, а въ социалистическомъ направленіи.

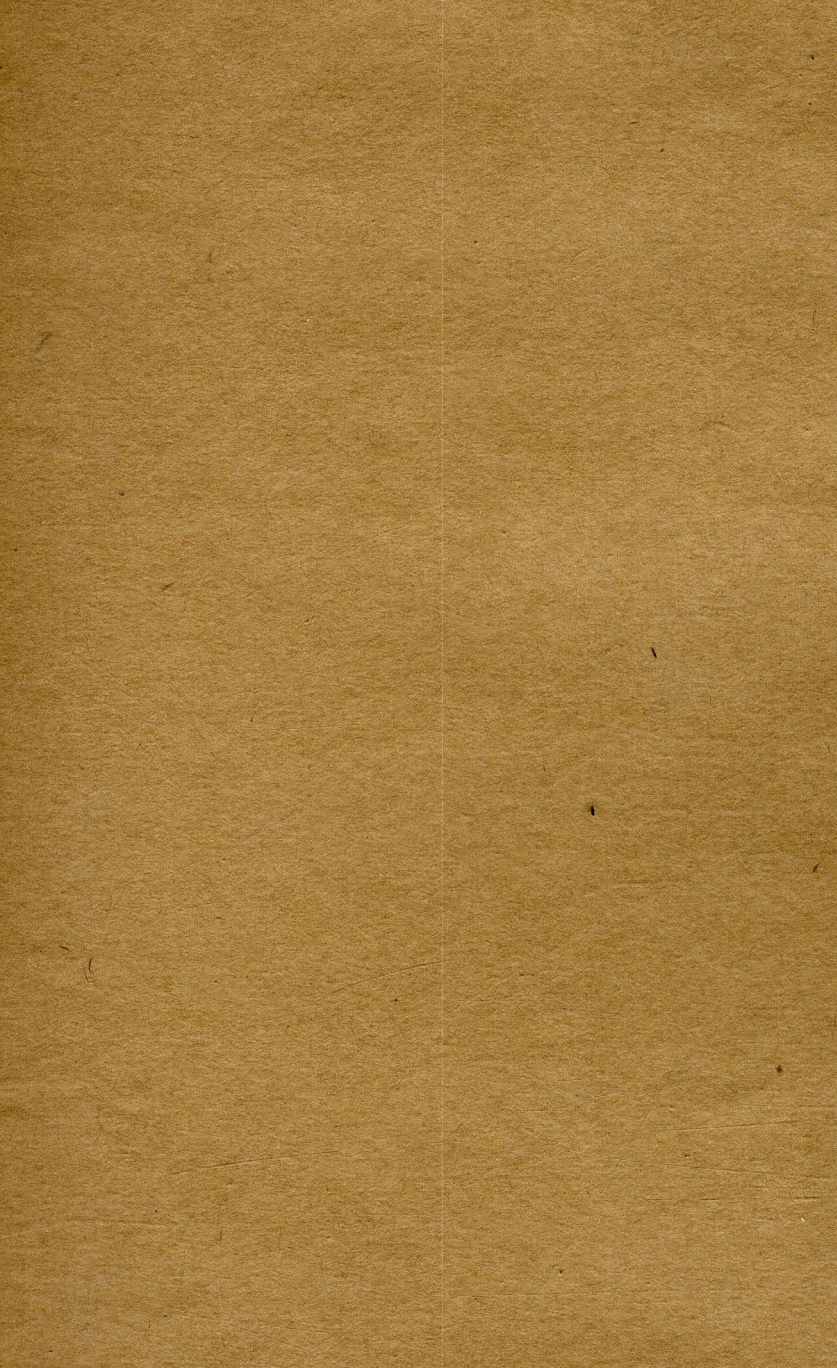
Такимъ образомъ всемірная война будетъ несомнѣнно обозначать собой эпоху, конецъ капиталистическаго и начало социалистическаго развитія. При этомъ однимъ прыжкомъ мы не перепрыгнемъ изъ капиталистическаго въ социалистическій міръ. Соціализмъ не есть механизмъ, который создается по заранее составленному плану и затѣмъ, однажды приведенный въ движеніе, дѣйствуетъ неизмѣнно по одному и тому же способу. Соціализмъ есть процессъ общественнаго взаимодѣйствія, имѣющій свои точные законы, какъ и всякая общественная работа, но внутри этихъ законовъ могущій принять самыя разнообразныя формы и способенъ къ развитію, конца котораго нынѣ предусмотрѣть невозможно.

Какъ и прежде, и теперь намъ не надлежитъ „вводить по постановленію народа въ прокъ заготовленныя утопіи“.

То, что происходитъ теперь, есть „высвобожденіе элементовъ“, которые должны начать работу социалистическаго развитія. Если угодно это называть всемірной революціей, такъ какъ одинъ и тотъ же процессъ совершается во всемъ мірѣ, то мы стоимъ передъ всемірной революціей. Но она будетъ разворачиваться не на путяхъ диктатуры, не при помощи пушекъ и пулеметовъ, не въ истребленіи политическихъ и социальныхъ противниковъ, но въ демократіи и человѣчности. Только такимъ путемъ мы придемъ къ тѣмъ высшимъ формамъ жизни, высвобожденіе которыхъ составляетъ историческую задачу пролетаріата.

О г л а в л е н і е.

	Стр.
Предисловіе.	5
1. Революція и терроръ.	7
2. Парижъ	9
3. Великая Революція.	19
4. Первая Парижская Коммуна:	
а) Парижскій пролетаріатъ и его средства борьбы. .	26
б) Причины террора	30
в) Неудача террора	37
5. Традиціи террора.	48
6. Вторая Парижская Коммуна:	
а) Происхожденіе Коммуны.	57
б) Рабочіе совѣты и Центральный Комитетъ	70
в) Якобинцы въ Коммунѣ.	77
г) Интернаціоналисты въ Коммунѣ	82
д) Соціализмъ Коммуны.	93
е) Централизмъ и Федерализмъ	103
ж) Террористическая мысль въ Коммунѣ	113
7. Смягченіе нравовъ:	
а) Звѣрство и человѣчество.	123
б) Двѣ тенденціи	129
в) Кровавые ужасы и терроръ.	134
г) Смягченіе нравовъ въ 19 столѣтіи	141
д) Вліяніе войны	149
8. Коммунисты за работой:	
а) Экспропріація и организація.	158
б) Зрѣлость пролетаріата.	172
в) Диктатура.	181
г) Коррупція.	185
д) Превращенія большевизма	195
е) Терроръ	204
ж) Виды совѣтской республики.	210
з) Виды на всемірную революцію	216

6,81
(1986)

PL 28624

1.574